ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№4 (167), 2024**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Агаркова Любовь Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анесянц Саркис Артаваздович, доктор экономических наук, профессор
Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Душакова Леся Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, кандидат юридических наук
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кузьминов Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мясников Анатолий Павлович, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Полтавцева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Скорев Михаил Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Улезько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Шагинян Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2024

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕНЕДЖМЕНТ

Кузьминов А.Н., Воронина А.В., Жукова Т. В. Управление развитием ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса 7

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Дзалаев О.Ф. Государственная национальная политика в имперской России: историко-правовой анализ 14

Сироватко Ю.Н. Теория правопонимания Н.М. Коркунова и ее значение для современной юридической науки 20

Стус Н.В. Между прошлым и настоящим: процессуальная регламентация начала уголовного процесса в свете Устава уголовного судопроизводства 1864 года 26

Ходос Я.В. Историко-правовые и философско-правовые предпосылки становления учения Л.И. Петражицкого о праве и политике права 32

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Безуглая А.А. Конституционно-правовая трансформация института гражданства в России: осмысленные «уроки прошлого» в современном законодательном исполнении 37

Гаврилина Т.А. Генезис становления права на высшее образование в России 48

Казанцева О.Г., Шахов Н. И., Киселева В.И. Экологическое право и права человека: взаимосвязь и гармонизация 53

Кулик Т.Ю. Применение в арбитражном процессе предварительных обеспечительных мер с учетом положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 56

Лицавкин М.Ю. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации: теоретический поэлементный разбор 61

Мархгейм М.В. Преемственность как логика конституционного строительства России 67

Намитоков Ю.А. Органы судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации 73

Никонова Л.И. Система сдержек и противовесов в срезе российских конституционных новаций 79

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Энговатова К.О. Доктрина снятия корпоративной вуали в гражданском праве 87

Яглинская М.А., Епифанова Т.В. Правовая сущность наследования по закону 92

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бабенко С.В., Семенцова И.А., Пухкалова М.О. Проблемы использования информационных технологий в расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве 96

Исакова Д.С. О некоторых субъектах оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы 100

Лозинский О.И., Бабаева А.А. Инновационные доказательственные возможности электронной (цифровой) криминалистики (форензики) в раскрытии и расследовании преступлений в эпоху повсеместной цифровизации общества 104

Лозинский О.И., Журавлева Ю.С. Специфические особенности раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, психическими аномалиями, не исключающими вменяемость 111

Лозинский О.И., Ферафонтова С.М. Потенциальные информационные возможности результатов оперативно-розыскной деятельности и их значение для раскрытия и расследования преступлений на различных этапах (в различных следственных ситуациях) 118

Мирошниченко Е. А. О некоторых проблемах правовой регламентации организации и проведения воспитательной работы с осужденными в исправительных центрах 125

Палиева О.Н., Палиев В.Б. Преступность мигрантов: причины совершения и меры профилактического воздействия 129

Семенцова И.А., Сазанова Е.А. Насильственная преступность в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование: современное состояние и направление исследования 133

Серегина Е.В., Мамедов Н.А. Подходы к толкованию и классификации оценочных понятий уголовного закона 139

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Хагуш С.Л. Прокси-войны: история и современность 145

CONTENTS

MANAGEMENT

Kuzminov A.N., Voronina A.V., Zhukova T.V. Managing the development of the resource potential of the regional agro-industrial complex 7

THEORY AND HISTORY OF LAW

Dzalaev O.F. State national policy in imperial Russia: historical and legal analysis 14

Sirovatko Yu.N. The theory of legal understanding by N.M. Korkunov and its significance for modern legal science 20

Stus N.V. Between past and present: procedural regulation of the beginning of criminal proceedings in the light of the Criminal Procedure Statute 1864 26

Khodos Ya.V. Historical-legal and philosophical-legal prerequisites for the formation of L.I. Petrazhitsky's teaching on law and legal policy 32

PUBLIC-LAW (STATE-LAW) SCIENCES

Bezuglya A.A. Constitutional-law transformation of the institution of citizenship in Russia: meaningful "lessons of the past" in modern legislative implementation 37

Gavrilina T.A. The genesis of the right to higher education in Russia 48

Kazantseva O.G., Shakhov N. I., Kiseleva V.I. Environmental law and human rights: interrelation and harmonization 53

Kulik T.Yu. Application of preliminary interim measures in the commercial court process, taking into account the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.01.2023 No.15 56

Litsavkin M.Yu. The constitutional-law status of the President of the Russian Federation: a theoretical element-by-element analysis 61

Markhgeym M.V. Continuity as the logic of Russia's constitutional construction 67

Namitokov Yu.A. Judicial authorities in the system of ensuring the constitutional security of the Russian Federation 73

Nikonova L.I. The system of checks and balances in the context of Russian constitutional innovations 79

PRIVATE-LAW (CIVIL) SCIENCES

Engovatova K.O. The doctrine of "piercing the corporate veil" in the civil law 87

Yaglinskaya M.A., Epifanova T.V. The legal nature of inheritance by law 92

CRIMINAL-LAW SCIENCES

Babenko S.V., Sementsova I.A., Pukhalova M.O. Problems of using information technologies in the investigation of crimes committed in the digital space 96

Isakova D.S. On some subjects of providing free legal assistance to minors sentenced to imprisonment 100

Lozinsky O.I., Babaeva A.A. Innovative evidentiary capabilities of electronic (digital) criminalistics (forensics) in the detection and investigation of crimes in the era of widespread digitalization of society 104

Lozinsky O.I., Zhuravleva Yu.S. Specific features of the disclosure and investigation of crimes committed by persons with mental disabilities, mental abnormalities which do not exclude sanity 111

Lozinsky O.I., Ferafontova S.M. Potential information capabilities of the results of operational investigative activities and their importance for the disclosure and investigation of crimes at various stages (in various investigative situations) 118

Miroshnichenko E.A. On some problems of legal regulation of the organization and conduct of educational work with convicts in correctional centers 125

Palieva O.N., Paliev V.B. Migrant crime: causes of commission and preventive measures 129

Sementsova I.A., Sazanova E.A. Violent crimes against persons administering justice and preliminary investigation: current state and directions of research 133

Seregina E.V., Mamedov N.A. Approaches to the interpretation and classification of evaluative concepts of criminal law 139

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNIQUES

Hagush S.L. Proxy wars: history and modernity 145

Менеджмент

Научная статья
УДК 631.15

Управление развитием ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса

© Кузьминов А.Н., Воронина А.В., Жукова Т. В., 2024

Кузьминов Александр Николаевич[1], Воронина Александра Владимировна[2], Жукова Татьяна Васильевна[3]
[1] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия. mr.azs@mail.ru
[2] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. caas@mail.ru
[3] Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им. А. К. Кортунова - филиал ФГБОУ ВО Донской ГАУ, Новочеркасск. Россия. Jukowa74@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются основные достижения агропромышленного комплекса Ростовской области как значительного земельного ресурса. Приводятся результаты уборки урожая выращиваемых культур в целом и с позиций институциональной структуры. Характеризуются факторы, определяющие объем производства продукции растениеводства. В качестве расширения ресурсного потенциала региона резюмируется необходимость продолжения развития в регионе альтернативных возобновляемых источников энергии.

Ключевые слова: агропромышленный регион, институциональная структура, ветроэнергетика, сельхозпроизводители, экосистема

Для цитирования: Кузьминов А.Н., Воронина А.В., Жукова Т. В. Управление развитием ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4 (167) С. 7-13

Management

Original article

Managing the development of the resource potential of the regional agro-industrial complex

© A.N. Kuzminov, A.V. Voronina, T.V. Zhukova, 2024

Alexander N. Kuzminov [1], Alexandra V. Voronina [2], Tatiana V. Zhukova [3]
[1] Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don; Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. mr.azs@mail.ru
[2] Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. caas@mail.ru
[3] Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute named after A. K. Kortunov – the branch of the Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia. Jukowa74@yandex.ru

Abstract: The article reveals the main achievements of the agro-industrial complex of the Rostov region as a significant land resource. The results of harvesting of cultivated crops in general and from the standpoint of the institutional structure are presented. The factors determining the volume of crop production are characterized. As an extension of the resource potential of the region, the necessity of continuing the development of alternative renewable energy sources in the region is summarized.

Keywords: agro-industrial region, institutional structure, wind energy, agricultural producers, ecosystem.

For citation: Kuzminov A.N., Voronina A.V., Zhukova T.V. Managing the development of the resource potential of the regional agro-industrial complex. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167): 7-13 (In Russ.)

Общепризнанно, что агропромышленный сектор имеет потенциал для более высокого уровня использования регионального труда и капитала, поскольку обеспечивает возможность экономии затрат за счет эффекта масштаба. Таким образом агробизнес не только осуществляет вклад в развитие региональной экономики, но и обеспечивает формирование новых и развитие старых цепочек создания ценности, вовлекая в это предприятия других отраслей. В статье рассматривается один из аспектов такой межотраслевой интеграции, включающей АПК и региональную энергетическую систему.

Ведь на предприятия АПК Ростовской области приходится более 28% сельхозпродукции Южного федерального округа [7], а Ростовская область становится одним из лидеров в стране по развертыванию проектов ветроэнергетики. Важным условием успешной их интеграции является достаточность и сбалансированность ресурсного обеспечения, которое в указанной парадигме должно стать ключевым объектом управления.

К концу 2023 года сельхозпроизводители Ростовской области обновили рекорды по сбору зерновых культур. В хозяйствах всех категорий по состоянию на 1 ноября 2023 года намолочено 16 млн тонн зерновых культур (в первоначально-оприходованном весе), что на 6,5 процента больше, чем на начало ноября 2022 года. Урожайность зерновых культур составила 44,7 центнера с одного гектара, что на 5,7 процента выше уровня прошлого года. Благоприятные погодные условия осенью текущего года позволили аграриям области в полной мере осуществлять уборку подсолнечника. По состоянию на начало ноября 2023 года убрано 91,7 процента посевных площадей, засеянных этой культурой. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года валовые сборы подсолнечника увеличились на 47,4 процента; хозяйствами всех категорий на 1 ноября 2023 года было намолочено 2119,1 тыс. тонн. С одного гектара посевов подсолнечника получено по 24,8 центнера, что составляет 143,4 процента к аналогичному периоду предшествующего года. Результаты сбора урожая обобщены в таблице 1.

Таблица 1. Уборка урожая зерновых и семечковых культур хозяйствами всех категорий Ростовской области за 2023 год

Показатели	2023	2023 в % к 2022
Скошено зерновых, тыс. га	3593,8	100,8
Намолочено зерна, тыс. тонн	16049,1	106,5
Урожайность зерна, ц/га	44,7	105,7
Скошено подсолнечника, тыс. га	855,9	103,2
Намолочено подсолнечника, тыс. тонн	2119,1	147,4
Урожайность подсолнечника, ц/га	24,8	143,4

Что касается институциональной структуры землепользователей, то традиционно значительную часть (59,7%) от областного валового сбора зерна намолотили сельхозорганизации области – 9584,8 тыс. тонн (103,6% к 2022 году). Доля крестьянских (фермерских) хозяйств составила 39,4 процента, или 6323,9 тыс. тонн (111,2% к 2022 году) (Рисунок 1).

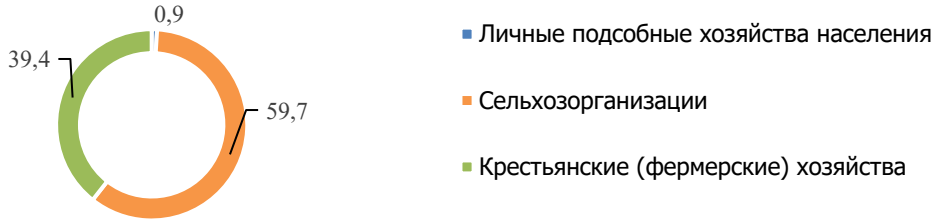

Рисунок 1. Структура производства зерна по категориям хозяйств в 2023 году (в процентах от хозяйств всех категорий)

Доля сельхозорганизаций в общем объеме производства подсолнечника составляет 58,8 процента, или 1245,1 тыс. тонн (145,3% к 2022 году); крестьянских (фермерских) хозяйств – 41 процент, или 869,3 тыс. тонн (150,7% к уровню 2022 года) (Рисунок 2).

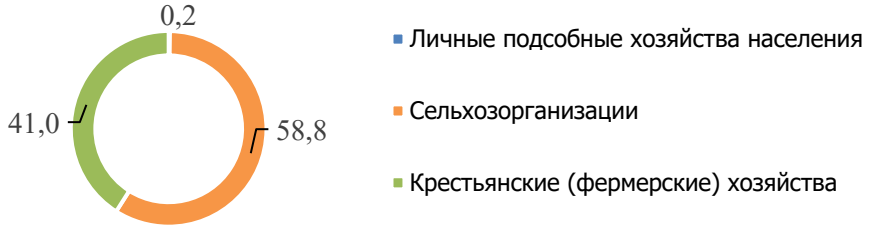

Рисунок 2. Структура производства подсолнечника по категориям хозяйств в 2023 году (в процентах от хозяйств всех категорий)

Овощные культуры также показали хороший результат. Плодородность земельных ресурсов позволила добиться значительных показателей. Хозяйствами всех категорий за анализируемый период 2023 года в целом по региону было накопано 365,6 тыс. тонн картофеля (100,2% к 2022 году). Урожайность картофеля на 1 ноября увеличилась на 0,4 процента по сравнению с показателем 2022 года до 219,5 центнера с гектара (Таблица 2).

Таблица 2. Уборка урожая овощных культур хозяйствами всех категорий Ростовской области

Показатели	2023	2023 в % к 2022
Выкопано картофеля, тыс. га	16,7	99,8
Накопано картофеля, тыс. тонн	365,6	100,2
Урожайность картофеля, ц/га	219,5	100,4
Собрано овощей открытого и закрытого грунта, тыс. тонн	526,3	121,6
из них собрано овощей открытого грунта, тыс. тонн	514,2	122,5
Убрано овощей открытого грунта, тыс. га	24,0	112,3
Урожайность овощей открытого грунта, ц/га	214,0	109,1

При этом следует отметить, что уровень урожайности в хозяйствах населения (165,6 ц/га) на 47,1 процента меньше, чем в сельхозпредприятиях (312,8 ц/га), и на 44,8 процента ниже, чем в крестьянских (фермерских) хозяйствах (299,8 ц/га), соответственно.

Основными производителями картофеля в Ростовской области являются хозяйства населения – на их долю приходилось 46,7 процента областного объема сбора этой культуры (170,9 тыс. тонн, 105,1% к уровню 2022 года). Удельный вес сельскохозяйственных организаций составил 30,8 процента (112,4 тыс. тонн, 96,2% к 2022 году), крестьянских (фермерских) хозяйств составил 22,5 процента (82,3 тыс. тонн, 96,2% к 2022 году) (Рисунок 3).

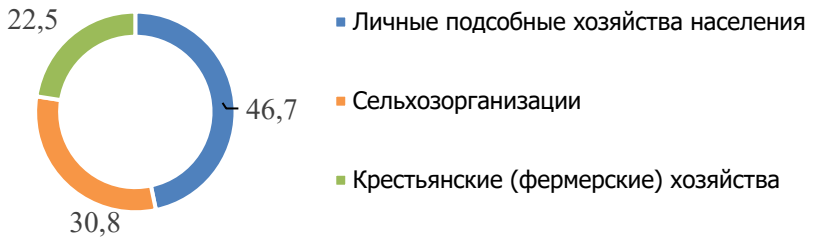

Рисунок 3. Структура производства картофеля по категориям хозяйств в 2023 году
(в процентах от хозяйств всех категорий)

Хозяйствами всех категорий всего собрано 526,3 тыс. тонн (121,6% к 2022 году) овощей, из них валовой сбор овощей открытого грунта на 1 ноября 2023 года составил 514,2 тыс. тонн, что составило 122,5 процента к аналогичному периоду 2022 года. Урожайность овощей, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, увеличилась на 9,1 процента до 214 центнеров с гектара.

В институциональной структуре существенный удельный вес валового сбора овощей занимают хозяйства населения – 67,6 процента областного объема (355,7 тыс. тонн); доля крестьянских (фермерских) хозяйств – 17,6 процента (92,5 тыс. тонн), сельскохозяйственных организаций – 14,8 процента (78,2 тыс. тонн) [6] (Рисунок 4).

Рисунок 4. Структура производства овощей по категориям хозяйств в 2023 году
(в процентах от хозяйств всех категорий)

Уровень продуктивности овощных культур в разрезе категорий хозяйств на начало ноября 2023 года сложился следующим образом: урожайность овощей в хозяйствах населения (190,1 ц/га) на 51,2 процента ниже, чем в сельхозорганизациях (389,5 ц/га), и на 25,5 процента меньше, чем в крестьянских (фермерских) хозяйствах (255 ц/га).

Результат аналитического исследования годовой динамики основных показателей агропромышленного комплекса Ростовской области за 2021-2023 годы учитывает динамику развития растениеводческой, животноводческой отраслей сельского хозяйства в целом по области и в разрезе муниципальных образований, а также динамику развития пищевой промышленности региона [3].

В 2023 году в производстве валового регионального продукта Ростовской области доля сельского хозяйства составляет 13,9 процента (по второй оценке Минэкономразвития Ростовской области). Донской регион является одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции. По итогам 2023 года по производству валовой продукции сельского хозяйства Ростовская область занимает первое место среди регионов России, опередив Краснодарский край. В валовом выпуске сельскохозяйственной продукции около 75 процентов приходится на растениеводство и более 25 процентов – на животноводство.

По итогам 2023 года в рейтинге субъектов Российской Федерации Ростовская область является лидером по сбору пшеницы, также 1-е место – по производству зерновых и зернобобовых культур, по подсолнечнику, по производству консервированных овощей недлительного хранения; 2-е место - по производству рафинированного растительного масла; 5-е место - по производству молока и овощей; 6-е место - по производству яиц [4]. Также следует отметить, что Ростовская область является одним из регионов лидеров в Южном федеральном округе. В рэнкинге регионов ЮФО в 2022 году область занимает 1-е место по производству подсолнечника и яиц, 2-е место по производству зерновых и зернобобовых культур, мяса, молока, 3-е место по сбору картофеля и производству шерсти, 4-е место по производству овощей[2].

В растениеводстве Донского края производится 74,9 процента валовой продукции сельского хозяйства региона. За три года – с 2021 по 2023 – объем продукции растениеводства в хозяйствах всех категорий увеличился с 263,1 млрд рублей до 338 млрд рублей. По итогам 2023 года в рейтинге субъектов страны и территорий Южного федерального округа Ростовская область входит в группу регионов лидеров по производству продукции растениеводства в фактически действовавших ценах – 2-е место.

В разрезе муниципальных районов в 2022 году наибольший объем продукции растениеводства в фактически действовавших ценах произведен в Азовском (19,1 млрд рублей), Зерноградском (14,6 млрд рублей), Сальском (13,9 млрд рублей), Неклиновском (13,6 млрд рублей), Целинском (13,4 млрд рублей).

Динамика индекса производства продукции растениеводства за это время демонстрировала разнонаправленные тенденции. Жаркое лето 2020 года оказало негативное влияние на снижение производства продукции растениеводства относительно уровня 2019 года в Ростовской области на 3,4 процента (по ЮФО снижение на 7,1%, а в среднем по стране рост на 0,7 процента). Благоприятные агрометеорологические условия в 2021 году позволили аграриям региона собрать большой урожай по основным видам сельскохозяйственных культур, в результате чего производство продукции растениеводства по сравнению с 2020 годом увеличилось на 10 процентов (по округу рост на 11,5%, а в среднем по стране отмечено незначительное сокращение на 0,7 процента). По итогам 2021 года по производству продукции растениеводства в сопоставимых ценах среди регионов Российской Федерации область находится на 15-м месте, в ЮФО – на 3-м месте. В 2023 году Донской регион обновил свои рекорды по сбору сельскохозяйственных культур благодаря оптимальным погодным условиям. Индекс по производству продукции растениеводства составил 108,6 процента (РФ – 117,7%, ЮФО – 112,5%), среди регионов округа область заняла 5-е место [2].

В рейтинге муниципальных районов Ростовской области по показателю «Индекс производства продукции растениеводства» в топ-5 входят Обливский (156,9%), Заветинский (146,0%), Дубовский (141,7%), Ремонтненский (132,6%), Советский (128,5%) районы.

На видовой и сортовой состав сельскохозяйственных культур, возделываемых в регионе, оказывают влияние природно-климатические и погодные условия (температурный режим воздуха и почвы, количество осадков и характер их распространения в течение года). Основным фактором, определяющим объем производства продукции растениеводства, является урожайность сельскохозяйственных культур – качественный и комплексный показатель, который зависит от многих факторов.

Ростовская область находится в зоне рискованного земледелия, поэтому на уровень урожайности и, следовательно, на валовые сборы сельскохозяйственных культур существенное влияние оказывают агрометеорологические условия. Так, отсутствие или изобилие осадков сдвигают сроки посевных и уборочных работ. При этом сильные ливневые дожди с градом могут вызвать гибель

посевов, а отсутствие осадков – недостаток запасов влаги в почве и, как следствие, снижение урожайности сельскохозяйственных культур.

Большое влияние на урожайность оказывают культура земледелия, соблюдение севооборота, агротехника и технология выращивания культур, удобрение почвы, качественное выполнение всех полевых работ в строго определенные и сжатые сроки и другие факторы [1].

За последние годы в результате улучшения сортового состава, применения инновационных технологий (капельная система орошения, биологические методы защиты растений от вредителей и болезней, гидропоническая культивация, сеялки точного высева, рассадопосадочные машины) сельхозтоваропроизводители области добились значительного повышения урожайности. В регионе выращивается широкий спектр сельскохозяйственных культур, что обусловлено природно-климатическими условиями нашего региона [8]. За прошедшие три года отмечается расширение общей посевной площади сельскохозяйственных культур с 4748 тыс. гектаров до 5067,7 тыс. гектаров (Таблица 3).

Таблица 3. Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в разрезе хозяйств всех категорий

Показатели	2021		2022		2023	
	тыс. га	в % к 2020	тыс. га	в % к 2021	тыс. га	в % к 2022
В хозяйствах всех категорий	4748,0	101,1	4833,4	101,1	5065,7	104,8
в том числе:						
сельхозорганизации	2869,5	98,6	2894,6	100,9	3012,0	104,1
крестьянские (фермерские) хозяйства	1794,9	105,5	1855,1	103,4	1970,5	106,2
личные подсобные хозяйства населения	83,5	99,3	83,6	100,1	83,2	99,4

В видовой структуре зерновыми культурами занято 72,5 процента посевных площадей, из которых 82,3 процента занимает пшеница; техническими культурами засеяно 23,6 процента площадей, из которых 79,7 процента занято подсолнечником; кормовыми культурами – 2,9 процента; картофелем и овощебахчевыми культурами занят 1 процент площадей [5].

При этом сложившаяся в течение многих лет институциональная структура землепользователей за анализируемый период претерпела незначительные изменения. Прослеживается сокращение доли посевов сельскохозяйственных организаций (с 60,4% в 2020 г. до 59,5% в 2022 г.) и расширение в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей (с 37,8% в 2020 году до 38,9% в 2022 году). Удельный вес посевной площади личных подсобных хозяйств населения в областных посевах занимает 1,6 процента (Рисунок 5).

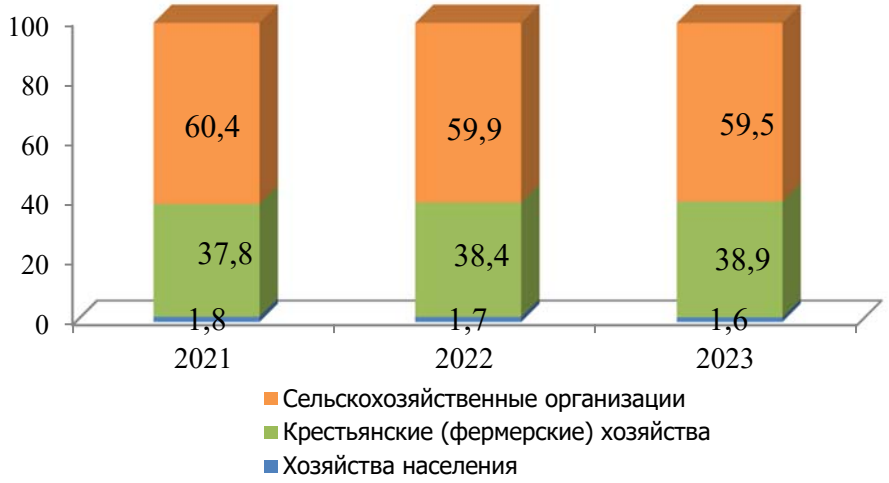

Рисунок 5. Структура общей посевной площади (в процентах от хозяйств всех категорий)

В 2022 году по общему размеру посевной площади в тройку лидеров входят хозяйства всех категорий Сальского (223,7 тыс. га), Зимовниковского (231,5 тыс. га), Зерноградского (207,6 тыс. га) районов.

Таким образом, можно сделать вывод о ключевом влиянии на экономику региона и его устойчивое развитие всей системы АПК, региональной экосистемы в целом. Регион благоприятно реагирует на увеличение посевных площадей, расширяя возможности для формирования новых цепочек ценности, максимально приближенных к объектам отрасли АПК. Таким институциональным партнером становится система объектов региональной возобновляемой энергетики. По этим показателям Ростовская область также занимает лидирующие позиции. В настоящее время в регионе действует шесть ветропарков, общей мощностью 610 МВт, планируется рост на 50%. В этой связи целесообразно применить концепты теории поддержания и стабилизации функций регионов и систематического уровня в условиях динамики окружающей среды посредством саморегуляции. Напомним, что их часто связывают с гомеостатическим утилитарным представлением пропорциональности и он лежит в основе ряда управленческих моделей.

На практике пропорциональность обеспечивается в двух плоскостях:

- Создание и функционирование кластеров хозяйствующих субъектов (ХС) – ХС, выполняющие смежные (дополняющие друг друга) работы.

- Создание саморегулируемых организаций (СРО) – ХС одного вида деятельности, объединяющиеся для интеграции и диверсификации имеющегося у них потенциала).

Для согласования всех интересов участников необходима разработка совершенно новой концепции реализации таких проектов ветрогенерации, к числу которых предлагается относить идею самоорганизуемых сообществ, сочетающих принципы перечисленных моделей.

Использование не только на промышленном, но и на бытовом уровне возобновляемых источников региона продолжит становиться все более востребованным трендом. Агропромышленный потенциал Ростовской области полностью готов и имеет ресурсы для того, чтобы стать пилотной площадкой в данном направлении.

Список источников

1. Гурова, М.М. Развитие экспортного потенциала зернового рынка России: особенности государственного регулирования: на примере Ростовской области: Дис. ... к.э.н. Ростов-на-Дону, 2012. 177 с.
2. Добролежа Е.В., Кузьминов А.Н., Бухов Н.В., Рябченко А.А., Романенко С.В. Анализ устойчивого сбалансированного развития экономики Ростовской области // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. № 3 (79). С. 26-35.
3. Киященко Т.А., Сорокина О.Г. Оценка результатов экономической деятельности региона на основе развития методологии обобщающего показателя благосостояния // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5-2 (44). С. 84-87.
4. Статистические бюллетени: «Валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур в Российской Федерации в 2022 году» (Часть 1,2.3) // URL: https://rosstat.gov.ru/
5. Эванс Н.Н., Охотников А.В., Воронина А.В. Оценка социально-экономической результативности деятельности субъектов хозяйствования в регионе // В сб.: Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Редкол.: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону, 2021. С. 249-253.
6. Tatarinova M.N., Shirobokov V.G., Logvinova T.I., Pavlyuchenko T.N., Poliakova I.A. Factors and conditions for the sustainable development of small forms of entrepreneurship in the agroindustrial complex // Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development. Cham, 2022. С. 241-247.
7. Tukhkanen T., Oksenyuk E., Ripol-Saragosi L. Justification of the need to reform the labor market in the agro-industrial complex of the region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Сер. "Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East, AFE 2021 - Papers" 2021. С. 032072.
8. Tukhkanen T.N., Ugrimova S.N., Voronina A.V., Makarova I.V., Andreeva N.A. The quality of the natural environment in assessing the investment attractiveness of the region // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham, 2022. С. 391-396.

References

1. Gurova, M.M. Development of the export potential of the Russian grain market: features of state regulation: on the example of the Rostov region: Dis.... Candidate of Economics. Rostov-on-Don, 2012. 177 p. (In Russ.)
2. Dobrolezha E.V., Kuzminov A.N., Bukhov N.V., Ryabchenko A.A., Romanenko S.V. Analysis of sustainable balanced economic development of the Rostov region. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH).* 2022. № 3 (79):26-35. (In Russ.)

3. Kiyashchenko T.A., Sorokina O.G. Assessment of the results of economic activity in the region based on the development of the methodology of the generalizing indicator of well-being. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2017. No. 5-2 (44):84-87. (In Russ.)
4. Statistical bulletins: "Gross harvests and crop yields in the Russian Federation in 2022" (Part 1,2.3). https://rosstat.gov.ru (In Russ.)
5. Evans N.N., Okhotnikov A.V., Voronina A.V. Assessment of the socio-economic performance of business entities in the region. *State, municipal and corporate governance: theory and best practices.* Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference. Editorial board: A.N. Guda (prev.) [et al.]. Rostov-on-Don, 2021. Pp. 249-253. (In Russ.)
6. Tatarinova M.N., Shirobokov V.G., Logvinova T.I., Pavlyuchenko T.N., Poliakova I.A. Factors and conditions for the sustainable development of small forms of entrepreneurship in the agroindustrial complex *Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development*. Cham, 2022. Pp. 241-247.
7. Tukhkanen T., Oksenyuk E., Ripol-Saragosi L. Justification of the need to reform the labor market in the agro-industrial complex of the region. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. "Fundamental and Applied Scientific Research in the Development of Agriculture in the Far East, AFE 2021 - Papers" 2021. Pp. 032072.
8. Tukhkanen T.N., Ugrimova S.N., Voronina A.V., Makarova I.V., Andreeva N.A. The quality of the natural environment in assessing the investment attractiveness of the region. *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy*. Cham, 2022. Pp. 391-396.

Информация об авторах

А. Н. Кузьминов – доктор экономических наук, доцент
А.В. Воронина – кандидат экономических наук, доцент
Т. В. Жукова – доцент кафедры экономики

Information about the authors

A. N. Kuzminov – Doctor of Economics, Associate Professor
A.V. Voronina – Candidate of Economics, Associate Professor
T.V. Zhukova – Associate Professor of the Department of Economics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.1

Государственная национальная политика в имперской России: историко-правовой анализ

© Дзалаев О. Ф., 2024

Дзалаев Олег Федорович
Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М Бербекова, г. Нальчик, Россия. olegdzalaev7099@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены аналитические данные, касающиеся состояния и особенностей государственной национальной политики имперской России в отношении народов, проживавших на присоединяемых территориях в разные периоды времени. Выявлены обобщенные принципы, скажем, в виде практики учреждения военных администраций. Также обнаружено, что подчинение и принуждение не были единственными средствами покорения народов, не принадлежащих к группе славян. Отдельные представители царской администрации стремились к максимальному учету местных особенностей: быта, культуры, религии и не только. Установлено, что к управлению захватываемыми территориями привлекались представители локальных элит. Вместе с тем они получали от царской администрации определенные привилегии, которые становились стимулами в части приверженности российским идеям и практикам. Соответствующие подходы во многом способствовали обеспечению национальной стабильности в стране на протяжении десятков лет.

Ключевые слова: национальная государственная политика, Российская империя, многонациональность, ассимиляция, русификация, управление территориями

Для цитирования: Дзалаев О. Ф. Государственная национальная политика в имперской России: историко-правовой анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 14-19

Original article

State national policy in imperial Russia: historical and legal analysis

Dzalaev Oleg F.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia. olegdzalaev7099@yandex.ru

Abstract: The article presents analytical data concerning the state and peculiarities of the state national policy of imperial Russia in relation to the peoples who lived in the annexed territories in different periods of time. Generalized principles are identified, for example, in the form of the practice of establishing military administrations. It is also found that subjugation and coercion were not the only means of subjugating peoples who did not belong to the Slavic group. Individual representatives of the tsarist administration strove to take maximum account of local peculiarities: everyday life, culture, religion and more. It is established that representatives of local elites were involved in the management of the occupied territories. At the same time, they received certain privileges from the tsarist administration, which became incentives for adherence to Russian ideas and practices. Appropriate approaches largely contributed to ensuring national stability in the country for decades.

Keywords: national state policy, Russian Empire, multinational, assimilation, Russification, territorial administration

For citation: Dzalaev O.F. State national policy in imperial Russia: historical and legal analysis. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):14- 19 (In Russ.)

Одна из базовых характеристик российского общества во все времена существования государства была представлена многонациональностью. И ее можно считать в полной мере мозаичной. Аналогичные явления характерны еще для Руси, но данное утверждение можно считать спорным. Дело в том, что в рамках соответствующего периода времени достаточно сложно отследить объективные переплетения в структуре элементов, представленных народами и культурами.

Но однозначно можно утверждать, что по мере развития Руси многонациональность начинала становиться реальностью. Московское государство постоянно покоряло новые земли и подчиняло разные народы. Вместе с тем оно же вобрало в себя колоссальное наследие Золотой Орды, завоевало Сибирь. В годы существования Российской империи были присоединены Прибалтика, Молдавия, Кавказ и не только [1, с. 213].

До конца XVII столетия Россия являлась традиционным государством, в рамках которого гармонично сосуществовали практики феодализма европейского образца и восточные традиции. Это делало страну достаточно похожей на Византийскую империю.

Следует особо отметить, что при Екатерине II была введена так называемая черта оседлости. Речь о границе, за рамками которой постоянное проживание евреев было запрещенным. Соответствующие запретительные практики были распространенными в пределах украинских, белорусских и польских земель.

В годы правления Александра I инициированы и реализованы многие реформы, которые заложили основу последующих преобразований в контексте национальной государственной политики. В период пребывания императора у власти страна столкнулась с тяжелейшим испытанием. Речь об Отечественной войне 1812 года. И она стала народной, освободительной и вполне справедливой. Именно военные события смогли сплотить разнородный по структуре этносов и относительно единый народ, который был представлен русскими, белорусами, татарами, армянами и не только. Все они показали свою стойкость и смогли дать отпор врагу. И победа над Наполеоном сделала Российскую империю ведущей мировой державой. Она смогла влиять на европейскую политику и даже на глобальное политическое устройство.

Особо следует отметить, что при Александре I и его последователях создавались условия для переселения разных народов с одних земель на другие. Вместе с тем покорялись и присоединялись новые территории. И все это требовало реализации такой национальной государственной политики, которая соответствовала бы интересам как целой страны, так и отдельных народов, занимающих определенные районы. Поэтому на конкретных примерах целесообразно рассмотреть примечательные аспекты соответствующих действий и практик, реализованных имперской властью.

Сначала следует отметить создание конституции Царства Польского, которая была разработана и принята в 1815 году. Соответствующие действия были детерминированы следующим: Александр I прекрасно знал, что Наполеон обещал полякам восстановить государственность. Именно поэтому после разгрома французов была инициирована работа по созданию и принятию конституции. Когда Царство Польское ее получило, на локальном уровне стали гарантированными неприкосновенность личности и свобода печати. Вместе с тем национальный язык обрел статус обязательного для использования во всех местных учреждениях. Занимать значимые должности начали только подданные Царства Польского.

И все-таки главой государства оставался российский император. С оговоркой: важен был факт присяги на верность новой польской конституции. Властные полномочия принадлежали царю и сейму. Последний не мог принимать законы, но имел право предлагать проекты российскому императору, который принимал окончательное решение по поводу введения в действие [2, с. 135].

Теперь следует рассмотреть практики взаимодействия с Финляндией и управления территориями в ее рамках. В 1809 году Александр I признал действительной и корректной финскую конституцию, действовавшую до включения соответствующих земель в состав России. При этом в документе содержались положения, согласно которым без одобрения сейма не мог быть издан или изменен ни один основной закон. Управление Великим княжеством Финляндским осуществлялось губернаторами, которые часто становились выходцами из прибалтийских дворян [3, с. 230].

Делопроизводство реализовывалось с использованием шведского языка. Дополнительно был учрежден специальный совет, на базе которого принимались решения судебного плана и внутрихозяйственного характера. Система образования и практика самоуправления сохранялись в прежнем виде. Назначения на должности же реализовывались исключительно императором. Реализация такой национальной государственной политики в Финляндии стала позитивным моментом в контексте включения соответствующих земель в Россию. Но царь нередко не сдерживал обещания, что стало причиной ряда протестов.

Особо следует отметить национальную государственную политику в отношении народов Кавказа. На территории региона их было множество. Соответствующая карта во все времена характеризовалась как пестрая. К началу XIX века на Кавказе проживало примерно 50 народов. Они представляли отличающиеся языковые семьи: армянскую, иранскую, монгольскую и другие. При это на Кавказе являлась достаточно разносторонней структура религиозных учений и верований. Преобладающими были христианство и мусульманство, а также буддизм. Но нередко доминирующими становились практики руководства нормами пережиточных правовых комплексов, основанных на язычестве.

Первая четверть XIX века может быть охарактеризована существенным расширением господства России в регионе. И если некоторые народы добровольно включались в государство, то другие боролись за независимость. История одного ханства или царства Кавказа в контексте вхождения в Россию может быть описана как положительная, другого же – как отрицательная.

Присоединение региона – неоднозначный момент. Соответствующие процессы могут быть рассмотрены в качестве противоречивых. Соответствующие территории гарантировали исключение само-

го факта подчинения со стороны турок. Но вместе с тем противоречия в системе отношений с южными соседями становились все более обостренными [4, с. 82].

Интересна ситуация с народами Сибири. Местное население в первой половине XIX века увеличилось втрое и составило 600 тысяч человек. Но коренные народы Сибири столкнулись с риском в виде утраты самобытных черт по причине активного притока русских. Ситуация усугублялась и по причине того, что некоторые сибиряки охотно покидали родные земли.

Все имевшие место переселения привели к формированию новых групп народов. Постепенно и закономерно начали появляться тувинцы, хакасы, буряты [5, с. 56].

Для сохранения самобытности на уровне народов Сибири, а также с целью их включения в российское общество инициированы отдельные шаги. В 1822 году принят специальный устав, положения которого были посвящены управлению территориями, населенными так называемыми инородцами. При этом коренные народы начали делиться на кочевых, оседлых и бродячих людей. Первые и третьи были уравнены в налоговых обязательствах с крестьянами. Но в остальном, скажем, во внутреннем порядке, они сохраняли независимость. Оседлые же народы стали рассматриваться в качестве полноценных крестьян. Соответствующая работа постепенно начала приводить к тому, что все сибиряки были признаны чем-то вроде сложной подгруппы русского крестьянства.

Так, первая четверть XIX века полнилась событиями, которые привели к расширению этнического состава России. Власть при этом столкнулась с потребностью в реализации принципиально новой национальной государственной политики. Требовался объективный учет интересов как крупных народов, так и малых общностей. И Александр I смог добиться множества успехов, которые стали возможными благодаря дальновидности и знанию политики как таковой.

Далее Россия подошла к закономерному повороту. Крепостничество в самодержавном сценарии стало считаться порочным явлением. Соответствующим образом были настроены все передовые деятели и представители российского общества. И многие из них стали решительно бороться за преобразования демократического характера. Но государство реагировало на соответствующие идеи слишком жестко, что заставляло прогрессивных мыслителей покидать Россию и уезжать в другие страны [1, с. 17].

Политический режим постепенно ужесточался. И это отразилось на национальной государственной политике.

Отметить следует Украину, где вопросы по поводу политической независимости не являлись такими явными и насущными, как в Польше. Базовые проблемы были представлены практиками использования украинского языка местным населением. В 1833 году Николай I согласился на открытие Киевского университета, где преподавание велось с использованием украинского, но были и русскоязычные программы. Спустя время появилось движение в виде студенческого сообщества, участники которого продвигали идеи национальной автономии на уровне всех славянских народов в рамках соответствующей федерации [7, с. 28].

В западных губерниях в это же время стали развиваться и быть насущными проблемы по поводу культуры и искусства на уровне латышей, финнов и некоторых других народов. Они были лишены, помимо прочего, государственности. Страдали и прочие аспекты существования народов, населявших западные губернии Российской империи. Примером можно считать реформу Александра I, которая затронула аграрную сферу. Представленные и некоторые другие народы в ее результате не смогли получить ожидаемых земель. Ситуация в корне изменилась при Николае I, который после ряда принятых решений смог сделать Прибалтику и соседние земли наиболее динамичными в контексте экономического развития, особенно в сравнении с прочими районами России.

Здесь же следует особо отметить, что при Николае I положение разных народов было не всегда одинаковым. Это же являлось характерным и для критерия конфессиональной принадлежности. Законы Российской империи разрешали исповедовать любую религию, но имела место существенная оговорка. Важно, чтобы представители той или иной конфессии демонстрировали признание царской власти и установленных ей порядков, детерминирующих общественный уклад и сам государственный строй. Еще один очевидный для имперской российской действительности момент был представлен тем, что православие считалось более предпочтительным, а исповедующие его люди нередко получали определенные привилегии. Переход в православную веру поощрялся, стимулировался. И если в отношении отдельных народов соответствующие меры были мягкими, то есть не связанными с принуждением и насильственными действиями, то с другими все было иначе. Примером можно считать евреев, которые подверглись насильственному крещению на фоне присвоения русских имен и фамилий. Вместе с тем имперская работа в данном направлении положила конец еврейскому религиозному образованию и соответствующему образу жизни. По очевидным и понятным причинам все отмеченное привело к тому, что недовольство царской властью в среде евреев стало демонстрировать серьезный прирост [8, с. 26].

Следует еще раз отметить национальную государственную политику России в отношении народов Кавказа. Интересна базовая причина, приведшая к известным военным событиям, длившимся без малого 50 лет. Она представлена попыткой правительства внедрить в кавказскую действительность российские законы и русские традиции. Очевидно, что это привело к буквальному столкновению культур и обычаев, образов жизни. Горцы были возмущены самим фактом стремительно меняющегося порядка. Он не был понятен почти ни одному из народов региона.

Особо следует отметить бедность местного населения, которая порой не позволяла в полной мере исполнять налоговые обязательства. Это стало еще одним фактором, спровоцировавшим военные столкновения. Принято полагать, что стычки перетекли из замыслов в практику по причине прибытия на Кавказ генерала Ермолова. Его походы, которые были направлены на усмирение горских народов, спровоцировали вымирание жителей множества аулов. Именно по инициативе генерала Ермолова местное население начало выгоняться с равнин в горы. Освобожденные земли раздавались казакам, чиновникам и офицерам. Народы Кавказа, таким образом, теряли поля и пастбища, дома и хозяйства, что оставляло их без средств, хотя бы минимально необходимых для существования. Именно это и стало последней каплей, а также основой сопротивления, приведшего к продолжительным военным столкновениям [9, с. 178].

Включение Кавказа в Российскую империю стало не столько негативной вехой, сколько позитивным событием. Дело в том, что именно русские принесли в регион современные подходы к земледелию, а также образование, здравоохранение и даже промышленность. Кавказ получил возможность развиваться и становиться более крепким и прочным благодаря действиям российских властей.

Остро стоящий национальный вопрос нашел определенный ответ благодаря деятельности Николая I. Он буквально множил многонациональную семью народов России. Их численность демонстрировала прирост.

Хозяйство налаживалось даже в неразвитых районах и регионах. Но отсутствие действенных и позитивных реформ провоцировало возникновение нежелательных настроений среди передовой части населения страны. Многие деятели и мыслители того времени все чаще начинали осознавать, что необходима демократия и нужны соответствующие преобразования на фоне тотального переустройства общества. Стали возникать либеральные и революционные течения. Первые были поддержаны Александром II. Он инициировал ряд реформ, затронувших в полной мере все аспекты общественной жизни. Вместе с тем именно при Александре II были созданы прочные традиции гражданского общества и принципы в полной мере правового государства. Но все-таки сохранялись некоторые сословные преимущества и нежелательные ограничения, справедливые в первую очередь для национальных окраин.

В Польше ситуация продолжала быть достаточно напряженной. Появлялись тайные организации. Были так называемые красные и белые. Первые боролись за интересы крестьянства, вторые же включали помещиков и буржуазию, не желавших устранения крепостных практик. Но это условное противодействие не стало причиной абсолютных разногласий. Был общий момент, представленный стремлением красных и белых к тому, чтобы восстановить Польшу в границах 1772 года. Настроения против России в стране стали распространяться стремительными темпами. Даже попытки вернуть и сделать действительной конституцию образца 1815 года начали считаться абсурдными и не соответствующими программам красных и белых. Имела место и еще одна печальная ситуация: инициированный местными чиновниками набор молодежи в армию привел к вооруженному восстанию в 1863 году. И это стало закономерным следствием, вытекающим из реализации самого поиска призывников в среде молодых людей, настроенных радикально. Спустя год восстание было подавлено. Вместе с ним устранена польская автономия. Царство Польское перестало существовать в его прежнем виде.

Все назначения начали реализовываться из Петербурга. Многие представители польского народа столкнулись с рядом запретов, например, в части покупки и аренды земель в западных губерниях Российской империи [10, с. 54].

Александр II активно продолжал реализовывать политику, начало которой было положено Николаем I. Особенно в отношении народов Кавказа. Было принято множество решений, которые сводились к попыткам лишить горцев средств, необходимых для полноценного существования. В Турцию было переселено почти 100 тысяч черкесов. И это лишь пример: земли горцев отдавались казакам, их имущество доставалось русским, украинцам и другим народам, переселявшимся в регион.

Следует особо отметить, что не все государственные деятели были настроены негативно в отношении Кавказа. Многие представители военных сообществ полагали, что необходимы выработка и реализация гибкой национальной государственной политики. Они предлагали оставить в покое религию, обычаи и образ жизни горцев. И соответствующие инициативы нашли отражение в некоторых важных решениях. Так, среднее и высшее духовенство на уровне региона стало поддерживаться государством. Чуть позже введен суд, состоявший их выборных представителей горских народов. И все

дела рассматривались на его базе в духе воззрений, продиктованных обычаями и традициями горцев [11, с. 26].

Постепенно начало меняться отношение правительства к евреям. Во второй половине XIX века были предусмотрены некоторые льготы и привилегии. Так называемые черты оседлости стали частично отмененными. Они перестали действовать в отношении купцов первой гильдии, а также лиц с учеными званиями. Аналогичная мера была предусмотрена для некоторых ремесленников. С послаблениями в части ограничений постепенно столкнулись народы Поволжья. Христианизация, которая показала несостоятельность, была отменена.

Во второй половине XIX века многие народы, ранее покоренные Российской империей, получили возможность формировать национальные интеллигенции. Вместе с тем снимались ограничения в части использования ряда языков. Примером можно считать открытие первых татарских и чувашских школ.

Но в отношении ряда народов национальная государственная политика менялась негативным образом. Так, немецкие колонии в Поволжье столкнулись с лишением административной самостоятельности и национального самоуправления, что привело к переселению множества немцев из России в Америку.

Можно утверждать, что правительство, имевшее место при Александре II, вело и реализовывало исключительно избирательную национальную политику. И многое проявлялось не отношением к отдельным народам, а стремлением к тому, чтобы укрепить и сделать мощной Российскую империю.

Александр III продолжил действовать так же, как и его предшественники. Он полагал, что базовая цель правления – сохранение единства многонационального государства. Границы Российской империи окончательно установились во второй половине XIX столетия. После войны с Турцией в состав страны вошли некоторые армянские и грузинские земли. При этом стали четко определенными владения России в Средней Азии. Территории между страной и Китаем в восточных землях были разграничены.

В 1894 году Александр III умер. Его место занял Николай II. Он продолжил вести все дела, начатые отцом. И национальная государственная политика не стала исключением.

В первую очередь Николай II начал пытаться устранить все вероятные элементы самостоятельности Финляндии. В конце 90-х годов XIX века был принят манифест, согласно которому сейм утрачивал некоторые функции. В 1901 все армейские части Финляндии были расформированы. Делопроизводство было переведено на русский язык, что стало обязательным требованием как в отношении государственных учреждений, так и в плане деятельности частных компаний.

В начале XX века стали остро стоящими проблемы в аграрном секторе. Вместе с тем все чаще начал подниматься рабочий вопрос. На фоне экономических и социальных трудностей в национальных окраинах страны начали возникать антиправительственные настроения. Возникло множество выступлений и протестов, что заставило власть пересмотреть национальную политику. В 1905 году в польских школах было разрешено использовать родной язык и продвигать католические практики. В Финляндии в это же время утвержден новый образец конституции. Учрежден парламент.

На Кавказе стало разрешенным преподавание на национальных языках при условии двух лет обучения с использованием русского. И это лишь примеры послаблений и решений, которые резко изменили направление национальной государственной политики.

Все принципиально новые действия правительства привели к определенным плодам. Но управление территориями было закреплено за русскими людьми. Летом 1907 года был разработан и принят закон, положения которого намекали на то, что править Российской империей могут только представители государствообразующего народа. Это не исключило возможность реализации властных полномочий представителями прочих этносов, однако чисто русские вопросы рассматривались и решались соответствующими государственными деятелями.

В течение всей истории развития и трансформации национальной государственной политики России в дореволюционный период имели место множественные попытки то адаптировать ее к особенностям окраин, то снова вернуть все в исключительно русское русло. Это выражалось репрессивными мерами, которые смешивались с либеральными решениями. Но ключевой целью власти всегда было расширение границ Российской империи, а также укрепление единства в рамках многонационального государства. Мощь страны считалась приоритетом.

Не все действия властей были разумными и рациональными, о чем позволяет говорить представленный обзор. И это детерминировано в первую очередь непониманием элитой Российской империи того факта, что почти невозможно создать условия, идеальные для сосуществования народов с разными религиозными убеждениями и отличающимися культурами, традициями и обычаями.

Однако это не значит, что существование многонационального государства – утопия. История полнится примерами, которые подтверждают, что государственное строительство может быть комплексным и основанным на условном симбиозе отличающихся и даже полярных в отношении друг

друга компонентов.

Список источников

1. Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2010. №4 (47).
2. Рагимова П. Ф. Особенности национальной политики Российской империи в XIX -начале XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №5 (35).
3. Рагимова П.Ф. Политика российского правительства в национальных окраинах в XIX - начале XX вв // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. №3.
4. Гапуров Ш.А., Акаев В.Х., Черноус В.В. Кавказская политика России в начале XIX века: император и наместники // Научная мысль Кавказа. 2015. №2 (82).
5. Дамешек И.Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. №2-1.
6. Федоренко С.П. Государственно-правовая институционализация имперского принципа в современной России: Автореф. дис. ... к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2006. 24 с.
7. Леонтьева О. Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник СамГУ. 2012. №8-2.
8. Охотникова М. А., Сугакова И. С. Формирование национальной политики в царской России // Актуальные исследования. 2020. №10 (13). Ч.II.
9. Национальная политика России: история и современность / ред. Михайлов В. А. М.: Информ.-изд. агентство "Рус. мир", 1997. 678 с.
10.Исаева И.Э. становление и развитие государственной национальной политики России // The Scientific Heritage. 2020. №57-3.
11.Петрищева Н.С., Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Национальная политика в России на разных этапах развития государства: историко-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(5).

References

1. Kior V.B. State national policy in imperial Russia. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships*. 2010. No. 4 (47). (In Russ.)
2. Ragimova P. F. Features of the national policy of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014. No. 5 (35). (In Russ.)
3. Ragimova P.F. The policy of the Russian government in the national outskirts in the 19th - early 20th centuries. *Bulletin of the KSPU named after. V.P. Astafieva*. 2010. No. 3. (In Russ.)
4. Gapurov Sh.A., Akaev V.Kh., Chernous V.V. Caucasian policy of Russia at the beginning of the 19th century: emperor and governors. *Scientific thought of the Caucasus.* 2015. No. 2 (82). (In Russ.)
5. Dameshek I.L. Russian legislation and Siberia. The relationship between imperial principles and regionalism. *News of Irkutsk State University. Series: History*. 2012. No. 2-1. (In Russ.)
6. Fedorenko S.P. State-legal institutionalization of the imperial principle in modern Russia: Author's abstract. dis. ... Ph.D. Rostov-on-Don, 2006. 24 p. (In Russ.)
7. Leontyeva O. B. National and confessional policy of the Russian Empire in modern historiography. *Bulletin of SamSU*. 2012. No. 8-2 (In Russ.)
8. Okhotnikova M. A., Sugakova I. S. Formation of national politics in Tsarist Russia. *Current research*. 2020. No. 10 (13). Part II. (In Russ.)
9. National policy of Russia: history and modernity / ed. Mikhailov V. A. M.: Inform.-ed. Agency "Rus. World", 1997. 678 p. (In Russ.)
10. Isaeva I.E. formation and development of state national policy in Russia. *The Scientific Heritage*. 2020. No. 57-3 (In Russ.)
11. Petrishcheva N.S., Zarubina K.A., Chapchikov S.Yu. National politics in Russia at different stages of state development: historical and legal aspect. *News of the South-Western State University. Series: History and Law*. 2023. No. 13(5). (In Russ.)

Информация об авторе

Дзалаев О. Ф. - младший научный сотрудник НОЦ правовых исследований

Information about the author

Dzalaev O. F. - Junior Researcher at the Research Center for Legal Research

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 340.13

Теория правопонимания Н.М. Коркунова и ее значение для современной юридической науки

© Сироватко Ю.Н., 2024

Юрий Николаевич Сироватко
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия. sirovatko.yuriy@mail.ru

Аннотация. Учение теоретика-социолога права Н.М.Коркунова методологически исходит из того, что существование и развитие права и государства определяются социальными факторами. Обоснование Н.М.Коркуновым права как разграничения интересов связано с существованием противоречивых интересов в человеческом обществе. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время в юридической теории и практике существует проблема обнаружения и изучения интересов, а также и предотвращения конфликтов интересов. Цель исследования состоит в обосновании роли теории социологического правопонимания Н.М.Коркунова в разрешении противоречивых интересов в обществе. С позиции теории правопонимания Н.М. Коркунова право выступает как неизбежный результат естественного развития общественной жизни, и человек бессознательно осознает свои идеалы и подчиняется объективному порядку общественных отношений. Он ориентирует на исследование социальных взаимодействий сторон для вынесения суждения о том, каким образом интересы сторон могут быть разграничены.

Ключевые слова: право, правопонимание, интерес, история правовой мысли, мораль, общество

Для цитирования: Сироватко Ю.Н. Теория правопонимания Н.М. Коркунова и ее значение для современной юридической науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С.20-25

Original article

The theory of legal understanding by N.M. Korkunov and its significance for modern legal science

Yuri N. Sirovatko
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia. sirovatko.yuriy@mail.ru

Abstract. The teachings of legal sociologist N.M. Korkunov methodologically proceed from the fact that the existence and development of law and the state are determined by social factors. N.M. Korkunov's justification of law as a delimitation of interests is associated with identifying and balancing conflicting interests in human society. The relevance of the study is due to the fact that currently in legal theory and practice there is a problem of identifying and studying interests, as well as preventing conflicts of interest. The purpose of the study is to substantiate the role of N.M. Korkunov's theory of sociological legal understanding in resolving conflicting interests in society. From the position of the theory of legal understanding N.M. Korkunov's law acts as an inevitable result of the natural development of social life, and a person is unconsciously aware of his ideals and submits to the objective order of social relations. It focuses on the study of the social interactions of the parties to make judgments about how the interests of the parties can be differentiated.

Keywords: interest, law, legal understanding, history of legal thought, morality, society

For citation: Sirovatko Yu.N. The theory of legal understanding by N.M. Korkunov and its significance for modern legal science. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):20-25 (In Russ.)

В конце XIX – начале XX веков в России происходили всеобъемлющие, глубокие и сложные перемены, можно сказать, что имели место значительные цивилизационные трансформации, а также последовавшая за ними правовая модернизация. За радикальными изменениями в обществе и сложными изменениями в правовой системе стояло ускоренное развитие научной мысли и культуры.

Этот период можно назвать периодом расцвета отечественной правовой теории и практики. Процессы модернизации, несомненно, стимулировали интерес к изучению права и национальной правовой системы. Появились новые концепции понимания права, возникли новые научные направления. Одним из таких специальных научных направлений стал социологический (эмпирический) подход к пониманию и изучению права.

В.С. Горбань и С.В. Серикова отмечают, что он основывается на том, что существование и развитие права и государства определяется социальными факторами, основу которых составляет функциональная связь между правом и фактами общественной жизни [1, с.9].

Представители этой школы придают большое значение изучению общественных отношений и интересов, классификации социальных групп, изучению морально-психологических основ права и государства.

Проблематика социологического подхода к праву нашла значительный отклик в современной научной литературе, в частности в трудах О.В. Галкина, А.В. Дашина, И.Б. Ломакиной, И.Д. Осипова, Г.С. Працко, Н.Э. Пеговой, И.М. Черкашиной и др. [2-8].

По мнению ученых, в отечественной теории и юридическом дискурсе существуют два подхода к пониманию права с позиций социологического подхода. Первый подход часто ассоциируется с позитивистским подходом, который предполагает изучение права с точки зрения внешних (объективных) или внутренних (субъективных) предпосылок (детерминант) его развития. Второй подход акцентирует внимание на внешних детерминантах развития. В качестве исходной предпосылки возникновения и развития права он апеллирует к институтам (обществу), имеющим внутреннюю логику развития, а развитие права достигается за счет внутренних противоречий [9, с.18]. Таким образом, исходный пункт диалектического развития содержит в себе абсолютно все, что развивается во времени и принимает более развитую и совершенную форму.

Представителями второго подхода являются представители дореволюционной российской мысли С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, П.Л. Карасевич, Н.М. Коркунов и другие ученые. С.А. Муромцев в своих работах акцентирует внимание на том, что общественные отношения регулируются правом в целях защиты их от внешней среды (общества) [10, с.10]. По мнению М.М.Ковалевского, право, прежде всего национальное обычное право, определяется условиями жизни местного населения [11, с.22]. П. Л. Карасевич рассматривает право как продукт человеческого общества [12, с.20].

Н.М. Коркунов является одним из основоположников концепции права, ядром которой выступает понятие интереса. Н. М. Коркунов дает определение понятия права, которое, по его мнению, представляет собой «разграничение интересов» [13, с.138].

Правовая теория Н.М. Коркунова базируется на понятиях интереса и цели. Различные интересы и цели человеческой деятельности ученый рассматривают как элементы, составляющие содержание общественной жизни. Ученый отмечает, что «...различные цели человеческой деятельности неизбежно конфликтуют друг с другом, так что реализация одной цели часто мешает осуществлению другой цели» [13, с.17]. Н. М. Коркунов констатирует, что все различные цели и интересы человеческой жизни сосредоточены в двух главных центрах: во-первых, в обществе и, во-вторых, в личности. Ученый считает, что формы взаимодействия между индивидами имеют духовную сущность и поэтому государство и право являются выражениями психологических связей между индивидами.

По мнению Коркунова, задача права состоит в том, чтобы «защитить элементы будущего и прогрессивного развития от поглощения одним интересом, который в настоящее время доминирует над различными другими интересами». При этом Н. М. Коркунов связывает существование интересов с формами социального обмена. «Если между людьми нет общения, если человек изолирован, то праву нет места», отмечает Н.М. Коркунов [13, с.78]. В зависимости от продолжительности действия он выделяет временные и постоянные интересы, а в зависимости от области взаимодействия между людьми интересы экономические, политические и др.

На основании этого ученый делает вывод, что основной задачей права является разграничение интересов. Это обусловлено тем, что право должно быть гибким, чтобы всегда соответствовал своему назначению, то есть право должно предоставлять «соответствующую форму постоянно меняющимся явлениям общественной жизни» [13, с.284].

При этом Н.Э. Пегова отмечает, что интересы понимаются им как осознаваемые потребности индивида, а право – как нечто, формируемое и предоставляемое обществом индивиду, как неизбежный результат естественного развития общественной жизни [14, с.195]. Н.М. Коркунов подчеркивает, что человек бессознательно подчиняется объективному порядку общественных отношений, однако смысл и сила права заключаются лишь в признании лицами правового порядка [14, с.65].

Н.М. Коркунов разграничивает индивидуальные и публичные интересы, противоречие между которыми не должно наносить ущерб жизнеспособности и целостности страны. Право является необходимой составляющей культуры общества, а его развитие ведет к признанию и взаимному определению различных интересов, составляющих содержание человеческой жизни [13, с. 77].

Он исследует характеристики права и приходит к выводу, что принудительное воздействие не является основной характеристикой права. Когда Н. М. Коркунов говорит о невозможности сочетания права с принудительным воздействием, он имеет в виду прежде всего физическое воздействие. Однако ученый полагает, что если под принудительным воздействием понимать еще и психическое воздействие, то необходимо признать, что это элемент принуждения свойственен каждому правовому

явлению и поэтому нет оснований трактовать принудительное воздействие как отдельный правовой признак.

Сказанное не означает, что Н.М. Коркунов недооценивает роль принудительного воздействия в праве. «...С развитием общественной жизни, – указывал он, – право имеет тенденцию регулировать силу и применять ее по назначению. Но применение закона может осуществляться и без применения силы, но не все права могут быть реализованы посредством применения силы» [13, с. 128].

Особое значение имеет измерение интересов, представляющее собой оценочное суждение о различных конфликтах интересов в правовых рамках на основе равного обращения и защиты различных интересов. По сути, это метод оценочного суждения и выбора, позволяющий определить, какой интерес является более важным. Принцип взвешивания интересов представляет собой не только одностороннее ограничение прав личности, но и включает в себя соответствующие ограничения общественных интересов, чтобы они могли развиваться согласованно на основе принципа справедливости. Установление принципа взвешивания интересов на основе моральных норм, по мнению Н.М. Коркунова, является одним из эффективных способов разрешения конфликтов интересов. Один вид интересов имеет приоритет над другим видом интересов только при определенных условиях, так как абсолютного приоритета не существует [14, с.65].

Каковы бы ни были принципы, система моральных норм должна в определенной степени определять соотношение общественных и индивидуальных интересов. Конфликты могут затрагивать такие вопросы, как власть, распределение ресурсов и право собственности на средства производства. Мораль и право, отмечает ученый, делают возможным «гармоничный прогресс», формулируя моральные нормы общественной жизни и разрабатывая стандарты для оценки интересов.

Н.М. Коркунов указывает, что в обществе существует множество противоречивых интересов, поэтому при формулировании и толковании правовых актов необходимо учитывать различные интересы общества и находить пути удовлетворения этих интересов. Закон должен стремиться сбалансировать конфликты интересов и обеспечить разрешение конфликтов интересов в человеческом обществе.

Правильное понимание и согласование различных объективно существующих интересов является основным содержанием разработки и реализации законов. Человек может руководствоваться моральными правилами только тогда, когда он мыслит за пределами своего отношения к другим. Различные цели можно гармонизировать, просто проводя относительные оценки. Видно, что хорошие цели и плохие цели расположены в определенном порядке, определяющем взаимосвязь всех целей человека. Например, добро и зло представляют собой определенные уровни оценки.

Когда несколько целей конфликтуют, этические стандарты всегда могут определить, какая цель должна иметь приоритет и, следовательно, какой интерес должен быть оценен выше. Н. М. Коркунов считает, что главным достоинством и особенностью законотворчества является то, что предпосылкой формирования социолого-правовых методов исследования в России является переориентация юриспруденции на проблему правового коммуникативного поведения и обеспечение на этой основе личностного взаимодействия и дифференциации различных интересов.

По мнению ученого, задача морали состоит в том, чтобы установить критерии оценки интересов индивидов и различия между разными критериями, характеризующими интересы, а право должно выработать стандарты для такой оценки [14, с.67].

Общественные интересы и права личности в целом или фундаментально согласованы, но конфликты часто существуют в реальной жизни. В настоящее время проблема выявления и балансирования общественных интересов решается с использованием общественных слушаний. Это – процедура с очень широкой сферой применения, поскольку она является не только требованием древнего принципа естественной справедливости, но и основным содержанием современного принципа процессуальной должной осмотрительности. Основанием для применения слушаний для подтверждения общественных интересов является то, что административные органы не могут принимать решения полностью по своей воле, а должны учитывать мнения других, особенно заинтересованных сторон в данном вопросе. Путем широкого выяснения мнений общественности и заинтересованных сторон выносится окончательное решение о том, отвечает ли решение той или иной проблемы общественным интересам.

Определение общественных интересов может также осуществляться посредством судебных процедур.

Анализируя теории, объясняющие право, с точки зрения интересов, господствовавшие в России с конца XX до начала XIX века, в частности теорию права Н.М. Коркунова, Е. Н. Трубецкой отмечает, что автор смешивает один из факторов, одну из причин возникновения права с самим правом. Бесспорно, что формирование правовых норм всегда вызывается определенным интересом, поэтому интерес, несомненно, является важным фактором формирования права. По мнению Е.Н. Трубецкого,

это вовсе не приводит к выводу, что всякий источник права тождественен породившему его интересу, а интерес составляет содержание права [15, с.31].

Критика Е.Н. Трубецкого обусловлена тем, что правовые нормы часто несовместимы с интересами, которым они призваны служить, и даже прямо вредят им. Например, законы, устанавливающие высокие тарифы на иностранные товары и продукты, должны защищать отечественный рынок, однако в отсутствие иностранной конкуренции отечественные производители не осуществляют технологическую модернизацию.

Смешение права с одной из причин, определяющих его формирование, является существенным недостатком, общим для всех теорий, отождествляющих право с интересом.

Е.Н. Трубецкой обращает особое внимание на недостатки теории Н.М. Коркунова, так как сами правовые нормы зачастую означают не дифференциацию, а наоборот – интеграцию интересов, например, устав акционерного общества объединяет интересы отдельных акционеров.

Эта критика Е.Н. Трубецкого представляется не совсем верной, так как нормы в уставе общества закрепляют факт разграничения долей в имуществе компании, вносимых каждым инвестором или стоимость акций, которые закрепляют за акционерами долю в ее уставном фонде.

Акцентируя внимание на правообразовании, Е.Н. Трубецкой практически не обращает внимания на правоприменительную сферу. В то же время правовое учение Н.М. Коркунова формировалось под сильным влиянием идеи толкования права как средства согласования индивидуальных интересов с интересами общественными. Цель права в его учении заключается в том, чтобы правильно разграничить, подтвердить и согласовать различные интересы и обеспечить устойчивое, стабильное и скоординированное развитие общества. Фактически мыслитель предвосхитил последующие попытки в теории права прийти к законченному варианту правопонимания, в котором можно было бы гармонизировать несколько правовых подходов, представляющих научный интерес, и установить «единое юридическое понятие, охватывающее все явления правовой жизни».

Учение Н.М. Коркунова об интересах как основе права и их оценке позволяет рассматривать применение права не как абстрактного понятия, а как практику, учитывающую социальную среду, позицию сторон и их ценности и т. д., а также выделять и взвешивать их практическую пользу.

Известная ограниченность методологического и философского мировоззрения ученого, ориентированного во многом на научный позитивизм, отрицание данной теорией природы и аксиологии правовой реальности, как отмечает В. Д. Зорькин, стала серьезным препятствием на пути реализации данной теории [16, с.53].

В то же время учение Н.М. Коркунова нельзя рассматривать только как теоретическую конструкцию, относящуюся к области теории юриспруденции. Она имеет большое значение для всех областей права, каждая из которых имеет свои особенности, включая отрасли публичного права.

Например, система интеллектуальной собственности, основанная на интересах, представляет собой институциональное признание прав и обязанностей владельцев данной собственности и различных заинтересованных сторон, которые используют и распространяют интеллектуальную продукцию. Функционирование ряда институциональных структур и механизмов в законодательстве об интеллектуальной собственности, направленных на урегулирование конфликта интересов, обеспечивает учет интересов всех сторон. Поэтому принцип разграничения интересов также играет важную роль в разрешении конфликтных ситуаций и не ограничивается правоотношениями между конкретными законными интересами [17, с.271].

Когда общие социальные ресурсы ограничены и все члены общества имеют потребность в социальных ресурсах, общество должно разумно распределять выгоды, создаваемые этими ресурсами, между всеми членами общества в соответствии с некоторыми средствами социального контроля, либо на основе общественной воли всех членов общества, либо на основе требований большинства людей.

Права интеллектуальной собственности характеризуются исключительностью, закрепленной законом. Это означает, что государство дает правообладателям прав интеллектуальной собственности право запрещать другим или разрешать другим использовать свои права интеллектуальной собственности посредством законодательных положений. Это положение основано на интеллектуальном вкладе правообладателя в общественное достояние или на доброй репутации, накопленной в ходе рыночных операций, и дает ему определенный набор монопольных выгод. Однако монополия неизбежно наносит ущерб некоторым общественным интересам. Другими словами, в праве интеллектуальной собственности существуют определенное противоречие между интересами правообладателя и общественными интересами.

Содействие развитию и прогрессу общества в целом путем разграничения индивидуальных и общественных интересов является основным принципом системы интеллектуальной собственности. Следовательно, важным принципом системы интеллектуальной собственности является соблюдение баланса между «интересами правообладателей» и «общественными интересами». С одной стороны,

необходимо обеспечить адекватную защиту интересов правообладателей, стимулировать инновационную деятельность и способствовать быстрому технологическому и экономическому прогрессу в общественной сфере; с другой стороны, необходимо ограничивать права правообладателей.

Масштабы и способы, которыми люди реализуют свои права, должны предотвращать ущерб общественным интересам, который намного превышает вклад отдельных интеллектуальных прав.

Иными словами, при разрешении конфликта интересов необходимо учитывать не только сугубо личные интересы, но и интересы общества в целом. Хотя в разрешении конкретного дела непосредственно участвуют только стороны, нельзя игнорировать роль защиты общественных ценностей и принципов. Иными словами, справедливое разрешение любого дела неизбежно приводит к сохранению общей ценности права для общества. В системе интеллектуальной собственности защита интересов правообладателей является нормой, поэтому разграничение интересов правообладателей и интересов общества отражают баланс «общественных интересов».

Таким образом, концептуальные положения основоположника русской юридической школы Н.М. Коркунова, разработанные во второй половине XIX века, имеют большое научное значение для развития современной юриспруденции и судебной практики.

Фактически, ученый предвидел, что будущая теория права позволит более точно определять, оценивать и балансировать разнообразные интересы с целью предотвращения их конфликта.

Список источников

1. Горбань В.С., Серикова С.В. Генезис социологической школы права в России и ее значение // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7(187).
2. Галкин О.В. Философские основы критики естественного права в позитивистском и материалистическом правопонимании: сравнительный анализ // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18.
3. Дашин А.В. Социолого-правовое направление в юридической науке об обычном праве // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4(46).
4. Ломакина И.Б. Социологические идеи в русле дореволюционного теоретико-правового дискурса // Криминалистъ. 2020. № 1(30).
5. Осипов И.Д. Н.М. Коркунов как историк философии права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 1.
6. Пегова Н.Э. Историзм правопонимания Н.М. Коркунова: правовая норма, правоотношения, правовой порядок // Гуманитарные и социально-экономические науки., 2015. № 3.
7. Працко Г.С., Хбликян Е.А. Теоретико-методологические основания концепции соотношения закона и указа в правовом учении Н.М. Коркунова // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12(132)
8. Черкашина И.М. Социологический подход к пониманию права // Аммосов-2021: Сборник материалов научно-практической конференции студентов СВФУ, Якутск, 12 апреля 2021 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2021.
9. Ломакина И.Б. Позитивистские социолого-правовые версии понимания права // Закон. Право. Государство. 2021. № 3(31).
10. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1877. 317 с.
11. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право Осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. 756 с.
12. Карасевич П.Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М.: тип. А.И. Мамонтова и К, 1875. 488 с.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 352 с.
14. Коркунов Н.М. Общественное значение права: лекции в Императорском Александровском лицее 1892 / Сб. ст. Н.М. Коркунова, профессора Петербургского университета. 1877-1897. Санкт-Петербург, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1898
15. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Москва, товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916. 221 с.22
16. Зорькин В.Д. Позитивисткая теория права в России. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 544 с.
17. Каторгин С.С. Развитие представлений об интересе в отечественной юриспруденции // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1(193).

References

1. Gorban V.S., Serikova S.V. Genesis of the sociological school of law in Russia and its significance. *Law and state: theory and practice*. 2020. No. 7(187) (In Russ.)
2. Galkin O.V. Philosophical foundations of criticism of natural law in positivist and materialist legal understanding: comparative analysis. *Issues of Russian justice*. 2022. No. 18 (In Russ.)

3. Dashin A.V. Sociological and legal direction in the legal science of common law. *Leningrad Legal Journal.* 2016. No. 4(46) (In Russ.)
4. Lomakina I.B. Sociological ideas in line with pre-revolutionary theoretical and legal discourse. *Criminalist*. 2020. No. 1(30) (In Russ.)
5. Osipov I.D. N.M. Korkunov as a historian of legal philosophy. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2020. V. 36. No. 1 (In Russ.)
6. Pegova N.E. Historicism of legal understanding N.M. Korkunova: legal norm, legal relations, legal order. *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2015. No. 3. (In Russ.)
7. Pratsko G.S., Khblikyan E.A. Theoretical and methodological foundations of the concept of the relationship between law and decree in the legal doctrine of N.M. Korkunova. *Law and state: theory and practice*. 2015. No. 12(132) (In Russ.)
8. Cherkashina I.M. Sociological approach to understanding law. *Ammosov-2021*: Collection of materials from the scientific and practical conference of NEFU students, Yakutsk, April 12, 2021. Yakutsk: North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, 2021. (In Russ.)
9. Lomakina I.B. Positivist sociological and legal versions of the understanding of law. *Law. Right. State*. 2021. No. 3(31). (In Russ.)
10. Muromtsev S.A. Essays on the general theory of civil law. M.: type. A.I. Mamontova and Co., 1877. 317 p. (In Russ.)
11. Kovalevsky M.M. Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical and comparative coverage. T. 1. M.: Type. V. Gatzuk, 1886. 756 p. (In Russ.)
12. Karasevich P.L. Civil customary law of France in its historical development. M.: type. A.I. Mamontova and K, 1875. 488 p. (In Russ.)
13. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. M.: Yurayt Publishing House, 2024. 352 p. (In Russ.)
14. Korkunov N.M. Social significance of law: lectures at the Imperial Alexander Lyceum 1892 / Sat. Art. N.M. Korkunov, professor at St. Petersburg University. 1877-1897. St. Petersburg, Publication of the legal bookstore N.K. Martynova, 1898 (In Russ.)
15. Trubetskoy E.N. Lectures on the encyclopedia of law. Moscow, A.I. Mamontov's printing house partnership, 1916. 221 p.22 (In Russ.)
16. Zorkin V.D. Positivist theory of law in Russia. M.: Norma, Infra-M, 2012. 544 p. (In Russ.)
17. Katorgin S.S. Development of ideas about interest in domestic jurisprudence. *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 1(193) (In Russ.)

Информация об авторе
Сироватко Ю.Н. - аспирант

Information about the author
SirovatkoYu.N. - Post-Graduate Student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 340

Между прошлым и настоящим:
процессуальная регламентация начала уголовного процесса
в свете Устава уголовного судопроизводства 1864 года

© Стус Н. В., 2024

Нина Владимировна Стус
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия. ninastus@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен комплексный анализ и системное толкование положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года с целью выявления историко-правовых корней и механизмов процессуальной регуляции начала уголовного процесса, что имеет ключевое значение для понимания эволюции уголовно-процессуального кодифицирования в Российской Федерации. Автор акцентирует внимание на доктринальном осмыслении и аргументации в пользу сохранения стадии возбуждения уголовного дела как неотъемлемой части процессуального порядка, вопреки предложениям о ее модификации или полной ликвидации, выдвигаемым отдельными представителями уголовно-процессуальной науки. На основе анализа норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года обоснован тезис о преемственности и развитии процессуальных положений, касающихся порядка возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: судебная реформа, судебные уставы, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, уголовное судопроизводство, процессуальные нормы, возбуждение уголовного дела, процессуальная регламентация, начало уголовного процесса, правовое наследие

Для цитирования: Стус Н.В. Между прошлым и настоящим: процессуальная регламентация начала уголовного процесса в свете Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 26-31

Original article

Between past and present:
procedural regulation of the beginning of criminal proceedings
in the light of the Criminal Procedure Statute 1864

Nina V. Stus
The North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia. ninastus@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis and systematic interpretation of the provisions of the Charter of Criminal Procedure of 1864 in order to identify the historical and legal roots and mechanisms of procedural regulation of the beginning of the criminal process, which is of key importance for understanding the evolution of criminal procedural codification in the Russian Federation. The author focuses on doctrinal understanding and argumentation in favor of preserving the stage of initiating a criminal case as an integral part of the procedural order, contrary to proposals for its modification or complete elimination put forward by individual representatives of criminal procedure science. Based on an analysis of the norms of the Charter of Criminal Procedure of 1864, the thesis about the continuity and development of procedural provisions relating to the procedure for initiating a criminal case is substantiated.

Keywords: judicial reform, judicial statutes, Charter of criminal proceedings of 1864, criminal proceedings, procedural norms, initiation of a criminal case, procedural regulation, beginning of a criminal trial, legal heritage

For citation: Stus N.V. Between past and present: procedural regulation of the beginning of criminal proceedings in the light of the Criminal Procedure Statute 1864. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):26-31 (In Russ.)

Постановка проблемы. Решение задач уголовного судопроизводства невозможно без надлежащей правовой регламентации начала досудебного расследования. Исходя из положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в современной процессуальной доктрине возбуждение уголовного дела рассматривается как самостоятельная стадия уголовного производства, которая начинается с момента обнаружения повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и заканчивается принятием процессуального решения по результатам их рассмотрения.

В то же время современная правовая регламентация начала досудебного расследования не является совершенным, на что обращают внимание в своих работах Ш.М. Абдул-Кадыров [1], Л.В. Березина [2], Ф.Ю. Васильев [3], В.В. Козлов [4], В.В. Кожокарь [5], К.В. Муравьев [6], Л.А. Сиверская [7], К.А. Таболина [8], В.М. Тарзиманов [9], Д.В. Филиппов [10], А.В. Чубыкин [11] и др. Более того, в уголовно-процессуальной науке имеется широкий спектр мнений касательно необходимости и обоснованности стадии возбуждения уголовного дела. Некоторые исследователи, опираясь на опыт российского дореволюционного законодательства, выступают за упразднение рассматриваемой стадии в целом или отдельных ее элементов.

Бесспорно, что проблемные вопросы, связанные с начальным этапом досудебного расследования занимали и занимают первоочередное место в теории и практике уголовного процесса России. В этой связи возникает необходимость исследования исторического развития положений уголовно-процессуального законодательства России и использования наиболее значимых достижений науки уголовно-процессуального права с целью совершенствования отдельных положений действующего уголовно-процессуального закона России.

Учитывая изложенное, настоящее исследование ориентировано на глубокое осмысление процессуальной регламентации начала уголовного процесса в контексте дореволюционного законодательства, что предполагает не только анализ исторического опыта, но и его значение для современной правовой теории и практики.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемам становления и развития уголовно-процессуального законодательства, а именно процедурным аспектам начала уголовного производства в указанный период истории России, а именно после проведения судебной реформы 1864, посвящении труды Р.С. Акперова, Б.Б. Багаутдинова, Я.А. Гаджиева, Е.А. Дресвянниковой, М.В. Жогина, Д.С. Кротковой, Е.С. Кузьменко, А.С. Лизунова, К.Л. Литвиненко, Л.М. Лобойко, П.А. Лупинской, Е.А. Новиковой, Д.В. Потапова Я.П. Ряполовой, М.С. Строговича, И.Я. Фойницкого и других отечественных исследователей дореволюционного, советского и современного периодов.

Основные результаты исследования. Введение в научный дискурс о начальном этапе уголовного процесса, а именно о процедуре возбуждения уголовного дела, открывает обширное поле для изучения его эволюции и текущего состояния. Этот этап, являясь краеугольным камнем в структуре уголовного судопроизводства, продолжает претерпевать трансформации, актуализируя интерес к историческим корням и методам его регулирования.

Основным нормативным правовым актом в уголовном судопроизводстве, определявшим процедуру начала предварительного следствия, после Свода законов Российской империи 1835 года, стал Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [12] (далее также – Устав). В этом содержательном законодательном акте были реализованы фундаментальные идеи, которые делают его самым прогрессивным процессуальным законом того времени и часто служат источником творческих поисков для ученых. В частности, Устав выступает в качестве ключевого документа, заложившего фундамент для последующих реформ и обсуждений в области уголовно-процессуальной науки. Этот памятник права, часто описываемый как «выдающийся и непревзойденный по своей логичности и прогрессивности» [13, с. 76-83], до сих пор вызывает живой интерес и разнообразные толкования, в том числе в контексте процедурных аспектов инициации уголовного процесса.

Некоторые исследователи, опираясь на статью 303 Устава, согласно которой «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия… ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» [12], выступают за упразднение рассматриваемой стадии в целом или отдельных ее элементов (А.С. Александров [14], Л.М. Володина [15, с. 84], Б.Я. Гаврилов [16], С.А. Грачев [17], А.П. Кругликов [18], М.В. Лапатников [19], А.В. Синельников [20, с. 69] и др.).

Более того, данная позиция отражена в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года, предлагающей с учетом «опыта российского дореволюционного законодательства рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела» [21].

Однако означенная интерпретация отдельно взятой нормы Устава и основанные на ней выводы о всей системе уголовного судопроизводства приводят к недопустимому упрощению понимания сложной и многоуровневой системы норм, регулировавших уголовный процесс того периода. При детальном же рассмотрении процессуальных механизмов, задействованных на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, которые были закреплены в рамках Устава, обнаруживается, что данный нормативный акт предусматривал наличие этапа «предварительной проверки», обладающего высокой степенью систематизации и разработанности. Эти регулятивные принципы оказали значительное влияние на формирование процедур инициации уголовного процесса в рамках последующих кодификаций, включая действующий УПК РФ.

В подтверждение заявленного тезиса далее нами будет приведен последовательный анализ положений Устава в сопоставлении с нормами действующего УПК РФ, регламентирующими стадию возбуждения уголовного дела, с целью выявления их историко-правовой преемственности.

Во-первых, Устав определял критерии, при наличии которых инициирование уголовного преследования было невозможно (обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного преследования). Так, согласно статье 16 Устава «судебное преследование» не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению в случаях: 1) смерти обвиняемого; 2) истечения давности; 3) примирения обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях; 4) «высочайшего указа или общего милостивого манифеста, дарующего прощение» [12]. Следует отметить, что Устав в тот период времени включал в себя только нереабилитирующие основания.

Во-вторых, начало предварительного следствия обуславливалось наличием «законных к тому поводов и достаточных оснований», о чем указывалось в статье 262 Устава. Согласно статье 297 Устава законными поводами «к начатию следствия» признавались: «1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) возбуждение дела прокурором; 5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя» [22, с. 150]. При этом перечень поводов, установленных статьей 297 Устава, был исчерпывающим и делился на две группы: обязательные для начала процессуальной деятельности (жалобы потерпевших (статья 303), явка с повинной (статья 310), возбуждение уголовного дела прокурором (статьи 278, 281, 282, 311) или начальством обвиняемого (статья 1086)), достаточные (не обязательные – предоставляли следователю право по собственному усмотрению начинать следствие): жалобы лиц, не понесших ущерба от преступления (статьи 288, 289)), сообщения полиции и других должностных лиц (статья 309), ложная явка с повинной (статья 310).

С учетом предмета настоящего исследования значимым видится то, что Устав делал различие между достаточными и недостаточными основаниями для начала следствия, требуя в последнем случае дополнительных подтверждений.

Объявление о преступлении законодатель разделял на два вида: объявление о преступлении частных лиц, которым преступлением причинен вред и которым полагалось право возбуждать уголовное преследование (статья 298 Устава); объявления других частных лиц – очевидцев или не очевидцев (статья 299 Устава). Если информация о преступлении поступала от очевидца или потерпевшего, она автоматически рассматривалась как достаточное основание для начала следствия. В контрасте с этим, заявления от лиц, не являющихся свидетелями сообщаемых событий, требовали дополнительных доказательств для признания их достаточным поводом к началу следствия. Анонимные сообщения и клеветнические письма («безыменные пасквили и подметные письма») не признавались в качестве таких поводов (статья 300 Устава).

В этой связи утверждение сторонников ликвидации стадии возбуждения уголовного дела о том, что любая жалоба являлась безусловным поводом к «начатию следствия», не подтверждается приведенными нормами Устава.

Более того, в процессуальной литературе того времени отмечалось, что «жалоба потерпевшего или законного его представителя не имеет значения абсолютного повода к возбуждению преследования. Значение ее определяется юридическими ее свойствами и она должна быть оставлена без последствий при наличности законных препятствий к возбуждению преследования» [23, с. 117].

Жалобами назывались объявления потерпевших о совершении преступления или проступка (статья 301 Устава). В то же время процессуальный закон использовал и другие формулировки, на перечень которых обращает внимание в своих работах И.Я. Фойницкий, отмечая, что иногда закон употребляет и другие высказывания в понимании жалобы, говоря о решениях, уведомлениях, извещениях, заявлениях [24, с. 22].

Следует отметить, что Устав также устанавливал определенные требования к содержанию жалобы (статья 302), включая указание времени и места происшествия, обоснование подозрений в адрес конкретного лица, размер нанесенного ущерба и потерь, а также оценку требуемой компенсации. Эти положения подчеркивают стремление законодателя обеспечить четкость и обоснованность процессуальных действий на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Устав определял не только конкретные требования к процессуальной форме жалобы (согласно статье 302), но и к механизму ее подачи. Положения статьей 306-307 указывало на то, что «объявления и жалобы могут быть письменными или словесными и принимаются во всякое время как полицейскими чинами, так и судебными следователями, прокурорами и их товарищами. Время подачи и содержание объявления или жалобы, а также показания, данные при распросе, вносятся в протокол» [12], при этом при получении «объявления» или «жалобы» должностные лица должны были немедленно выяснить у «объявителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния и в случае явного обвинения им кого-либо в преступлении или

проступке предупреждает его о наказании за лживые доносы» [12]. Следовательно, хоть и незначительная, но проверка доводов объявления или жалобы все-таки проводилась.

При этом представление лицом объявления или жалобы не обязывало его доказывать факт совершения преступления, но при этом лицо предупреждалось об ответственности за заведомо ложное уведомление о преступлении (статья 308 Устава).

Особое внимание в Уставе уделялось необходимости наличия достаточных оснований для начала следствия. Так, согласно статье 312 прокуроры и их помощники не имели права инициировать следствие без наличия веских причин. В случаях сомнений они были обязаны проводить «негласное полицейское разведывание» для сбора дополнительных сведений. Если же оснований для начала следствия не обнаруживалось, прокурор должен был быть об этом уведомлен, что подчеркивало его право на возбуждение уголовного дела и осуществление надзорных функций на предварительном этапе (статья 297 Устава).

По явке с повинной следователь обязан был начать следствие, однако если признание контрастировало с имеющимися данными, следователь составлял протокол с обоснованием своего решения оставить явку с повинной без последствий и направлял его копию прокурору (статья 310 Устава), что являлось специфической формой уведомления. Аналогично, если следователь не находил оснований для расследования по сообщениям полиции или других органов и должностных лиц, он должен был незамедлительно уведомить об этом прокурора или его товарища, при этом Устав определял срочность такого уведомления – «немедленно» (статья 309).

В-третьих, в рамках Устава устанавливалось регулирование проведения первичных проверочных мероприятий, обозначавшихся термином «дознание». При детальном изучении положений Устава становится ясно, что на тот момент дознание не выделялось как самостоятельный вид предварительного расследования. Согласно положениям статей 253-254 Устава, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщения о том по принадлежности, она должна удостовериться чрез дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка. При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» [12].

Из указанного следует, что Устав содержал положение о недопустимости проведения следственных действий при осуществлении проверки жалобы.

В-четвертых, Устав определял механизмы принятия решений по итогам рассмотрения сообщений о происшествиях, которые могут содержать признаки преступления или проступка. Варианты решений включали начало предварительного следствия (статья 262), уведомление прокурора об отсутствии достаточных оснований для следствия (статьи 309, 310), что фактически является первым аналогом отказа в возбуждении уголовного дела и передачу материалов по подведомственности либо мировым судьям (статья 251), либо судебным следователям с последующим уведомлением прокурора или его товарища (статья 255).

Характерной чертой этой стадии был обязательный уведомительный характер как о получении сообщения о преступлении, так и о решениях, принятых по результатам его проверки: «о всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно и никак не позже суток по получении о том сведения сообщает судебному следователю и прокурору или его товарищу» [12] (статья 250 Устава).

В современной научной литературе активно обсуждается тема регламентации начальной стадии уголовного процесса на основе изучения Устава. Некоторые исследователи указывают на якобы недостаточность законодательной базы того времени для отказа в инициации уголовных дел.

Вместе с тем, такие выводы находятся в диссонансе не только с положениями самого Устава, но и с теоретическими разработками в области уголовно-процессуального права той эпохи.

Как отмечалось С.И. Викторским, «произведенное дознание, не подлежащее передаче следователю или иному судье, полиция представляет прокурору, который или прекращает оное, или распоряжается о его дополнении; если же, при рассмотрении его прокурором, будут усмотрены признаки преступлении или проступка, то он передает таковое дознание. следователю или поручает полиции возбудить преследование перед мировым судьею» [25, с. 257].

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что изучение Устава уголовного судопроизводства 1864 года в контексте начальной стадии уголовного процесса раскрывает перед исследователями более глубокое понимание эволюции уголовно-процессуального права. Это позволяет не только переосмыслить ряд устоявшихся взглядов, но и обогатить теорию уголовного процесса новыми интерпретациями и подходами к анализу процессуальных норм прошлого в контексте их влияния на формирование современных правовых институтов.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России частично вобрало в себя лучшие научные достижения предыдущих правовых доктрин в сфере регуляции уголовно-процессуальных отношений. Характерной особенностью действующего уголовно-процессуального закона является и то, что в нем учтен ряд современных научных идей в области процессуального права и тенденций его развития не только отечественной доктрины, но и лучших зарубежных практик.

Однако высказываемые в научном сообществе мнения о том, что Устав уголовного судопроизводства 1864 года не предусматривал стадию возбуждения уголовного дела или ограничивался лишь регулированием начала и порядка следствия, не нашли своего подтверждения при детальном изучении данного исторического документа. Системный анализ положений Устава позволяет утверждать, что в нем заключена система норм, с высокой структурированностью и детализацией регламентирующих начальную стадию уголовного процесса, которая по своей сути и целям соответствует современному подходу к регулированию этапа возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: Дис. … к.ю.н, 2015. 195 с.
2. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: Дис. … к.ю.н., Саратов, 2003. 284 с.
3. Васильев Ф.Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: Дис. … к.ю.н., 2017. 220 с.
4. Козлов В.В. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7 (110). С. 211-214.
5. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: Дис. … к.ю.н., М., 2016.
6. Муравьев К.В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица: Дис. … к.ю.н., Омск, 2005. 236 с.
7. Сиверская Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: Дис. … к.ю.н., 2015. 246 с.
8. Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: Дис. … к.ю.н., Москва, 2015. 320 с.
9. Тарзиманов В.М. Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении: Дис. … к.ю.н., 2014. 227 с.
10. Филиппов Д.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела: Дис. … к.ю.н., Москва, 2013. 29 с.
11. Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: Дис. … к.ю.н., 2014. 203 с.
12. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // СПС «Гарант»
13. Головинская И. В., Крестинский М. В., Головинский М. М. Ретроспектива и перспектива стадии возбуждения уголовного дела // Современное право. 2016. № 11. С. 76-83.
14. Александров А.С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015.№ 1(31). С. 101-108.
15. Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. 171 с.
16. Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела: мифы и реалии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: тезисы докладов и сообщений всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Омской академии МВД России (г. Омск, 1-2 июня 2010 года) / Омская академия МВД России. Омск, 2010. С. 69-74.
17. Грачев С. А. Процессуальные проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 28-30.
18. Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011.№ 6. С. 56-59.
19. Лапатников М.В. Проблемные вопросы реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Государство и право в изменяющемся мире: материалы II научно-практической конференции с международным участием (г. Нижний Новгород, 3 марта 2016 года). Нижний Новгород: Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал, 2017. С. 582-586.
20. Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 209 с.
21. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
22. Чистяков О. И. Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. 496 с.
23. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II. Судопроизводство. Москва: Зерцало-М, 2008. 488 с.

24. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 1996. 607 с.
25. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. 438 с.

References

1. Abdul-Kadyrov Sh.M. The prosecutor's implementation of criminal prosecution and supervision over the implementation of laws in pre-trial proceedings: Dis. ... Ph.D., 2015. 195 p. (In Russ.)
2. Berezina L.V. Proof at the stage of initiating a criminal case under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Dis. ... PhD in Law, Saratov, 2003. 284 p. (In Russ.)
3. Vasiliev F.Yu. Institute of refusal to initiate criminal proceedings: Dis. ... Ph.D., 2017. 220 p. (In Russ.)
4. Kozlov V.V. Stage of initiating a criminal case: pros and cons // Eurasian Legal Journal. 2017. No. 7 (110).
5. Kozhokar V. Initiation of a criminal case: issues of theory and practice: Dis. ... PhD in Law, Moscow, 2016.
6. Muravyov K.V. Initiation of a criminal case against a person: Dis. ... Ph.D., Omsk, 2005. 236 p. (In Russ.)
7. Siverskaya L.A. Consideration of reports of crimes: legal regulation and procedural order: Dis. ... Ph.D., 2015. 246 p. (In Russ.)
8. Tabolina K.A. Supervision of the prosecutor over the initiation and investigation of criminal cases: Dis. ... Ph.D., Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.)
9. Tarzimanov V.M. Procedural aspects of checking a crime report: Dis. ... Ph.D., 2014. 227 p. (In Russ.)
10. Filippov D.V. Ensuring the rights and legitimate interests of the victim at the stage of initiating a criminal case: Dis. ... Ph.D., Moscow, 2013. 29 p. (In Russ.)
11. Chubykin A.V. Procedural status of the prosecutor at the stage of initiating a criminal case: Dis. ... Ph.D., 2014. 203 p. (In Russ.)
12. Charter of criminal proceedings of November 20, 1864 // Reference and legal system "Garant"
13. Golovinskaya I.V., Krestinsky M.V., Golovinsky M.M. Retrospective and perspective of the stage of initiating a criminal case // Modern law. 2016. No. 11. P. 76-83. (In Russ.)
14. Aleksandrov A.S., Grachev S.A. Stage of initiating a criminal case: liquidation cannot be abandoned // Legal science and law enforcement practice. 2015.№ 1(31). pp. 101-108. (In Russ.)
15. Volodina L. M. Mechanism for protecting individual rights in criminal proceedings. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 1999. 171 p. (In Russ.)
16. Gavrilov B.Ya. Initiation of a criminal case: myths and realities // Current problems of the fight against crime at the present stage: abstracts of reports and communications of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, June 1-2, 2010). Omsk, 2010. pp. 69-74. (In Russ.)
17. Grachev S. A. Procedural problems of proof at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2015. No. 5 (5). pp. 28-30. (In Russ.)
18. Kruglikov A.P. Is the stage of initiating a criminal case necessary in the modern criminal process in Russia? // Russian justice. 2011.No. 6. (In Russ.)
19. Lapatnikov M.V. Problematic issues of implementing the right to defense at the stage of initiating a criminal case // State and law in a changing world: materials of the II scientific and practical conference with international participation (Nizhny Novgorod, March 3, 2016). Nizhny Novgorod: Russian State University of Justice, Volga Branch, 2017. pp. 582-586. (In Russ.)
20. Sinelnikov A.V. Criminal liability for evading criminal prosecution and taking measures to ensure it: problems of legislative regulation and differentiation: monograph. Volgograd: VolGU Publishing House, 2010.
21. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR dated October 24, 1991 No. 1801-1 "On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR" // Vedomosti SND and Supreme Court of the RSFSR. 1991. No. 44. Art. 1435(In Russ.)
22. Chistyakov O.I. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. T. 8. Judicial reform. M.: Legal literature, 1991. 496 p. (In Russ.)
23. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal procedure. Part II. Litigation. Moscow: Zertsalo-M, 2008.
24. Foinitsky I.Ya. Course in criminal proceedings / In 2 volumes. T. 2. St. Petersburg: Alpha, 1996. 607 p.
25. Viktorsky S.I. Russian criminal process. M.: Publishing house. A.A. Kartseva, 1912. 438 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Н.В. Стус - доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин

Information about the author

N.V. Stus – Doctor of Law, Professor of hhte Department of Theoretical Legal Disciplines

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 340.13

Историко-правовые и философско-правовые предпосылки становления учения Л.И. Петражицкого о праве и политике права

© Ходос Я.В., 2024

Яков Валерьевич Ходос
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия. khodos.yakov@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является анализ историко-правовых и философско-правовых предпосылок становления учения Л.И. Петражицкого о праве и политике права. На основе исторического похода и формально-правового анализа обсуждаются предпосылки формирования учения Л. И. Петражицкого. Обосновывается, что историко-правовые теории о праве и политике права, связанные с пониманием пути историко-культурной идентичности и направлением развития российского общества, оказали решающее влияние на разработку Л.И. Петражицким учения о праве и правовой политике.

Раскрывается влияние естественнонаучных учений и исследований в сфере анализа психологических процессов на формирование психологической теории правопонимания Л.И. Петражицкого.

Ключевые слова: право, правопонимание, философско-правовые предпосылки, политика права, правовая теория

Для цитирования: Ходос Я.В. Историко-правовые и философско-правовые предпосылки становления учения Л.И. Петражицкого о праве и политике права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.32-36

Original article

Historical-legal and philosophical-legal prerequisites for the formation of the doctrine of L.I. Petrazhitsky on law and the policy of law

Yakov V. Khodos
Kabardino-Balkarian State University Named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia. khodos.yakov@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the historical-legal and philosophical-legal prerequisites for the formation of L.I. Petrazhitsky's teaching on law and the policy of law. Based on a historical approach and formal legal analysis, the prerequisites for the formation of the teachings of L.I. Petrazhitsky are discussed. It is substantiated that historical and legal theories about law and legal policy, associated with an understanding of the path of historical and cultural identity and the direction of development of Russian society, had a decisive influence on the development by L.I. Petrazhitsky of the doctrine of law and legal policy. The influence of natural science teachings and research in the field of analysis of psychological processes on the formation of L.I. Petrazhitsky's psychological theory of legal understanding is revealed.

Keywords: law, philosophical and legal background, politics of law, morality, legal theory

For citation: Khodos Ya.V. Historical-legal and philosophical-legal prerequisites for the formation of L.I. Petrazhitsky's teaching on law and legal policy. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):32-36 (In Russ.)

Понимание природы права и правовой политики является наиболее сложным и противоречивым вопросом в современных юридических исследованиях, особенно в области теории права и науки, и поэтому имеет особенно важное значение. Это вызвано сложностью общественных отношений, усилением факторов социальной нестабильности, противоречивым законодательством, законодательными пробелами. У современных юристов сохраняется интерес к научным исследованиям в области теории права, которая сформировалась в России в конце 19 – начале 20 веков. Многие работы ученых этого периода, таких как Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич, Е. Н. Трубецкой, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, С. А. Муромцев, до сих пор не утратили своей актуальности.

Трансформация социально-экономической сферы и особенности политической ситуации в России после реформ 1860-х годов (земской, военной, финансовой, судебной власти и крестьянства) изменили экономическое и социально-политическое развитие России.

В результате реформ положение России претерпело качественную модернизацию, главным носителем которой стало развитие рыночных отношений и усиление капиталистических тенденций. Земские присяжные стали новой формой российской политической системы. Все это способствовало интенсификации процессов общественной жизни.

С конца XIX - начала XX века начинает развиваться эпистемология и такие формы познания, как интуиция, интуитивные и логические методы исследования. В этот период активно развиваются различные юридические школы и области юриспруденции, направленные на изучение вопросов права и правовой политики [1, с.251].

Исторически разные ученые-юристы предлагали разные правовые концепции, основанные на разных исследовательских точках зрения. Центральным вопросом в дебатах о понятии права являлось соотношение между правом и моралью. Согласно различным взглядам различные правовые понятия можно разделить на две основные позиции, а именно: позитивные правовые и естественно-правовые [2, с. 8].

Таким образом, юридический позитивизм противопоставлялся теории естественного права. Основное различие состояло в том, что естественное право считает, что имеется существенная связь между правом и моралью, в то время как юридический позитивизм считает, что действительность закона не имеет ничего общего с моралью и справедливостью. Естественное право настаивает на том, что при определении правовых понятий, помимо авторитетных элементов выражения и социальных элементов, важнейшим элементом определения его сущности должна быть правильность их содержания.

Юридическая фактологическая аргументация (позитивная правовая теория) фокусируется на составе, функционировании и технологии самого правового явления, которое является необходимым знанием для практики юридической работы (включая судебные процессы, судебное преследование и работу адвокатов). Цель юридического позитивизма – сделать право самодостаточной наукой посредством концептуального анализа.

Известные отечественные теоретики права Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич и другие ученые попытались переосмыслить и переоценить кризис социальных, политических, духовных и культурных условий в России конца XIX - начала XX веков и нашли выход, который видит индивид как конкретный, единственный абсолютный смысл, смысл и цель прогресса. Смысловую основу правовой политики они видят во взаимодействии личности и государства [3, с.2].

В частности, Н.М. Коркунов отмечал, что государство консолидирует, координирует и, в конечном итоге, обеспечивает реализацию правовой политики [4, с. 322].

По мнению С.А. Муромцева, правовая политика «определяет цели и методы, которыми руководствуются гражданские законодатели и судьи» [5, с.18] .

Г.Ф. Шершеневич признавал, что общая правовая политика разрабатывается в рамках частной или ведомственной правовой политики [6, с.35].

Теоретик права Л. И. Петражицкий считал, что правовые явления проистекают из уникальных психологических процессов и что причину законопослушания следует искать не в кодексе, а в том, что мы убеждены, что так оно и есть.

Следует отметить, что изучение психики человека тесно связано с методом естественных наук, распространением позитивистской философии в области социального познания, переносом исследовательских концепций и методов из области естественных наук в область правовых явлений**.**

Значительное влияние на развитие учения Л.И. Петражицкого оказали труды И.М. Сеченова, которого называют отцом русской физиологии. В 1863 году он опубликовал книгу «Рефлексы головного мозга», положившую начало формированию теории интуиции и условных рефлексов [7, с.42]. Он произвел физиологический анализ психологических процессов и указал, что все действия сознательных и бессознательных явлений жизни являются рефлексами по своему происхождению. Ученый считал, что рефлекс является основным законом нервной деятельности и что даже самые сложные психологические явления можно изучать физиологическими методами. Он проанализировал условия развития конкретного и абстрактного мышления.

Л.И. Петражицкий отмечал, что право представлено не кодексами, а эмоциями и что их совокупность составляет право, поскольку может вызывать соответствующие понятия, но не предполагает автоматического возникновения правоотношений. В то же время он считал, что право – это односторонний правовой порядок и нормативный факт, создающий свое понятие в психологии человека. В то же время право не создает правоотношений, поскольку не имеет собственного понятия.

Политика права была разработана Л. И. Петражицким как практическая часть философии права, при этом ее целью он считал практическое осуществление философско-правовых идеалов, а также духовно-нравственных норм в повседневном развитии общества. В частности, он считал, что несмотря на то, что человеческая жизнь развивается органично, в силу своей психологической природы она может и должна подвергаться влиянию политики и образования, чтобы реализовать человеческий идеал – совершенное правило позитивной любви через юридическое воспитание.

В этом смысле ядром национальной правовой политики должны стать не принудительные меры, а механизм воспитания и мотивации поведения людей. Только посредством этого механизма официальное право может в правильном направлении направлять психологическое развитие людей.

Г. С. Працко, в частности, отмечает, что Л. И. Петражицкий ориентировался на будущее развитие юридической науки и требовал от нее рассмотрения политики права в качестве ее составляющей. По мнению ученого, к основным целям данной политики относятся: регулирование социального поведения с использованием определенных стимулов, которые рационализируют поведение отдельных лиц и населения в целом; оказание влияния на психологию человека, в рамках которого усиливаются одни тенденции в массовом сознании и устраняются другие [8, с.30].

По мнению ученого, содержание любого социального явления не объективно, а реально существует в психике людей, его изучающих. Он принял эту точку зрения при анализе различных явлений, таких как право, власть, идеалы и наказание, и разработал «эмоциональную психологию», сосредоточив внимание на изучении роли эмоций как автономных, нормативных и доминирующих факторов в социальном поведении. Л. И. Петражицкий считал, что взаимодействие между индивидами порождает новые эффекты, а именно коллективную «психологию народа» и ее «нормативные законы»», которые определяются мотивацией [9, с.35].

А.Ю. Мамычев и А.С. Каминская при исследовании учения Л.И. Петражицкого отмечали, что, по мнению ученого, политика права является, с одной стороны, системой ценностных норм, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных ценностей, идей и правовых концепций, а с другой, выступает как наука прикладного характера, в задачи которой входит определение направления развития и оценки действующих норм права, юридической техники и практики с целью содействия формированию более совершенных правовых моделей и форм взаимодействия личности и общества [10, с.107].

Особое внимание Л.И. Петражицкий уделяет сведению правовых явлений к правосознанию и явлениям психики. Л. И. Петражицкий ввел понятия импульсивных эмоций, базовых переживаний и отталкивающих эмоций. Эмоции – основной элемент психической жизни, через который передаются все внутренние и внешние раздражители. Исследуя субъективный опыт людей, он описал взаимосвязь нравственного опыта и правовых эмоций на основе истории, социальных явлений и социальной психологии.

Правовые нормы в учении Л. И. Петражицкого имеют двустороннюю атрибутивно-командную природу и являются результатом юридического опыта. Его теория основана на психологии личности, поскольку право и мораль непосредственно отражаются в состоянии психики субъекта, а не в тексте правовых норм.

К сожалению, Л. И. Петражицкий не дал подробных рекомендаций по практической реализации политики права. Свою задачу он видел в том, чтобы наметить исходные положения новой юридической науки и доказать ее необходимость. Он прекрасно знал одно: доминирующее положение в национальной политике права должны занимать не принудительные меры, а воспитательные механизмы и стимулирующее воздействие на поведение людей. Только посредством такого механизма научно обоснованная политика права может влиять на процесс развития права и направлять развитие права в направлении правовых идеалов [11, с. 322]. Л. И. Петражицкий считал, что такими правовыми и общественными идеалами являются идеалы любви. Более того, он считал это положение бесспорной аксиомой, постулируемой «человеческой природой и прогрессивными культурными идеями». Поэтому Л.И. Петражицкий отмечал, что официальное право может направлять развитие национальной психологии ради достижения общего блага.

Учение Л.И. Петражицкого, несомненно, вызывает интерес у современных исследователей. В условиях реформирования российской социально-правовой системы особенно важно сформировать продуманную и эффективную правовую политику. Понимание права напрямую зависит от нашего взгляда на правовую политику (или политику права, как пишет Л. И. Петражицкий) – деятельность, осуществляемую в правовом поле с использованием совокупности правовых инструментов [12, с. 7]. Кроме того, исследование психологической концепции Л.И. Петражицкого показывает, что он реализовал на практике свои выводы о влиянии индивидуально-психологических особенностей на правовое формирование и правовую политику.

Правовую политику он рассматривал как практическое применение теории юридической психологии. Л. И. Петражицкий полагал, что понимание психологической природы права позволит законодателям прогнозировать (предсказывать, моделировать) реакции общества на конкретные принимаемые нормативные правовые действия с учетом направления и деталей эволюции юридической практики. Таким образом, законодатели смогут сформулировать эффективные и прогрессивные нормы, побуждающие людей «активно любить ближнего» и, главное, не нарушать характер и психологические устремления людей. Как исследователь-правовед Л. И. Петражицкий считал, что политика права должна стать наукой о гармоничном развитии цивилизации, людей и общества. В то же время, по его мнению, она представляет собой систему ценностей, устойчивых мнений и концепций о праве, призванную направлять и оценивать действующее законодательство, технологии и юридическую практи-

ку для содействия развитию более совершенных правовых моделей и форм развития общества [13, с.256].

По мнению Л. И. Петражицкого, законодатели должны уметь «сознательно и рационально управлять судебным процессом», основные мотивы которого заключаются в совершенствовании психологии человека, устранении антисоциальных тенденций, влиянии на различные отклонения в социальных взаимодействиях, искажении правосознания и юридической практики. Это предполагает системную политику, направленную на улучшение качественного развития индивидуальной и массовой психологической деятельности (правосознание, правовое взаимодействие и т. д.), в задачи которой входит постепенное формирование «правильного» правового отношения. С точки зрения исследователя, эта мотивационная структура должна «пронизывать» все элементы социально-правового взаимодействия и быть ориентирована на социальные идеалы. Как говорилось выше, ученые видели «реализацию совершенного социального характера» и «преобладание действенной любви среди людей».

В своих трудах Л.И. Петражицкий также обращался к нравственному человеку, который своими усилиями призывал себя к установлению духовных начал, составляющих каждое человеческое существо, а также стремление к их осуществлению [14, с. 43].

Человек является центром всего бытия и отношений в человеческом мире. С этой точки зрения, человек также должен быть субъектом и центром отношений между правом и миром права. Построение и историческая эволюция права, предпосылки права, фундаментальная ценностная ориентация и оценка права должны быть найдены среди людей.

Таким образом, в основе формирования теории Л.И. Петражицкого лежат идеи различных юридических школ и направлений развития юриспруденции конца XIX - начала XX веков. Теория права и правовой политики Л.И. Петражицкого наряду с конкурирующими правовыми концепциями позитивизма и эпистемиологии, сформировавшимися во второй половине XIX в., занимает особое место. Его правовая теория трактует закон как психическое явление в сознании человека, а психическая жизнь формирует внутреннее и внешнее правовое поведение. Изучение права становится возможным только путем анализа особого вида эмоциональной жизни субъекта – юридического опыта.

Идеи Л.И. Петражицкого получили развитие в работах Г.Д. Гурвича, который также подтвердил важность «правовой политики», представляющей собой совокупность правовых ценностей, идей, правовых технических приемов и правил развития, более соответствующих конкретной правовой системе и данному историческому периоду. По мнению Г.Д. Гурвича, правовая политика - это прием совершенствования правовой действительности, направленный на обеспечение наиболее полного применения в правовой жизни объективных ценностей, закрепленных в действующих правовых нормах. Такие цели могут быть достигнуты с помощью правовой политики путем сопоставления соответствующих ценностей с правовой реальностью [15, с.19].

Л. И. Петражицкий обобщил имеющуюся информацию о гносеологическом потенциале психологических знаний в сфере правовой действительности. После такой концептуализации и за счет использования ее результатов в целом возрос когнитивный потенциал юридической науки [16, с.294].

Для современной России важное значение имеет учение Л. И. Петражицкого, дающее объяснительный потенциал для углубленного изучения права, правовой политики и общественной жизни в целом. Оно способно органично интегрироваться в различные правовые, философские и социологические учения. Содержащиеся в нем идеи раскрывают механизмы функционирования общества, такие как признание идеала любви конечной целью законодательства, приоритет неофициального права в общественной жизни.

Список источников

1.Честнов И.Л. Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум "Юридическая книга", 2010. LXXII; 1032 с // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4(291).
2.Галкин О.В. Философские основы критики естественного права в позитивистском и материалистическом правопонимании: сравнительный анализ // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18.
3.Завгородняя А.А. Правосудие и верховенство права в правовом государстве // Гражданское общество в России и за рубежом. 2022. № 4.
4.Муромцев С.А. Определение и основное разделение права СПБ.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004
5.Коркунов Н.М. История философии права: пособие к лекциям. Санкт-Петербург: Наука, 2019.
6. Шершеневич Г. Ф. (1863-1912). Определение понятия о праве / [Соч.] Проф. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича. Казань: типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1896. 83 с.
7. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга М. Избранные труды. М., 1961. 350 с.
8. Працко Г.С. Основные положения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: Сб. ст. Межд. науч.-пр. конф, Пенза, 25 сентября 2020 года. Пенза: "Наука и Просвещение", 2020.

9. Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. СПб., 1904. 75 с.
10. Мамычев А. Ю., Каминская А.С. Политика права в трудах дореволюционных ученых: история формирования и современное применение // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 4(31).
11. Петражицкий Л.И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010.
12.Петражицкий Л. И. Права добросовестнаго владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданскаго права С.-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 435 с. с.7
13.Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1905. 311 с.
14.Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2 (СПб., 1907). М.: Юрайт, 2016. 656 с.
15.Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. соч.; пер. с фр. М.В. Антонова; пер. с англ. М.В. Ворониной. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004 (ОАО ИПП Искусство России). 847 с.
16. Шаногин К. Д. Возможности использовании психологической теории Л. И. Петражицкого в современном правопонимании // Молодой ученый. 2018. № 50 (236).

References

1. Chestnov I.L. Petrazhitsky L.I. Theory and politics of law. Selected works / scientific. ed. E. V. Timoshina. St. Petersburg: University Publishing Consortium "Legal Book", 2010. LXXII; 1032 pp. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2010. No. 4(291) (In Russ.)
2.Galkin O.V. Philosophical foundations of criticism of natural law in positivist and materialist legal understanding: comparative analysis. *Issues of Russian justice*. 2022. No. 18. (In Russ.)
3. Zavgorodnyaya A.A. Justice and the rule of law in a rule-of-law state. *Civil society in Russia and abroad*. 2022. No. 4 (In Russ.)
4. Muromtsev S.A. Definition and basic division of St. Petersburg law: Ed. house St. Petersburg state University, 2004 (GIPP Art of Russia). 223 p. (In Russ.)
5. Korkunov N.M. History of the philosophy of law: a manual for lectures. St. Petersburg: Nauka, 2019.
6. Shershenevich G. F. (1863-1912). Definition of the concept of law / [Oc.] Prof. Kazan. University G.F. Shershenevich. Kazan, 1896. 83 p. (In Russ.)
7. Sechenov I.M. Reflexes of the brain M. Selected works. M., 1961. 350 p. (In Russ.)
8. Pratsko G.S. Basic provisions of the psychological theory of law L.I. Petrazhitsky. *Jurisprudence, state and law: current issues and modern aspects*: Sat. Art. Int. scientific-pr. conference, Penza, September 25, 2020. Penza: "Science and Enlightenment", 2020. (In Russ.)
9. Petrazhitsky L.I. About the motives of human actions, especially about ethical motives and their varieties. St. Petersburg, 1904. 75 p. (In Russ.)
10. Mamychev A.Yu., Kaminskaya A.S. Politics of law in the works of pre-revolutionary scientists: history of formation and modern application. *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2015. No. 4(31). (In Russ.)
11. Petrazhitsky L.I. Theory and politics of law: selected. works. St. Petersburg: LLC "University Publishing Consortium "Legal Book", 2010. (In Russ.)
12. Petrazhitsky L. I. The rights of a bona fide owner to income from the point of view of dogma and civil law policy St. Petersburg: typ. M. M. Stasyulevich, 1897. 435 p. (In Russ.)
13. Petrazhitsky L.I. Introduction to the study of law and morality. Emotional psychology. St. Petersburg: Printing house Yu.N. Ehrlich, 1905. (In Russ.)
14. Petrazhitsky L.I. The theory of law and state in connection with the theory of morality. Part 2 (St. Petersburg, 1907). M.: Yurayt, 2016. 656 p. (In Russ.)
15. Gurvich G. D. Philosophy and sociology of law: selected works. op.; lane from fr. M.V. Antonov; lane from English M.V. Voronina. SPb.: Publishing house. House St. Petersburg state University, 2004
16. Shanogin K. D. Possibilities of using the psychological theory of L. I. Petrazhitsky in modern legal understanding. *Young scientist*. 2018. No. 50 (236). (In Russ.)

Информация об авторе

Ходос Я.В. - аспирант

Information about the author

Khodos Ya.V. – Post-Graduate Student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.71

Конституционно-правовая трансформация института гражданства в России: осмысленные «уроки прошлого» в современном законодательном исполнении

© А.А. Безуглая, 2024

Анна Артуровна Безуглая
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. minasyan@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье осуществлен разбор конституционно-правовых актов, а также сопряженных с тематикой исследования доктринальных источников, сфокусированный на поиске корреляций между ранее действующими нормами о гражданстве и обновленным специальным Законом о гражданстве 2023 года. В ходе исследования были проанализированы авторские позиции по дефинированию категории «гражданство». Отмечено, что обнаруженные в теории интерпретационные подходы несут в себе «отпечаток времени», что оправдывает их содержательную конкурентность между собой. Уточнено, что апологетом подхода по рассмотрению гражданства через категорию «правовая связь» явился и российский законодатель. Анализ конституционных текстов РСФСР и СССР позволил сделать вывод о преемственности норм, регламентирующих статус и принципы гражданства, воплощенных в Базовом законе России 1993 г. Авторский акцент на анализе действующих конституционных, а также содержательно и формально-юридически совпадающих с ними законодательных принципов позволил заключить, что конституированные начала находятся в органичном и логически взаимосвязанном состоянии с положениями Закона о гражданстве 2023. Исследование вызывающего оживленные дискуссии обновленного института прекращения гражданства показало прочную связь с проводимой государством миграционной политикой и деятельностью по укреплению национальной безопасности. Автором также отмечено, что прекращение гражданства, вписывающееся в конституционную конъюнктуру «прекращение российского гражданства осуществляется в соответствии с федеральным законом», эвентуально противоречит принципу «сокращения безгражданства» (в случае если у гражданина исключительно российское гражданство). В целях нивелирования обнаружившегося законодательного антагонизма автором предложено скорректировать понятие гражданства, дополнив его «взаимной ответственностью» лица и государства.

Ключевые слова: институт гражданства, конституционно-правовые принципы гражданства, основания прекращения гражданства, национальная политика, государственная миграционная политика

Для цитирования: Безуглая А.А. Конституционно-правовая трансформация института гражданства в России: осмысленные «уроки прошлого» в современном законодательном исполнении // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.37-47

Public law (state law) sciences

Original article

Constitutional-law transformation of the institution of citizenship in Russia: meaningful "lessons of the past" in modern legislative implementation

© A.A. Bezuglya, 2024

Anna A. Bezuglya
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. minasyan@bsu.edu.ru

Abstract. This article analyzes constitutional-law acts, as well as doctrinal sources related to the topic of research, focused on finding correlations between previously existing rules on citizenship and the updated special Law on Citizenship of 2023. During the study, the author's positions on the definition of the category "citizenship" are analyzed. It is noted that the interpretative approaches discovered in the theory bear the "imprint of time", which justifies their substantive competition with each other. It is clarified that the Russian legislator was also an apologist for the approach to considering citizenship through the category of "legal connection". An analysis of the constitutional texts of the RSFSR and the USSR allows for drawing a conclusion about the continuity of the norms regulating the status and principles of citizenship embodied in the Basic Law of Russia in 1993. The author's emphasis on the analysis of existing constitutional, as well as sub-

stantively and formally legally coinciding legislative principles with them allows for conclusion that the constitutional principles are in an organic and logically interconnected state with the provisions of the Citizenship Law 2023. A study of the much-discussed updated institution of termination of citizenship shows a strong connection with the state's migration policy and activities to strengthen national security. The author also notes that the termination of citizenship, which fits into the constitutional context "termination of Russian citizenship is carried out in accordance with federal law," ultimately contradicts the principle of "reducing statelessness" (if the citizen has exclusively Russian citizenship). In order to level out the revealed legislative antagonism, the author proposes to adjust the concept of citizenship, supplementing it with "mutual responsibility" of the person and the state.

Keywords: institution of citizenship, constitutional-law principles of citizenship, grounds for termination of citizenship, national policy, state migration policy

For citation: Bezuglya A.A. Constitutional-law transformation of the institution of citizenship in Russia: meaningful "lessons of the past" in modern legislative implementation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):37-47 (In Russ.)

Введение. Постановка проблемы

Институт гражданства, олицетворяющий прочную связь между лицом и государством (на наш взгляд, далеко выходящую за рамки исключительно «правовой» или чисто «формальной», а выступающей как одна из фундаментальных ценностей государства), на протяжении долгого времени находится в фокусе исследовательского внимания. Гражданство, являясь ценностной опорой государственного суверенитета, константной основой российского конституционного строя, рассматривается авторами с дефинитивных [1; 2], концептуальных [3;4], компаративистских [5; 6; 7; 8], принципиальных [9; 10], ценностных [11; 12], видовых [13; 14] и иных позиций. Такой перманентный интерес со стороны научного сообществ обусловлен, прежде всего, тем, что институт гражданства является не только детерминантой правового статуса личности [15, с. 30], но и его «первоосновой» [16].

Как было отмечено ранее, авторский интерес связан с исследованием понятийных трактовок гражданства, поскольку именно интерпретирование базовых категорий является первым этапом научного строительства правовых институтов. Уточним, что вариабельность наличествующих подходов сводится к рассмотрению гражданства через: «личную связь индивида и государства» [17, с. 6]; «устойчивую правовую связь лица с государством» [18, с. 245]; «принадлежность лица к государству» [19, с. 5; 20, с. 171]; «политико-правовую связь лица с государством» [21, с. 22] и др. Систематизируя указанные авторские подходы к трактовке категории «гражданство», полагаем возможным сформулировать некоторые обобщения. Как известно, зачастую интерпретационные подходы несут на себе «отпечаток времени», что порой оправдывает их содержательную конкурентность. При этом (абстрагируясь от темпоральных периодов) представляется важным в целях исследования обозначить авторскую позицию по отношению к приведенным выше дефинициям.

Гражданство, определяемое как личная связь индивида и государства, не вызывает явных критических дискуссий. При этом такой подход, как представляется, обедняет весомость исследуемого правого института, приравнивая его к рядовым гражданским правоотношениям.

Авторская трактовка гражданства как устойчивой правовой связи лица с государством, как думается, отражает сущность гражданства. Включение «устойчивости» в искомое определение подчеркивает не «эпизодичность», а регулярность таких отношений, что безусловно иллюстрирует истинный сущностный смысл гражданства.

Особое авторское любопытство вызывает подход, рассматривающий гражданство как принадлежность личности государству. Спорность такой позиции, на наш взгляд, обусловлена явным сужением самой сущности гражданства [3, с. 118]. Такой подход, проще говоря собственнический, даже «хозяйский», де-факто позволяет государству *распоряжаться гражданином по своему усмотрению*, что явно диссонирует с квинтэссенцией института гражданства сегодня.

Рассмотрение гражданства через «политико-правовую связь лица с государством», как точно подчеркнула М.В. Мархгейм, обусловлено «гипертрофией политического аспекта», что «создавало для граждан опасность (причем не только гипотетическую, но и возникавшую реально) лишения советского гражданства, если они не разделяли официальной политики государства» [3, с. 117]. Отказ от «политической составляющей», по нашему мнению, даже если и не уравнял государство и гражданина в правах, но сузил эту правовую пропасть между ними.

Резюмируя сказанное, отметим, что рассмотрение гражданства как устойчивой правовой связи лица с государством является, по нашему мнению, наиболее предпочтительным. При этом неизменно важным аспектом для определения гражданства остается содержательная характеристика этой «связи».

Конституционно-правовое развитие института гражданства в России: досоветский (с 1918 г. по 1924 г.), советский (с 1924 г. по 1991 г.), современный (1991 г. по 2024 г.) этапы законодательного строительства

Институт гражданства, имманентно присущий правовому статусу личности, на протяжении всего периода своего становления и развития (в данном исследовании автором рассмотрен период с 1918 года) не раз был объектом законотворческой деятельности в России [22-45].

В целях проводимого исследования представляется необходимым начать анализ института гражданства с позиции его конституционного оформления. Полагаем, что проведенный разбор, с одной стороны, позволит обнаружить преемственность конституционных констант в части оформления института гражданства, с другой – выявить особенные черты, обусловленные темпоральным периодом его развития. Ввиду того, что на протяжении длительного времени Россия находилась в составе союзного государства, считаем позитивным в целях проводимого исследования проанализировать и конституционные тексты СССР.

Следует отметить, что в конституционных актах, за исключением Конституции (Основного закона) РСФСР 1925 г. [29], содержатся положения, касающиеся института гражданства. В ходе исследования была обнаружена конституционная традиция юридико-технического оформления рассматриваемого института в части рассмотрения его как предмета ведения верховных/высших органов власти и управления РСФСР и СССР.

Конституционной новацией, на наш взгляд, положившей начало должному юридическому оформлению исследуемого института, стало выделение в ст. 21 Конституции (Основном законе) 1936 г. [30] одного из фундаментальных принципов гражданства: «Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство». Это принцип стал детерминантой конституционного развития института гражданства, что было воплощено уже в Базовом законе 1977 г. [32]. Следует подчеркнуть, что анализируемый конституционный акт [32] содержал отдельную главу, посвященную гражданству СССР (Глава 6). Аналогичный подход был использован и российским законодателем (Глава 5 Конституции (Основного закона) РСФСР 1978 г. [33]). Значимость такого самостоятельного композиционного оформления рассматриваемого института подчеркивается тем, что указанные конституционные главы структурно располагались в качестве «пролога», предваряющего формализацию основных прав, свобод и обязанностей. Думается, что законодатель рассматривал институт гражданства как «предпосылку правового статуса» личности [46, с. 25], которую ученые выделяли в качестве обязательного предстатусного элемента [47, с. 30].

Как было отмечено ранее, конституциями СССР и РСФСР 1977 г. и 1978 г. соответственно были детализированы нормы, регулирующие институт гражданства. Так, конституционно было предусмотрено принятие Закона о гражданстве, который определял «Основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства» (ст. 33 Конституции (Основного закона) СССР 1977 г. [32]) Аналогичные положения были отражены в ст. 31 Конституции (Основного закона) РСФСР 1978 г. [33] до конституционных изменений 1990 и 1992 гг.). в конституционном формате также были закреплены принципы «равноправия граждан» и «защиты и покровительства».

Следует отметить, что конституционные преобразования института гражданства связаны с принятием Закона РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-I «Об изменения и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР», которым был приумножен каталог принципов гражданства путем закрепления принципа невозможности лишения гражданства и права его свободного изменения. Как известно, отмеченные принципы гражданства получили закрепление в действующем Базовом законе России. Также конституционные поправки коснулись и изменения понятие «утрата гражданства», которая была трансформирована в институт «прекращение».

Закон РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-I «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР» существенно преобразовал институт гражданства. Принципиальные конституционные трансформации связаны с исключением Главы о гражданстве, которая была «оформлена» в отдельную статью в рамках Главы о правах и свободах человека и гражданина. Следует подчеркнуть, что внесенными поправками был расширен каталог принципов гражданства. Так, получили конституционное закрепление принципы невозможности высылки граждан за пределы Российской Федерации и их выдачи иностранному государству.

Анализ конституционных текстов по исследуемой нами проблеме позволяет заключить, что российская Конституция 1993 г. в части формализации норм, регулирующих институт гражданства, пошла по пути преемственности. При этом о полном конституционном «копировании» речи не идет. Действующий Базовый закон (как и последняя редакция Конституции (Основного закона) РСФРС 1978 г.) не выделяет в качестве отдельной главы институт гражданства. При этом конституционно подчеркнута ценность данного института для нашего государства путем закрепления его основополагающих принципов (ст. 6) *именно в 1 Главе Конституции России*. Такой конституционный «компли-

мент», материализованный со стороны разработчиков Базового закона, свидетельствует об особом статусе института гражданства в России.

В число конституционных принципов «по наследству» перешли следующие: единое, равное, свободное гражданство, принцип невозможности лишения гражданства, защиты и покровительства, невозможность выдачи и высылки граждан. Новационным конституционным принципом явился принцип двойного гражданства, который, как представляется, выступил дополнительным аргументом в «копилке» проводимой государством политики демократизации. Обновленным содержательно стал принцип равного гражданства, конституционно предполагающий тождественность прав, свобод и обязанностей граждан «независимо от оснований приобретения». Отметим, что указанные конституционные положения получили соответствующую детализацию в отдельном законе.

Конституирование института гражданства в России и его трансформация позволяют сформулировать некоторые обобщения. Во-первых, начало конституционного развития института гражданства соотносится с принятием первой российской Конституции, что, безусловно, подчеркивает его значимость и акцентность. Во-вторых, с развитием конституционных положений происходит увеличение каталога принципов, лежащих в основе функционирования исследуемого института. В-третьих, в последних советских конституционных актах формализовано положение о принятии закона, конкретизирующего основания и порядок приобретения и утраты/прекращения гражданства, что демонстрирует осознанный законодателем масштаб его правового урегулирования.

В целях более детального анализа обозначенной нами проблемы исследования полагаем необходимым рассмотреть законодательные акты, сопряженные с регулированием института гражданства в России в период с 1918 г по настоящее время. Предметом для исследовательского анализа выступят принципы, а также основания приобретения и утраты/прекращения гражданства. Такой исследовательский фокус обусловлен подходом конституционного законодателя в части закрепления сходных норм о гражданстве.

Прежде чем начать исследование законодательных актов, регулирующих институт гражданства в России, считаем необходимым отразить положения Декрета ВЦИК от 5 апреля 1918 г. «О приобретении прав российского гражданства» [45]. Указанный акт положил начало законодательному строительству института гражданства, опередив его конституционное закрепление. Особый интерес для нас вызывают положения, содержащиеся в примечании: «За представление заведомо ложных сведений для приобретения прав российского гражданства виновные подвергаются уголовной ответственности, как за дачу ложных показаний, и могут быть лишены приобретенных ими прав». Забегая немного вперед с выводами, подчеркнем, что указанные декретные нормы актуальны и спустя более чем сто лет…

Первым специальным законом, принятым в целях правового урегулирования института гражданства, был Закон СССР от 19 августа 1938 г. «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» [41]. Являясь продолжением и уточнением конституционным положений, указанным актом были формализованы принцип единого гражданства, а также, своего рода, основания утраты гражданства. В числе таких оснований законодательно обозначены выход (ст. 4), а также лишение гражданства, которое возможно по «приговору суда» или «в силу особого в каждом случае Указа Президиума Верховного Совета СССР» (ст. 7).

Дальнейший анализ связан с положениями Закона СССР от 1 декабря 1978 года № 8497-IX «О гражданстве СССР» [39]. Следует подметить, что указанный акт являлся более совершенным с точки зрения его юридико-технического оформления. Так, законодательно были конкретизированы и уточнены конституционные принципы гражданства, речь о которых велась нами ранее. В качестве дополнительных законодательно оформленных принципов следует обозначить принципы сохранения гражданства СССР при заключении/расторжении брака (ст. 4) или в случае проживания за границей (ст. 5). Интерес вызывают законодательные положения ст. 8, согласно которой «За лицом, являющимся гражданином СССР, не признается *принадлежность к гражданству иностранного государства*». При этом в самом наименовании статьи формализовано непризнание «*двойного гражданства*», что позволяет сформулировать вывод относительно «законодательного сращивания» указанных категорий. Подчеркнем, что указанный подход не нашел «поддержку» в современном конституционно-правовом исполнении.

Исследуемым Законом [39] были предусмотрены и основания приобретения гражданства (ст. 10), в числе которых: филиация, натурализация, основания, «предусмотренным международными договорами СССР» и иные. В числе последних – реинтеграция / восстановление в гражданстве (ст. 19).

В законодательном ключе были конкретизированы и основания утраты гражданства: выход, лишение, основания, «предусмотренным международными договорами СССР» и иные. Относительно института лишения гражданства законодательно уточнены, как представляется, морально-нравственные действия гражданина: «Лишение гражданства СССР может иметь место в исключитель-

ном случае … если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР» (ст. 16).

Конституционные и политические преобразования, активно начавшиеся в конце 80-х гг. и затронувшие рассматриваемый публичный институт, обусловили принятие нового специального закона – Закон СССР от 23 мая 1990 года № 1518-I «О гражданстве СССР» [38]. Особенность данного акта, помимо прочего, заключается в законодательном дефинировании понятия гражданства, которое рассматривалось через «постоянную политико-правовую связь лица и Советского государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях». Следует подчеркнуть, что солидарная ответственность государства и гражданина не была прямо включена в исследуемое нами определение, но структурно располагалась в Преамбуле.

Анализируемый законодательный акт расширил перечень конституционных принципов гражданства путем приращения равного гражданства (ст. 2). Под ним понимался паритет гражданства «для всех советских граждан независимо от оснований его приобретения и принадлежности к гражданству любой из республик». Полагаем, что обозначенный принцип явился, своего рода, еще одним проявлением и одновременно уточнением принципа равноправия граждан.

Закон СССР [38] закреплял право автономных республик по принятию соответствующих актов в сфере регулирования отношений гражданства. Перечень принципов гражданства и оснований приобретения аналогичен отмеченным ранее (в ходе исследования Закона СССР от 1 декабря 1978 года № 8497-IX «О гражданстве СССР»). Законодательно был «обновлен» институт утраты гражданства, трансформировавшийся в институт прекращения гражданства. Примечательно, что конституционно был предусмотрен именно институт утраты.

Исходя из положений исследуемого Закона [38], в числе оснований прекращения гражданства были отражены: утрата, лишение, основания, «предусмотренным международными договорами СССР» и иные. Законодательно были конкретизированы основания для утраты гражданства, в числе которых (ст. 22): поступление «лица на военную службу, службу безопасности … или в иные органы государственной власти и управления в иностранном государстве»; невыполнением гражданином, проживающим за границей, требования о постановке на консульский учет в течение 5 лет (без уважительных причин); предоставление «заведомо ложных сведений или фальшивых документов» при приобретении гражданства.

Институт лишения гражданства также был законодательно модернизирован. Согласно положениям ст. 23 Закона лишение гражданства рассматривалось как исключительная мера, применяемая в отношении «лица, проживающего за границей, если оно совершило действия, наносящие существенный ущерб государственным интересам или государственной безопасности ССС». Подметим, что содержательно обновленный институт лишения гражданства, сохранив приверженность к морально-этическим правилам для граждан, конкретизировал адресата – лицо, проживающее за границей. Проводя параллели с действующими конституционными нормами о «невозможности лишения гражданства», хочется подчеркнуть своего рода правовое «оздоровление» законодателя и освобождение от флера «суровой советскости».

Дальнейшее законодательное развитие института гражданства, по объективным на то причинам, связано с исключительно российскими актами. Первым таким документом стал Закон РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-I «О гражданстве РСФСР» [36]. Отметим, что в Преамбуле к Закону было дано определение гражданства, под которым понималась «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека». В данной законодательной трактовке, в отличие от ранее анализированного закона, содержательно была включена «взаимная ответственность», что подчеркивало *действительно правовую связь* лица и государства.

Сохранив и детализировав конституционно предусмотренные принципы (о них речь шла ранее), Законом было предусмотрено двойное гражданство для граждан РСФСР, если с данным государством имелся соответствующий договор» (ч. 2 ст. 3). Также была закреплена возможность граждан РСФСР иметь «иное гражданство» с сохранением имеющихся у лица прав, обязанностей и ответственности. Законодательно был оформлен принцип «сокращения безгражданства», сохранившийся и сегодня. Особым принципом, получившим оформление, стал принцип невозможности лишения гражданства, который ранее рассматривался в качестве репрессивной меры со стороны государства.

Следует отметить, что масштабной модернизации подверглись и основания приобретения гражданства. К обозначенным ранее в Законе СССР от 23 мая 1990 года № 1518-I добавились: признания гражданином, регистрация и оптация. Прекращение гражданства, согласно положениям Закона (ст. 22), было возможно: вследствие выхода, отмены решения о приеме в гражданство, оптации и по иным основаниям. Следует отметить, что отмена решения о приеме в гражданство касалась исключительно натурализованных граждан и содержательно коррелировала с действовавшим ранее основанием как утрата гражданства.

В 2002 году был принят новый Закон о гражданстве [34]. Следуя преемственности в части оформления каталога принципов, законодательно все же были внесены некоторые изменения. Так, было скорректировано определение гражданства, под которым понималась «устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» (ст. 3). Примечательно, что из данного понятия была уже изъята «взаимная ответственность», что, безусловно, заставляет задуматься о мотивах законодателя. Как справедливо подчеркивает М.В. Мархгейм, «законодатель значительно обеднил глубину отношений гражданства, отказавшись от такого их основания, как признание и уважение достоинства, основных прав и свобод человека» [3, с. 118].

Законодательно был сокращен перечень оснований для приобретения и прекращения гражданства. Ст. 11 Закона регламентировала основания приобретения гражданства, среди которых: рождение, прием, восстановление и иные (к иным законодательно отнесена оптация). Прекращение гражданства было возможно в результате выхода и по иным основаниям (оптация). С 2017 года была введена новая Глава IV, предусматривающая «отмену решений по вопросам гражданства». Анализ исследуемой главы Закона позволяет заключить, что отмена решения по вопросам гражданства содержательно совпадает с действующей ранее утратой гражданства. Думается, что действия законодателя в указанном ракурсе (касающиеся включения института отмены решений) сопряжены с активно проводимой с 2015 г. [24] политикой национальной безопасности, которая направлена, в том числе, и на поддержание состояния защищенности и безопасности личности. Законодательные действия были однозначно поддержаны Конституционным Судом [47], который не нашел противоречия с конституционными положениями о невозможности лишения гражданства.

Исследование законодательного развития института гражданства логически затрагивает и принятый в 2023 г. обновленный Закон [23]. Исходя из положений пояснительной записки к Закону [48], он также «направлен на последовательную реализацию Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» [26].

Анализ содержательных и принципиальных аспектов Закона [23] позволяет сформулировать однозначный вывод: новое – это хорошо забытое старое, но в более безупречной правовой «обертке». Так, законодательно были детализированы конституционные принципы, перенят опыт их правовой формализации 2002 г., а также расширен понятийный каталог. Следует отметить, что законодательно были уточнены категории «двойное гражданство» и «множественное гражданство» (ст. 4), при этом само понятие гражданства не изменилось.

В числе оснований приобретения гражданства сохранились «по рождению; в результате приема» и оптация (ст. 12). Законодательно «новыми» выступили признание гражданином и «в соответствии с международным договором Российской Федерации». Не вдаваясь в исследование порядка приобретения гражданства, действующего на сегодняшний день, отметим, что Закон о гражданстве 2023 г. существенно (в сравнении в ранее действовавшим) расширил возможности для приобретения российского гражданства, что было подчеркнуто в Заключении Общественной палаты России [49].

Уточним также, что существенные изменения коснулись института прекращения гражданства. Так, в числе оснований законодательно отражены: выход; «основания, предусмотренные международным договором Российской Федерации»; вследствие совершения конкретных преступлений; «вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений»; «вследствие совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации». Последние три основания консолидированы в один институт – прекращение гражданства, который «сменил» ранее действующую «отмену решения о приеме в гражданство» [48]. Адресатом указанных оснований, как и ранее, явились исключительно натурализованные граждане. Полагаем, законодательно введенный институт прекращения гражданства вписывается в легитимную конституционную конъюнктуру: «прекращение российского гражданства осуществляется в соответствии с федеральным законом». Также подчеркнем, что законодательные нормы сопряжены с проводимой в государстве миграционной политикой [26] и действиями по укреплению национальной безопасности [25].

Тем не менее, при всей положительности анализируемого Закона, нельзя не отметить обнаружившийся законодательный антагонизм – прекращение гражданства (в случае если оно единственное) эвентуально посягает на незыблемость действующего принципа по сокращению безгражданства. В данном случае разрешение потенциальной правовой коллизии видится в уточнении понятия гражданства путем включения в него «взаимной ответственности» как меры за неправомерные действия гражданина. Как справедливо отмечают В.В. Гелуненко и М.Ю. Лицавкин, «представляется, что взаимная ответственность гражданина и государства требуется и потому, что это объективный признак правоотношений, к которым явно относится гражданство» [50, с. 51]. Подытоживая сказанное, отметим, что конституционная идея о «равном гражданстве» и «невозможности его лишения» не диссонирует с обновленным законодательным институтом прекращения гражданства.

Выводы и отдельные размышления по изложенному

Гражданство России – это не просто «формальная» связь лица с Российским государством, это духовная, нравственная, традиционная, прочная «скрепа» с ним, которая выражается в наличии паритетных прав, обязанностей и *ответственности* (автор. дополнение). На протяжении более чем столетнего правового строительства институт гражданства России претерпевал различные изменения, детерминантой которых зачастую являлась геополитическая реальность. Не вдаваясь в критику некоторых явно политизированных и парадоксальных решений со стороны государства в советский период, отметим в позитивном ключе полученный законодательный опыт (несмотря на то, что порой он был для нас «сыном ошибок трудных»). Действующий сегодня Закон о гражданстве иллюстрирует не только преемственность в законотворческой технике, но зрелость, обдуманность, дальновидность, перспективность закрепленных законодательных норм. Преломляя позицию М.В. Мархгейм, предрекающей еще в 2021 г. появление института прекращения гражданства, отметим, что Закон о гражданстве 2023 «выступает индикатором открытости/закрытости внутренней и внешней политики Российского государства» [51, с. 20]. Эта «открытость» проявляется в вариабельности оснований получения гражданства для тех, кто *действительно* ассоциирует себя с нашим государством; «закрытость» же выражается в закреплении института прекращения гражданства, что, на наш взгляд, обусловлено современными реалиями внутреннего и внешнего характера. Надеемся, что в скором будущем гражданство России наконец-то обретет тот престиж/авторитет, который принадлежит ему по праву. По крайней мере законодательное начало этому процессу уже положено.

Список источников

1. Собанцев А.А. Анализ понятия гражданства и проблема идентичности в современной России // В книге: Современная Россия: путь к миру – путь к себе. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета. Доклады. В 2-х томах. Редколлегия: Л.А. Закс [и др.]. Екатеринбург, 2008. С. 185-187.
2. Сагов Ч.А. Институт гражданства: законодательные и доктринальные подходы // Государственная служба. 2011. № 2 (70). С. 99-100.
3. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России: дисс. … доктора юрид. наук. М., 2005. 384 с.
4. Бабурина В.Л. Гражданство Российской Федерации: конституционно-правовая теория и практика: дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2017. 228 с.
5. Куряева А.А. Особенности статуса лиц, имеющих гражданство США и гражданство иного государства // Modern Science. 2020. № 12-4. С. 232-235.
6. Подольский А.В., Сахаров А.В. Конституционные основы гражданства и межгосударственное правовое регулирование вопросов легализации и гражданства в СНГ // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2014. № S1 (49). С. 97-101.
7. Монгуш М.М. Сравнительная характеристика института гражданства союза Республики Беларусь и России и гражданства Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2001. № 2. С. 84-87.
8. Вениаминова М.В. Гражданство Испании и гражданство ЕС: взаимодействие статусов / В сборнике: Актуальные проблемы современного международного права. материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч. Российский университет дружбы народов. 2019. С. 502-506.
9. Устьянцева В.Д., Носова С.Ф. Понятия двойного гражданства и второго гражданства // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 33. С. 63-67.
10. Парфенов М.И. Процесс реализации принципов гражданства Российской Федерации и содержание принципов гражданства Российской Федерации // NovaUm.Ru. 2018. № 11. С. 185-187.
11. Трусов Н.А. Институирование ценности гражданства как правовое последствие современной отечественной конституционной практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 18-22.
12. Винчковский Е.В. Десакрализация гражданства // Философская мысль. 2019. № 11. С. 44-51.
13. Семененко И.С. Корпоративное гражданство и перспективы глобальной управляемости // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 4-5 (48-49). С. 30-37.
14. Пешин Н.Л. Спортивное гражданство: содержание понятия и его соотношение с гражданством государства // Вестник Российского Международного Олимпийского Университета. 2015. № 1 (14). С. 28-37.
15. Лукашева Е.А. Правовой статус личности: понятие и структура / Общая теория прав человека. М., 1996. 520 с.
16. Овчинников И.И. Российское гражданство: новый правовой статус // Гражданин и право. 2002. № 9/10. Сайт. URL: https://base.garant.ru/4058443/ (дата обращения: 04.03.2024).

17. Кишкин С.С. Советское гражданство / под ред. В. И. Яхонтова. М.: Юрид. изд-во НКЮРСФСР. 1925. 96 с.
18. Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. М., 1960. 300 с.
19. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5-11.
20. Махненко А.Х. Основные институты государственного права европейских стран народной демократии: учеб. пособие. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М.:, 1964. 326 с.
21.Тункин Г.Е. Закон о гражданстве СССР // Советское государство и право. 1979 г. № 7.
22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
23. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.
24. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (Часть II). Ст. 212.
25. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
26. Указ президента Российской Федерации 06 марта 2020 г. № Пр-469 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2015 годы». Сайт. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 21.02.2024).
27. Конституция (Основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений распоряжений Рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 51.
28. Конституция (Основной закон) СССР от 31 января 1924. Сайт. URL: https://base.garant.ru/185480/ (дата обращения: 21.02.2024).
29. Конституция (Основной закон) РСФСР от 11 мая 1925 г. Сайт. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/ (дата обращения: 21.02.2024).
30. Конституция (Основной закон) СССР от 5 декабря 1936 г. Сайт. URL: https://base.garant.ru/185479/ (дата обращения: 21.02.2024).
31. Конституция (Основной закон) РСФСР от 21 января 1937 г. Сайт. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 21.02.2024).
32. Конституция (Основной закон) СССР от 7 октября 1977 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
33. Конституция (Основной закон) РСФСР 12 апреля 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
34. Федеральный закон от 31 мая 2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (документ не действует) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
35. Закон РФ от 17 июня 1993 г. № 5206-I «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР»» (с изменениями и дополнениями) (документ не действует) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 29. Ст. 1112
36. Закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации» (документ не действует) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 6. Ст. 243.
37. Указ Президента СССР от 15 августа 1990 года № 568 «Об отмене указов Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР некоторых лиц, проживающих вне пределов СССР» // Справоч.-прав. Система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2024).
38. Закон СССР от 23 мая 1990 года № 1518-I «О гражданстве СССР» (документ не действует) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1990 г. № 23. Ст. 435.
39. Закон СССР от 1 декабря 1978 года № 8497-IX «О гражданстве СССР» (документ не действует) // Справоч.-прав. Система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2024).
40. Указ Президиум Верховного Совета СССР от 17 февраля 1967 г. № 818-VII «О выходе из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 8.

41. Закон СССР от 19 августа 1938 «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» // КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2024). https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17090#akZXw4U0mi7Cs9jk
42. Постановление ВЦИК и СНК от 27 мая 1933 года «О бывших российских подданных, уехавших за границу до 25 октября 1917 г. и принявших иностранное гражданство или подавших заявление о принятии их в иностранное гражданство» (утратил силу) // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3890.htm (дата обращения: 22.02.2024).
43. Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР от 13 ноября 1925 года «О лишении гражданства Союза ССР находящихся за-границей и пропустивших сроки регистрации бывших военнопленных и интернированных военнослужащих царской и красной армий, а также амнистированных лиц, служивших в белых армиях, и участников контр-революционных восстаний» (утратил силу) // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2734.htm (дата обращения: 22.02.2024).
44. Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 года «Положение о союзном гражданстве» (утратил силу) // КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2024).
45. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15 декабря 1921 года «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» (утратил силу) // КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2024).
46. Самарина Е.С. Категория «правовой статус личности» в теоретико-правовой науке // Ленинградский юридический журнал // https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-pravovoy-status-lichnosti-v-teoretiko-pravovoy-nauke
47. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).
48. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8
49. Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона No 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8 (дата обращения: 29.02.2024).
50. Гелуненко В.В., Лицавкин М.Ю. Прекращение гражданства в ракурсе бремени чужой ответственности // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 17 ноября 2023г.). Deutschland, Gelsenkirchen, 17. November. 2023, Henze Verlag. 2 С. 49-54.
51. Мархгейм М.В. Гражданство в лабиринтах государственного строительства России. Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 11-12 ноября 2021 г.). Белгород, 2021. 14-24 с.

References

1. Sobantsev A.A. Analysis of the concept of citizenship and the problem of identity in modern Russia // In the book: Modern Russia: the path to peace - the path to yourself. Materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University. Reports. In 2 volumes. Editorial Board: L.A. Zaks [and others]. Ekaterinburg, 2008. pp. 185-187. (In Russ.)
2. Sagov Ch.A. Institute of Citizenship: Legislative and Doctrinal Approaches // State Service. 2011. No. 2
3. Markhheim M.V. Constitutional system for the protection of human and civil rights and freedoms in Russia: dissertation. ... Doctor of Law. Sci. M., 2005. 384 p. (In Russ.)
4. Baburina V.L. Citizenship of the Russian Federation: constitutional and legal theory and practice: diss. ...cand. legal Sci. Voronezh, 2017. 228 p. (In Russ.)
5. Kuryaeva A.A. Features of the status of persons with US citizenship and citizenship of another state // Modern Science. 2020. No. 12-4. pp. 232-235. (In Russ.)
6. Podolsky A.V., Sakharov A.V. Constitutional foundations of citizenship and interstate legal regulation of issues of legalization and citizenship in the CIS // Questions of modern science and practice. University named after IN AND. Vernadsky. 2014. No. S1 (49). pp. 97-101. (In Russ.)
7. Mongush M.M. Comparative characteristics of the institution of citizenship of the union of the Republic of Belarus and Russia and citizenship of the European Union // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal sciences. 2001. No. 2. P. 84-87. (In Russ.)
8. Veniaminova M.V. Spanish citizenship and EU citizenship: interaction of statuses / In the collection: Current problems of modern international law. materials of the XVI International Congress "Blishchenko Readings": at 3 o'clock. Peoples' Friendship University of Russia. 2019. pp. 502-506. (In Russ.)
9. Ustyantseva V.D., Nosova S.F. The concepts of dual citizenship and second citizenship // Law and order in

modern society. 2016. No. 33. pp. 63-67. (In Russ.)
10. Parfenov M.I. The process of implementing the principles of citizenship of the Russian Federation and the content of the principles of citizenship of the Russian Federation // NovaUm.Ru. 2018. No. 11
11. Trusov N.A. Institutionalization of the value of citizenship as a legal consequence of modern domestic constitutional practice // State power and local self-government. 2024. No. 1. P. 18-22. (In Russ.)
12. Vinchkovsky E.V. Desacralization of citizenship // Philosophical thought. 2019. No. 11. pp. 44-51
13. Semenenko I.S. Corporate citizenship and prospects for global governance // Untouched reserve. Debates about politics and culture. 2006. No. 4-5 (48-49). pp. 30-37. (In Russ.)
14. Peshin N.L. Sports citizenship: the content of the concept and its relationship with the citizenship of the state // Bulletin of the Russian International Olympic University. 2015. No. 1 (14). pp. 28-37. (In Russ.)
15. Lukasheva E.A. Legal status of the individual: concept and structure / General theory of human rights. M., 1996. 520 p. (In Russ.)
16. Ovchinnikov I.I. Russian citizenship: new legal status // Citizen and Law. 2002. No. 9/10. Website. URL: https://base.garant.ru/4058443/ (access date: 03/04/2024).
17. Kishkin S.S. Soviet citizenship / ed. V. I. Yakhontova. M.: Legal. Publishing house of NKYURSFSR. 1925.
18. Zlatopolsky D.L. State structure of the USSR. M., 1960. 300 p. (In Russ.)
19. Khabibulin A.G., Rakhimov R.A. State identity as an element of the legal status of an individual // State and Law. 2000. No. 5. P. 5-11. (In Russ.)
20. Makhnenko A.Kh. Basic institutions of state law of European countries of people's democracy: textbook. allowance. All-Union legal in absentia int. M., 1964. 326 p. (In Russ.)
21. Tunkin G.E. Law on Citizenship of the USSR // Soviet State and Law. 1979 No. 7. (In Russ.)
22. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)) (as amended and supplemented on December 30, 2008, on December 30, 2008, dated February 5, 2014, dated July 21, 2014, dated March 14, 2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2009. No. 1. Art. 1, Art. 2; 2014. No. 6. Art. 548; No. 14. Art. 4202.; 2020. No. 30 (part I). Art. 4202. (In Russ.)
23. Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 18. Art. 3215. (In Russ.)
24. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" (lost force) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 212. (In Russ.)
25. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27
26. Decree of the President of the Russian Federation March 6, 2020 No. Pr-469 "On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2015." Website. URL: http://www.kremlin.ru (access date: 02/21/2024).
27. Constitution (Basic Law) of the RSFSR of July 10, 1918 // Collection of legal orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. 1918. No. 51.
28. Constitution (Basic Law) of the USSR of January 31, 1924. Website. URL: https://base.garant.ru/185480/ (date of access: 02.21.2024).
29. Constitution (Basic Law) of the RSFSR dated May 11, 1925. Website. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/ (date of access: 02/21/2024).
30. Constitution (Basic Law) of the USSR of December 5, 1936. Website. URL: https://base.garant.ru/185479/ (access date: 02/21/2024).
31. Constitution (Basic Law) of the RSFSR of January 21, 1937. Website. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (date of access: 02.21.2024).
32. Constitution (Basic Law) of the USSR of October 7, 1977 // Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617. (In Russ.)
33. Constitution (Basic Law) of the RSFSR April 12, 1978 // Gazette of the Supreme Council of the RSFSR. 1978. No. 15. Art. 407. (In Russ.)
34. Federal Law of May 31, 2002 No. 62-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" (the document is not valid) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 22. Art. 2031. (In Russ.)
35. Law of the Russian Federation of June 17, 1993 No. 5206-I "On introducing amendments and additions to the Law of the RSFSR "On Citizenship of the RSFSR"" (with amendments and additions) (the document is not valid) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 29. Art. 1112 (In Russ.)
36. Law of the Russian Federation of November 28, 1991 No. 1948-I "On Citizenship of the Russian Federation" (the document is not valid) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 6. Art. 243. (In Russ.)
37. Decree of the President of the USSR of August 15, 1990 No. 568 "On the repeal of decrees of the Presid-

ium of the Supreme Soviet of the USSR on the deprivation of USSR citizenship of certain persons living outside the USSR" // Reference book. System "ConsultantPlus" (date of access: 02/21/2024).
38. USSR Law of May 23, 1990 No. 1518-I "On Citizenship of the USSR" (the document is not valid) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1990 No. 23. Art. 435. (In Russ.)
39. Law of the USSR of December 1, 1978 No. 8497-IX "On Citizenship of the USSR" (the document is not valid) // Reference book. System "ConsultantPlus" (date of access: 02/21/2024).
40. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 17, 1967 No. 818-VII "On the renunciation of USSR citizenship by persons moving from the USSR to Israel" (lost force) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council Russian Federation. 1991. No. 8. (In Russ.)
41. USSR Law of August 19, 1938 "On Citizenship of the Union of Soviet Socialist Republics" // ConsultantPlus https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17090#akZXw4U0mi7Cs9jk
42. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of May 27, 1933 "On former Russian citizens who went abroad before October 25, 1917 and who accepted foreign citizenship or submitted an application for their adoption of foreign citizenship" (lost force) // URL: https: //www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3890.htm
43. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR dated November 13, 1925 "On the deprivation of citizenship of the USSR who are abroad and have missed the registration deadlines for former prisoners of war and interned military personnel of the Tsarist and Red armies, as well as amnestied persons who served in the White Army armies, and participants in counter-revolutionary uprisings" (lost force) // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2734.htm (access date: 02.22.2024).
44. Decree of the Central Executive Committee of the USSR of October 29, 1924 "Regulations on Union Citizenship" (lost force) // ConsultantPlus (date of access: 02.21.2024).
45. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR dated December 15, 1921 "On deprivation of citizenship rights of certain categories of persons abroad" (lost force) // ConsultantPlus
46. Samarina E.S. Category "legal status of the individual" in theoretical and legal science // Leningrad Law Journal // https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-pravovoy-status-lichnosti-v-teoretiko-pravovoy-nauke
47. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 11, 2021 No. 183-O "On refusal to accept for consideration the request of the Supreme Court of the Republic of Karelia to verify the constitutionality of part two of Article 22 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" // SPS "Consultant" -Plus" (date of access: 02/29/2024).
48. Explanatory note to the draft Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation". // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8 (date of access: 02.29.2024).
49. Conclusion of the Public Chamber of the Russian Federation based on the results of the public examination of the draft federal law No. 49269-8 "On Citizenship of the Russian Federation" // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8 (date of access: 29.02 .2024).
50. Gelunenko V.V., Litsavkin M.Yu. Termination of citizenship from the perspective of the burden of someone else's responsibility // Constitutionalism: a symbiosis of science and practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruka (Belgorod, November 17, 2023). Deutschland, Gelsenkirchen, 17. November. 2023, Henze Verlag. 2 pp. 49-54. (In Russ.)
51. Markhheim M.V. Citizenship in the labyrinths of Russian state construction. Constitutionalism: a symbiosis of science and practice: Materials of the International Round Table dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruka (Belgorod, November 11-12, 2021). Belgorod, 2021. 14-24 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А.А. Безуглая – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

A.A. Bezuglya – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 342.7

Генезис становления права на высшее образование в России

© Т.А. Гаврилина, 2024

Татьяна Александровна Гаврилина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. gavrilina_tatyana@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ретроспективных аспектов становления права на высшее образование в России. Генезис права на высшее образование подвергнут периодизации, в рамках которой выделены этапы от появления первого университета в России до советского периода, когда в образовательной системе на первые позиции выдвигаются идеологические аспекты. В ретроспективном срезе право на высшее образование в России в отдельные исторические периоды приобрело высокую общественную значимость данного института, эволюция которого была обусловлена совокупностью объективных факторов, изменением государственного строя и трансформациями в политической и социально-экономической сферах.

Ключевые слова: высшее образование, университет, конституционное право, университетский устав, конституционные акты, привилегии, университетская автономия

Для цитирования: Гаврилина Т.А. Генезис становления права на высшее образование в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.48-52

Original article

The genesis of the right to higher education in Russia

© T.A. Gavrilina, 2024

Tatjana A. Gavrilina
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. gavrilina_tatyana@list.ru

Abstract: The article studies retrospective aspects of the formation of the right to higher education in Russia. The genesis of the right to higher education is subject to periodization, within which the stages from the appearance of the first university in Russia to the Soviet period are highlighted, when methodological aspects are put forward in the first positions in the educational system. In retrospect, the right to higher education in Russia in certain historical periods acquired a high social significance of this institution, the evolution of which was due to a combination of objective factors, changes in the state system and transformations in the political and socio-economic spheres.

Keywords: higher education, university, constitutional law, university charter, constitutional acts, privileges, university autonomy

For citation: Gavrilina T.A. The genesis of the right to higher education in Russia. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):48-52 (In Russ)

Нормативно-правовое зарождение права на высшее образование связывается с развитием системы университетского образования в Западной Европе и необходимостью укрепления положения Российского государства как во внутренней, так и внешней политике.

Особенности становления права на высшее образование в России на различных этапах обусловлены комплексом объективных и субъективных причин, детерминируемых социально-историческим процессом, и расстановкой политических, экономических, социальных и культурных приоритетов.

Первые шаги к появлению в России образовательных учреждений университетского типа предпринимались еще в конце XVI века, когда во время своего царствования Борис Годунов произвел попытку создания университета в Москве, не увенчавшуюся успехом.

В 1685 году в Москве создается Славяно-греко-латинская академия, которая считается первым высшим образовательным учреждением в России, задуманная еще царем Федором Алексеевичем. Историки обращают внимание на первоначальный нормативный акт, заложивший основы университетского образования, известный как Жалованная грамота 1682 года [1, с. 80; 2, с. 60-68]. Данный акт содержал положения о привилегиях, дарованных Славяно-греко-латинской академии, не существовавшей еще на тот момент. Основу Жалованной грамоты 1682 года составила так называемая «Академическая привилегия» («Привилегия на Академию»), подготовленная Симеоном Полоцким, белорусским просветителем и учителем детей царя Алексея Михайловича. По мнению И.В. Киселева, дан-

ный документ следует считать первым законодательно-правовым актом, который регулировал деятельность учреждения высшего образования [3, с. 44-45].

Обучение в академии объявлялось всесословным и предоставлялось «всякого чина и сана, и возраста людям», что сказалось на разношерстном составе обучающихся в дальнейшем и потребовало введения социальных гарантий: появляются стипендии и пенсионное обеспечение [4, с. 110].

Организация Славяно-греко-латинской академии в начале XVIII в. стала важнейшим этапом в области развития высшего образования в России.

В исторической науке учреждения Славяно-греко-латинской академии является довольно дискуссионным вопросом, в рамках которого среди ученых не достигнуто единого понимания относительно момента создания и нормативного закрепления правового статуса академии. Отдельные авторы указывают на то, что именно данное учреждение следует квалифицировать как первый русский университет [3, с. 44-45], в то время как другие обращают внимание на нестыковки по целому ряду правовых аспектов, что скорее относит его к лишь к прообразу зарождающегося высшего образования в России [5, с. 29].

Особое значение для развития отечественного правового регулирования системы высшего образования привнес принятый 28 января (8 февраля — по григорианскому календарю) 1724 года Указ об учреждении Академии наук с Санкт-Петербургским университетом и гимназией, с которым в источниках традиционно связывают начало истории российского высшего образовании [6, с. 84]. Благодаря данному законодательному акту были заложены правовые основы образа учреждений высшего образования, поскольку академия и университет становятся основными институциональными формами учреждений, в которых осуществлялось деятельность в сфере высшего образования. Правовое положение университета и академии было не тождественным, несмотря на их взаимосвязанность. Если университет специализировался на обучении студентов, то академия представляла собой государственную структуру, в рамках которой велась исключительно научно-исследовательская деятельность, а её члены принимались на государственную службу с соответствующим материальным обеспечением за счет бюджетного финансирования. Г.И. Смагина подчеркивает, что организационная модель Петербургской Академии наук являлась синтезом европейского опыта начала XVIII века [7, с. 10].

В генезисе отечественного высшего образования выделяется еще одно значимое событие, когда 12 января (25 января — по новому стилю) 1755 года Указом императрицы Елизаветы Петровны был основан Московский университет.

Первоначально Московский университет предусматривал открытие трех факультетов: медицинского, философского и юридического. Проект является подтверждением сложившегося утилитарного подхода к высшему образованию, признававшего образовательную деятельность исключительно светским институтом. В отличие от западноевропейских университетов, обучение богословию в новом учебном заведении не предусматривалось.

В проекте об учреждении Московского университета было уделено внимание и некоторым гарантиям прав студентов, в частности пункт 24 Проекта определил установить иммунитет от судебного преследования студентов, «ежели приличатся в каких-либо непорядочных поступках» [8, с. 442]. Разрешение вопроса о привлечении к ответственности таких обучающихся было отнесено в ведение директора, который исходя из степени вины должен определить меру ответственности в виде наложения штрафа, а в крайнем случае сам может передать дело на рассмотрение суда. В Проекте сохранены положения о материальном обеспечении студентов и выплате им жалования.

Следующий этап развития законодательства о высшем образовании в России связан с именем императрицы Екатерины II, которая под влиянием просветительских идей укрепила авторитет науки и высшего образования. В результате реформаторской политики Просвещенного абсолютизма высшее образование становится более доступным. Благодаря масштабным преобразованиям начального и профессионального образования, созданию обширной сети школ и училищ повсеместно распространяется грамотность и количественно увеличивается число желающих обучаться в университетах, что оказало благотворное воздействие на качественную составляющую самого обучения и способствовало формированию класса высокообразованных ученых.

Для этих целей 7 ноября 1775 года Екатериной II был принят Указ «Об учреждении для управления Губерний Всероссийской империи» [9], который нормативно оформил преобразования в системе государственного устройства, закрепив за приказом общественного призрения школьное и училищное образование.

В первой половине XIX в. – начале XX в. закладываются основы российского конституционализма. В начале XIX в. открывается сразу шесть новых университетов: Виленский (1803 г.), Казанский (1804 г.), Дерптский (1802 г.), Харьковский (1805 г.), Петербургский педагогический (1802 г.) и Киевский (1834 г.). Правовое регулирование их деятельности становится

возможным посредством принятого в 1804 году Александром I нормативного акта, получившего наименование «Общий университетский устав» [10]. Университетская автономия получила воплощение в предоставлении возможности университетам разрешать вопросы, связанные с их деятельностью на Собрании, состав которого обновлялся ежегодно и традиционно включал университетскую профессуру.

На смену Общему университетскому уставу 1804 года приходит новый университетский устав 1835 года, который значительно отличается от предыдущего установлением серьезных ограничений самостоятельности высших образовательных заведений [11]. С одной стороны, Устав 1835 года лишает университеты некоторых привилегий, а с другой – декларирует привилегированный характер обучения, предоставив доступ к высшему образованию лишь дворянству и высшему чиновничеству.

Общий Устав Императорских Российских Университетов от 18 июня 1863 года коренным образом меняет статусный облик российского высшего учебного заведения, возвращая им некоторую автономию и освобождая от правительственной опеки [12]. В ведение университетов переданы внутренние вопросы, в том числе избрание профессорского состава, подготовка учебных планов, создание научных обществ, регулирование хозяйственной деятельности учебных заведений. Положительно следует оценить введение в текст Устава главы VIII «Об учащихся», где были закреплены особенности приема в университет, сроки обучения, поощрительные меры, установлены обязанности студентов и размер платы за обучение.

Существовавший ранее запрет на прием в высшие учебные заведения лиц, не имевших гимназического образования, был отменен.

Университетский устав, утвержденный императором Александром III 23 августа 1884 года, продолжил развивать политику государственного регулирования образовательной деятельности, наделив университеты статусом государственного учреждения [13]. Автономия университетов вновь значительно урезается путем делегирования существенной части полномочий в ведение Министерства народного просвещения и в компетенцию назначенного попечителя.

В послереволюционный этап право на получение высшего образования являлось продолжением идеологической политики советского государства.

Советский период характеризуется резкой трансформацией системы образования в целом и встраиванием звена высшего образования в общую систему государственного регулирования образовательной деятельности.

В первой Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. [14] право на получение высшего образования не нашло своего закрепления.

Конституция РСФСР, утвержденная Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов 11 мая 1925 года [15], фактически явилась переработкой Конституции 1918 года в связи с созданием СССР и необходимостью приведения в соответствие с этим событием всей нормативно-правовой базы. Но при этом в статье 8 Конституции РСФСР 1925 года декларировалось право доступа трудящихся к знаниям, реализуемое посредством бесплатного полного и всестороннего образования. Упоминаний о высшем образовании не появилось.

Особый вклад в конституционное гарантирование права на высшее образование внесла Конституция РСФСР, утвержденная Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года, которая в статье 125, наконец, упоминает и ступень высшего образования [16].

В законодательном положении установлена и обязательность начального образования, и создание комплекса экономических и социальных условий для реализации права на образование. Во-первых, в конституционном акте принцип бесплатности распространился и на уровень высшего образования, что разрешило возникавшие ранее противоречия, во-вторых, была установлена система государственных стипендий учащимся в высших учебных заведениях.

В пределах советского периода развитие конституционного права на высшее образование проходило этап «развитого социализма», преобразуя конституционные гарантии согласно положениям Конституции Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), принятой Верховным Советом СССР 07 октября 1977 года [17].

Непосредственно праву на образование, в том числе высшего, посвящена статья 45 Конституции СССР 1977 г., где сохранился важный принцип бесплатности всех видов образования и предоставления государственных стипендий и льгот студентам, которые были упомянуты в ранее действующих конституционных актах. Однако здесь отмечается акцентирование законодателя на необходимости обеспечить связь обучения с жизнью, с производством посредством развития заочного и вечернего образования, а также профессионально-технического, среднего специального и высшего образования.

Анализ конституционных актов, принятых в советский период, позволил выделить общую идеологическую составляющую, которая играла фундаментальную роль при строительстве отечественной государственности и нашла отображение в конституировании права на высшее образование.

Рассмотрев процессы становления и развития права на высшее образование в советский период Российского государства, есть основания акцентировать высокую общественную значимость данного института, эволюция которого была обусловлена совокупностью объективных факторов, выраженных в изменении государственного строя, а также динамическими трансформациями в политической и социально-экономической сферах.

Список источников

1. Попов Л.В., Розов Н.Х. К юбилею Славяно-греко-латинской Академии // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2010. №4. С. 76-86.
2. Возчиков В. А. Оплот русской духовности, или почему создание эллино-греческой Академии стало в России государевым делом // Историко-педагогический журнал. 2011. №1. С. 60-68.
3. Киселев И.В. Правовой акт «Привилегия на Академию» от 1682 года // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. №1 (88). С. 44-45.
4. Пятнов П.В. Образовательное пространство России: первые учебные заведения. Очерк о формировании образовательного пространства России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. №3. С. 107-116.
5. Ларионов А.А. «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской Академии (XVIII - начало XIX В.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. №3. С. 27-39.
6. Аврус А.И. История Российских университетов. М.: Московский научный фонд, 2001. 85 с.
7. Смагина Г.И. Организационная модель Петербургской Академии наук как синтез Европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2017. №3 (33). С. 9-21.
8. *История Московского университета: вторая половина XVIII – начало XIX в. Сборник документов. Т. 1. 1754–1755 / сост. Д.Н. Костышин. 2006. С. 441-453.*
9. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. XVIII (1804-1805). СПб.: в тип. II Отделения собст. Е. И. В. Концелярии, 1830; Университетский устав 5 ноября 1804 года // Соловьёв И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб., 1914. С. 23-36.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 20. СПб., 1830. С. 229-287.
11. Общий Устав Императорских Российских Университетов: Высочайше утвержденный, 1835, Июля 26 // Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е. Т.10: 1835. Отд-ние 1: № 7717-8356. СПб., 1836. Ст. 8337.
12. Общий Устав Императорских Российских Университетов: Высочайше утвержденный, 1863, Июня 18 // Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е. Т.38: 1835. Отд-ние 1: № 39117-40024. СПб., 1866. Ст. 39752.
13. Общий Устав Императорских Российских Университетов: Высочайше утвержденный, 1884, Августа 23 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 4. СПб., 1887. № 2404. С. 456-474.
14. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
15. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. // В кн.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997. С. 184-199.
16. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята 5 декабря 1936 года // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.
17. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07 октября 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

References

1. Popov L.V., Rozov N.H. To the anniversary of the Slavic-Greek-Latin Academy. *Bulletin of the Moscow University. Episode 20. Pedagogical education*. 2010. No.4. pp. 76-86. (In Russ.)
2. Vozchikov V. A. The stronghold of Russian spirituality, or why the creation of the Hellenic-Greek Academy became a sovereign affair in Russia. *Historical and Pedagogical Journal*. 2011. No. 1. pp. 60-68. (In Russ.)
3. Kiselyov I.V. The Legal act "Privilege to the Academy" of 1682. *Universum: economics and Jurisprudence.* 2022. No. 1 (88). pp. 44-45. (In Russ.)

4. Pyatnov P.V. The educational space of Russia: the first educational institutions. An essay on the formation of the educational space of Russia. *Modern problems of service and tourism*. 2012. No.3. pp. 107-116. (In Russ.)
5. Larionov A.A. "University autonomy" in the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy (XVIII - early XIX Century). *Bulletin of the Moscow University. Episode 8. History*. 2010. No. 3. pp. 27-39. (In Russ.)
6. Avrus A.I. History of Russian universities. Moscow: Moscow Scientific Foundation, 2001. 85 p. (In Russ.)
7. Smagina G.I. The organizational model of the St. Petersburg Academy of Sciences as a synthesis of the European experience of the beginning of the XVIII century in Russian conditions. *Problems of the activity of a scientist and research teams.* 2017. No.3 (33). pp. 9-21. (In Russ.)
8. History of Moscow University: the second half of the XVIII – the beginning of the XIX century. Collection of documents. vol. 1. 1754-1755 / comp. D.N. Kostyshin. 2006. pp. 441-453. (In Russ.)
9. The complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. XVIII (1804-1805). St. Petersburg: in type. II Department of the Office of the E. I. V. Chancellery, 1830; University Charter on November 5, 1804 // Solovyov I. M. Russian universities in their charters and memoirs of contemporaries. Issue one: Universities before the era of the sixties. St. Petersburg, 1914. pp. 23-36. (In Russ.)
10. The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. pp. 229-287. (In Russ.)
11. The General Charter of the Imperial Russian Universities: Highly approved, 1835, July 26 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: collection 2-E. T.10: 1835. Issue 1: No. 7717-8356. St. Petersburg, 1836. Art. 8337. (In Russ.)
12. General Statute of Imperial Russian Universities: Most Highly approved, 1863, June 18 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire: collection 2-E. T.38: 1835. Issue 1: No. 39117-40024. St. Petersburg, 1866. Art. 39752. (In Russ.)
13. The General Statute of Imperial Russian Universities: Most Highly approved, 1884, August 23 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 4. St. Petersburg, 1887. No. 2404. pp. 456-474. (In Russ.)
14. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918. *Collection of laws of the RSFSR*. 1925. No. 30. Art. 218. (In Russ.)
15. The Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics of January 31, 1924 // In the book: A textbook on the history of the national state and law. 1917-1991, Moscow: Zertsalo, 1997. pp. 184-199. (In Russ.)
16. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Adopted on December 5, 1936 // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the Central Executive Committee. 1936. No. 283. December 6. (In Russ.)
17. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 07, 1977). *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR.* 1977. No. 41. Art. 617. (In Russ.)

Информация об авторе

Т.А. Гаврилина – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

T.A. Gavrilina – Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 342

Экологическое право и права человека:
взаимосвязь и гармонизация

© Казанцева О.Г., Шахов Н. И., Киселева В.И., 2024

Казанцева Ольга Геннадьевна[1], Шахов Николай Иванович[2], Киселева Владислава Ивановна[3]
[1] Донской государственный технический университет; Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. kazantseva10@mail.ru
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия. ganish1967@gmail.com
[3] Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия. vlada_kiseleva18@mail.ru

Аннотация. Авторами анализируется проблема взаимосвязи и гармонизации экологического права и прав человека. Также в статье рассмотрены вопросы экологии и права, формирующие проблему экологического правосознания и обозначающие взаимосвязь с гармонизацией между экологическими и правовыми аспектами. В статье приводятся проблемы, выносимые на первостепенный уровень для гармонизации с окружающей средой.

Ключевые слова: экология, право, экологическое право, правовое сознание, экологические правоотношения, права человека, гармонизация, взаимосвязь, баланс, федеральный закон

Для цитирования: Казанцева О.Г., Шахов Н. И., Киселева В.И. Экологическое право и права человека: взаимосвязь и гармонизация // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.53-56

Original article

Environmental law and human rights:
interrelation and harmonization

© Kazantseva O.G., Shakhov N. I., Kiseleva V.I., 2024

Kazantseva Olga G.[1], Shakhov Nikolay I.[2], Kiseleva Vladislava I.[3]
[1] Don State Technical University; Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. kazantseva10@mail.ru
[2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. ganish1967@gmail.com
[3] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. vlada_kiseleva18@mail.ru

Abstract. The authors analyze the problem of interrelation and harmonization of environmental law and human rights. Also, the article considers the issues of ecology and law, forming the problem of environmental legal consciousness and designating the relationship with harmonization between environmental and legal aspects. The article presents the problems brought to the primary level for harmonization with the environment.

Keywords: ecology, law, environmental law, legal consciousness, environmental legal relations, human rights, harmonization, interconnection, balance, federal law

For citation: Kazantseva O.G., Shakhov N. I., Kiseleva V.I. Environmental law and human rights: interrelation and harmonization. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):53-56 (In Russ.)

Экологическое право берет свое начало от науки экологии, которая формулирует взаимоотношения между живыми организмами и окружающей средой. Экология изучает вопросы природы в общем плане, а права человека направлены персонально на граждан и диктуют определенные критерии относительно территориальных признаков.

На современном этапе развития общества экологическое право на самом деле тесно связано с правами человека, так как природные ресурсы отталкиваются от фактора их рационального человеческого использования, а жизни многих редких животных напрямую зависят от наличия запретов на отстрел или продажу таких экземпляров.

Анализируя взаимосвязанные процессы между экологией и человечеством, можно прийти к неутешительному выводу: уровень экологических происшествий напрямую зависит от того, как чело-

век распоряжается своим правом, например, на вырубку леса или транспортировку опасных веществ вплавь с риском утечки данных химикатов.

Воздействие человека на окружающую среду постоянно растет, а мероприятий по предотвращению загрязнения и убийства редких животных применяется ничтожно мало. Человек является потребителем, а не создателем, поэтому на конец 2023 года с лица Земли окончательно исчезло несколько видов растений и животных. Таким образом, проблемы экологии в современности выступают на первом месте.

Связь экологического права с правами человека характеризуется конституционным контролем ресурсов и человеческой деятельности на определенных природных участках. Благодаря анализу экологических процессов, прогнозированию и моделированию развития научные деятели призывают развитое общество к недопущению экологического кризиса.

Человек начинает понимать, что только от него зависит состояние окружающей среды, а экологический кризис угрожает не только разрушением природы, но и крахом культуры, сформировавшейся в рамках техногенной цивилизации [1]. Из данного фактора вытекает кризис личности, ценностей, а индивидуальные интересы ставятся превыше экологического баланса.

Правовое общество - это обособившаяся часть существующего материального мира, которая представляет из себя исторически развитую и устойчивую систему человеческого существования в характерных рамках. Даже современный человек продолжает быть зависимым от природы и продуктов ее фактического производства, так как физиологические потребности общества определяются биологическими отношениями, которые влияют на каждого человека индивидуально.

Соблюдать гармонию между потреблением от природы и отдачей необходимо не только на уровне законных оснований, запрещающих разжигать лесные пожары или оставлять мусор в лесу. Человек также должен понимать, что его деятельность оказывает влияние на экологию - добыча природных ресурсов, переработка химикатов, производство сырья.

Уместно в данном случае вспомнить о духовном производстве как тонкой нити, связующей экологическое право на сохранность определенных ресурсов и человеческое право на использование этих ресурсов. Духовное производство - это одна из разновидностей общественного производства, которая диктует нормы, не прописанные на законном уровне [2].

Материалистическая диалектика выделяет подвид духовного производства, называя его социокультурной жизнью, когда социум или определенные группы лиц добровольно обязуются соблюдать баланс между человеческими потребностями и природными ресурсами, а также призывают к этому остальных. Об этом было написано еще Ф. Энгельсом: «Производство и воспроизводство непосредственной жизни, а также поддержание её баланса, является определяющим моментом в истории развитого социокультурного общества, но производство обыденных нам вещей (таких как одежда, например) и производство новой человеческой жизни взаимосвязано друг с другом» [3].

Возникшая проблема экологического кризиса характерна для современного развивающегося и быстро воспроизводящегося общества, ни природа, ни социум не готовы к решению возникших проблем, которые возникают из-за практически неограниченного пользования окружающей средой. Но экологическую культуру человека, настроенную на бережное отношение к природе, можно и нужно развивать всё тем же законным уровнем с предписанием о недопущении использования тех или иных редких ресурсов.

Современные юристы также заинтересованы в решении установившейся проблемы. Чтобы обеспечить гармонизацию с окружающей средой, необходимо удовлетворять потребности современного поколения, но с большим взглядом на несколько десятилетий вперед для того, чтобы у будущего человечества была возможность пользоваться теми же ресурсами без проблем.

Основа устойчивого развития - гармонизация между правом человека на использование природных ресурсов и самой экологической обстановкой.

Следует отметить, что проблема восстановления гармонизации является не только предметом общественной дискуссии, но и целой междисциплинарной науки, так называемой «экологии человека», основы которой были заложены в Советском Союзе еще в начале 80-х годов прошлого века.

Что может обеспечить подобную гармонизацию? Для ответа на вопрос следует обратиться к близкой сфере научного и практического знания – к юриспруденции. В сфере права существуют понятия публичного и частного интереса: частный интерес направлен к удовлетворению потребностей одного человека, публичный – потребностей всего общества. При этом эти интересы находятся в прочной связи, обусловливают друг друга [4]. Например, право частной собственности, воплощающее в себе частный интерес во владении и использовании имущества, обеспечено публичным интересом в создании системы защиты этого права через гражданский, административный и уголовный закон. В то же время публичный интерес в финансировании наиболее значимых сфер жизни общества обеспечивается налогами, которые каждый член общества платит, в том числе и по итогам использования своей собственности. Перекос в сторону частного или публичного интереса влечет разрушение системы

отношений, препятствует устойчивому развитию. Существует предположение, что именно категория «интереса» и является тем элементом, который выступает одновременно и в качестве критерия оценки уровня рассматриваемой нами гармонизации, и «строительным материалом» такой гармонизации.

Интегрированное управление природными ресурсами – такая система отношений, каждая часть которой является логическим дополнением и составной частью всех иных составных частей данной системы [5]. Так, частный сегмент обеспечивает использование природного ресурса, научный сегмент – определяет правила такого использования, обеспечивающие сохранение окружающей среды, а публичный (государственный) сегмент контролирует данную деятельность, с одной стороны, легализуя вырабатываемые правила, с другой – обеспечивая их соблюдение всеми участниками возникающих при этом отношений. В практическом плане речь идет о системном взаимодействии крупных частных предприятий, учреждений науки и органов государственной власти, а правила такого взаимодействия закрепляются в нормативных правовых актах различного уровня, а иногда и в нормах международного публичного права [6].

Интеграция происходит не только на уровне взаимодействия указанных сегментов, но и на уровне отдельных механизмов, применяемых взаимодействующими в системе субъектами. В этом смысле наиболее показательным является механизм государственно-частного партнерства – пример интеграции частного и публичного интереса [7]. Этот механизм, наверное, – лучший вариант решения различных социально значимых задач в условиях недостаточности государственных ресурсов и наличия субъектов, готовых принять участие в реализации данных проектов. Однако этот механизм одновременно и самое уязвимое место всей системы управления: здесь очень легко допустить разбалансировку публичных и частных интересов, превратив проект в источник обогащения частного субъекта [8].

Подводя итог охарактеризованной ранее проблеме, целесообразно сделать следующие выводы.

Во-первых, в современном мире действительно социальные и экономические ценности вытесняют едва ли не все остальные. Зависит подобное явление от множества факторов - уместно напомнить и нравственное воспитание, и слабое влияние закона.

Во-вторых, гармония между экологическим и человеческим правом допустима в случае, когда развитое общество не только понимает возникшую проблему, но и принимает все возможные пути ее решения. Таким образом появляются особые организации, направленные на сохранение окружающей среды, и они спонсируются на законном уровне.

В-третьих, совокупность норм и взглядов общества на природу как на экологический показатель, определяющий жизнь самого социума, значительно продвинет рациональное регулирование вопросов о правильном использовании природных ресурсов.

Список источников

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ.
2. Указ Президента РФ от 30.04.2012 «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» // URL: http://base.garant.ru/70169264/#ixzz 3XmNEgWsl
3. Габидуллин И.Ф. Экологическое правосознание и образование как одна из основ гражданского общества // Вестник Башкирского университета. 2013. Т.18. №4. С.1283-1286.
4. Игнатова В. А. Экология и культура: на пути к интеграции. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 262 с.
5. Кривошеева Е. С. На пути к экологическому сознанию // Вестник Красноярского государственного университета. 2010. №1. С.177.
6. Панов В. И. Введение в психологию экологического сознания. М.: Логос, 2001. 384 с.
7. Щепеткина И.В. Экология, право и культура: на пути к интеграции // Эко-потенциал. 2014. №2(6).
8. Яковлев В. Н. Экология, общество, культура, право // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та. 2011. №2. С.69-74.

References

1. Federal Law "On Environmental Protection" dated 10.01.2002 No. 7-FZ. (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation from 30.04.2012 "Fundamentals of state policy in the field of ecological development of Russia for the period up to 2030". URL: http://base.garant.ru/
3. Gabidullin I. F. Environmental awareness and education as one of the foundations of civil society. *Vestnik of Bashkir University*. 2013. V.18. No4:1283-1286. (In Russ.)
4. Ignatova V.A. Ecology and culture: on the way to integration. Tyumen: Vector Book, 2004. 262 p. (In Russ.)
5. Krivosheeva E. S. On the way to ecological consciousness. *Bulletin of Krasnoyarsk State University*. 2010. No1:177. (In Russ.)
6. Panov V. I. Introduction to the psychology of ecological consciousness. Moscow: Logos, 2001. 384 p. (In Russ.)
7. Shchepetkina I.V. Ecology, law and culture: on the way to integration. *Eco-potential*. 2014. No2(6)

8. Yakovlev V. N. Ecology, society, culture, law. *Vestnik of Udmurt University. Economics and Law*. Izhevsk. 2011. No2:69-74. (In Russ.)

Информация об авторах
Казанцева О. Г. – кандидат юридических наук, доцент
Шахов Н. И. – кандидат юридических наук
Киселева В.И. – обучающаяся

Information about the authors
Kazantseva O.G. - Candidate of Law, Associate Professor
Shakhov N. I. – Candidate of Law
Kiseleva V. I. - Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 34.347

Применение в арбитражном процессе предварительных обеспечительных мер с учетом положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15

© Т. Ю. Кулик, 2024

Татьяна Юрьевна Кулик
Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия. rostnev@bk.ru

Аннотация. В последние годы Верховный Суд РФ существенно обновил судебную практику, которая сформировалась в арбитражном процессе под руководством Высшего Арбитражного Суда РФ. Объективная необходимость в этом была давно, т.к. общественные отношения не стоят на месте и требуют уточнения токования отдельных норм с учетом новых реалий. Институт обеспечительных мер оставался без внимания достаточно долгое время. Однако в последние годы законодатель уточнил правовое регулирование этого института, подчеркнув в очередной раз его актуальность для достижения целей судебной защиты. Принимая во внимание значение этого процессуального института, Верховный Суд РФ 1 июня 2023 года выпустил новое Постановление, в котором не только отразил уже имеющуюся судебную практику, но и закрепил ряд положений, ранее в АПК РФ напрямую не урегулированных. В статье предпринята попытка анализа некоторых их них.

Ключевые слова: арбитражный суд; арбитражный процесс; обеспечительные меры; предварительные обеспечительные меры; меры предварительной защиты

Для цитирования: Кулик Т.Ю. Применение в арбитражном процессе предварительных обеспечительных мер с учетом положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.56-60

Original article

Application of preliminary interim measures in the commercial court process, taking into account the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.01.2023 No. 15

Tatyana Yu. Kulik
South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. rostnev@bk.ru

Abstract. In recent years, the Supreme Court of the Russian Federation has significantly updated judicial practice, which was formed in the commercial court process under the leadership of the Supreme Commercial Court Court of the Russian Federation. There has been an objective need for this for a long time, because social relations do not stand still and require clarification of the interpretation of individual norms, taking into account new realities. The institution of interim measures remained without attention for quite a long time. However, in recent years, the legislator has clarified the legal regulation of this institution, once again emphasizing its relevance for achieving the goals of judicial protection. Taking into account the importance of this procedural institution, the Supreme Court of the Russian Federation issued a new Resolution on June 1, 2023, which not only reflected the existing judicial practice, but also established a number of provisions that were not previously directly regulated in the Commercial Court Procedure Code of the Russian Federation. The article attempts to analyze some of them.

Keywords: commercial court; commercial court process; interim measures; preliminary interim measures; preliminary protection measures

For citation: Kulik T.Yu. Application of preliminary interim measures in the commercial court process, taking into account the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.01.2023 No.15. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):56-60 (In Russ.)

Судебная система, которая в настоящее время достаточно стабильно функционирует в Российской Федерации, построена не только с учетом потребностей субъектов права в защите своих прав и законных интересов, но и с учетом сложившихся за долгие годы ее функционирования доктринальных положений, которые обеспечивают не только оперативное рассмотрение возникших споров, но максимальную защиту интересов спорящих уже на момент рассмотрения дела. В процессуальных кодексах предусмотрен целый ряд институтов, которые позволяют и сохранить status quo имущественного положения сторон на момент рассмотрения дела, предотвратив злоупотребления со стороны недобросовестных лиц, и обеспечить исполнение принятого судебного акта, вступившего в законную силу. Главная роль в этом принадлежит институту обеспечительных мер, которые получили закрепление в процессуальных кодексах достаточно давно, а в 2023 году Верховный Суд РФ закрепил ряд интересных норм, которые могут послужить новым витком развития данного института.

Следует отметить, что обеспечительные меры, преследуя цель предотвратить потенциальный ущерб, которые заявитель может понести в спорном правоотношении, в т.ч. и при наступившей невозможности исполнить принятое судом решение, косвенно обеспечивают устойчивое функционирование всего механизма судебной защиты. Другими словами, интересы лица, который обратился за судебной защитой, не должны пострадать в случае недобросовестных действий его должника после того, как суд примет решение. Как показывают данные судебной статистики, обеспечительные меры достаточно востребованы в арбитражном процессе, хотя и процент ходатайств о применении предварительных обеспечительных мер невелик (Таблицы 1 и 2) [1].

Таблица 1. Анализ поданных и рассмотренных арбитражными судами заявлений о применении мер по обеспечению иска

Об обеспечении иска	**2020**	**2021**	**2022**	**1 полугодие 2023**
Рассмотрено заявлений	33010	33870	34672	17045
Признано обоснованными	9425	10127	10416	5131

Таблица 2. Анализ поданных и рассмотренных арбитражными судами заявлений об обеспечении имущественных интересов (предварительных мер)

Об обеспечении имущественных интересов (предварительные меры)	**2020**	**2021**	**2022**	**1 полугодие 2023**
Рассмотрено заявлений	544	482	490	237
Признано обоснованными	161	137	130	71

Пленум Верховного Суда РФ 01.06.2023 принял Постановление № 15 (далее - Постановление № 15) [2], в котором уточнил порядок применения обеспечительных мер в некоторых процессуальных отраслях, а именно в гражданском, арбитражном процессах и административном судопроизводстве. В связи с этим признано утратившим силу ранее действующее постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 "О применении арбитражными судами обеспечительных мер".

Законодатель признает, что обеспечительные меры, скорее, экстраординарный случай вмешательства в нормальную деятельность должника, закрепляя их срочный, но временный характер. Но даже их ограниченность во времени не означает, что суды формально подходят к оценке доводов, которые приводит лицо, просящее применить обеспечительные меры. Хотя в пункте 15 указанного Постановления № 15 Верховный Суд РФ предусматривает, что заявителю достаточно обосновать наличие возможности наступления неблагоприятных для заявителя последствий. Более того, от заявителя не требуется предоставление того же объема доказательств, которые подтверждают предмет заявленного требования. Тем не менее, предоставленные заявителем доказательства должны подтверждать условия, которые необходимы для принятия обеспечительных мер. Без доказательств, которые будут необходимы и достаточны для решения вопроса о применении обеспечительных мер, в их применении будет отказано. Так, при отсутствии доказательств, подтверждающих возможность неисполнения принятого судебного акта, арбитражные суды отказали в применении обеспечительных мер заявителю, ссылающемуся на то, что его контрагенты имеют местонахождения в недружественной стране [3; 4].

В то же время, например, прекращение деятельности иностранного контрагента, находящегося в недружественной стране, на территории Российской Федерации может послужить основанием для того, что суды могут принять в отношении его имущества обеспечительные меры [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что четко установленных критериев применения обеспечительных мер процессуальные кодексы не содержат. Однако сформировавшаяся за долгое время судебная практика свидетельствует о том, что суды проверяют весомость аргументов, прежде чем выносить определение о применении обеспечительных мер.

Среди наиболее важных вопросов, которые Верховный Суд РФ отразил в своем Постановлении № 53, является распространение возможности применения предварительных обеспечительных мер к неимущественным требованиям.

Статья 99 АПК РФ в части 1 предусматривает, что гражданин или организация вправе ходатайствовать о применении предварительных обеспечительных мер в отношении имущественных требований. Следовательно, законодателем прямо исключено применение предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе к неимущественным требованиям.

Можно указать как минимум две причины, которые обосновывают логичность такого вывода. Во-первых, предварительные обеспечительные меры применяются по инициативе заявителя до подачи им искового заявления. Следовательно, судья не может дать однозначную оценку объему требований и обеспечить соразмерность таких мер, что является обязательным условием их применения (ч. 2 ст. 91 АПК РФ). И если применительно к имущественным требованиям судья видит хотя бы предмет спора и его примерную оценку, то применительно к требованиям неимущественным обеспечить соразмерность может быть сложнее. Во-вторых, ст. 94 АПК РФ предусматривает, что от обратившегося за применением обеспечительных мер лица арбитражный суд может потребовать встречное обеспечение. Причем в случае применения предварительных обеспечительных мер такое встречное обеспечение должно быть предоставлено в размере указанной в заявлении суммы обеспечения имущественных интересов (ч. 4 ст. 99 АПК РФ). Исключение законодатель предусмотрел только для Банка России. Он вправе просить о применении предварительных обеспечительных мер без предоставления встречного обеспечения.

Причем до тех пор, пока заявитель не представит документ, который подтверждает произведенное встречное обеспечение, его заявление о применении предварительных обеспечительных мер арбитражный суд оставит без движения. Неимущественные требования потому так и называются, что не имеют заранее установленной денежной оценки. Поэтому требование о предоставлении встречного обеспечения в размере указанной в заявлении суммы обеспечения к неимущественным требованиям неприменимо. Подтверждение этому выводу можно найти и при анализе ст. 144.1 ГПК РФ, которая регулирует применение предварительных обеспечительных мер защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет.

Таким образом, практика знает случаи, когда предварительные обеспечительные меры применяются к неимущественным требованиям. Закрепляя такой способ защиты интересов в гражданском процессе, законодатель не устанавливает обязательное внесение встречного обеспечения и его размер. В то же время в ч. 9 ст. 114.1 ГПК РФ говорится о возможном возмещении причиненных предварительными обеспечительными мерами убытков по общим правилам (ст. 146 ГПК РФ). Ст. 146 ГПК РФ, которая эти общие правила и предусматривает предоставление обеспечения возможных для ответчи-

ка убытков. ГПК РФ не использует термин «встречное обеспечение», однако представляется, что в ст. 146 ГПК РФ речь идет как раз о нем, поскольку за счет такого обеспечения погашаются убытки, которые понесет ответчик в случае, если суд откажет истцу в удовлетворении иска.

Если обратиться к теории гражданского права, в рамках которого осуществляется защита авторских прав, то можно увидеть, что авторские права можно подразделить на две группы: исключительное право (которое носит имущественный характер) и личные неимущественные права (такие как право на имя, право авторства и др.). Следовательно, в рамках защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности личные неимущественные права автора тесно связаны с имущественными правами, которые возникают у него в отношении созданного им результата интеллектуальной деятельности. Поэтому в их отношении допускается примерная оценка причиненного ущерба. Возможно, именно поэтому законодатель и допустил, во-первых, возможность применения в этом случае предварительных обеспечительных мер, во-вторых, возможность возмещения причиненных такими мерами убытков по общим правилам ст. 146 ГПК РФ.

Пункт 41 Постановления № 53 приводит пример предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе - приостановление действия решения органа публичной власти. Кроме того, Верховный Суд РФ специально подчеркивает, что в арбитражном процессе применение предварительных обеспечительных мер не исключено и по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Однако в КАС РФ, в главе 7, регулирующей применение мер предварительной защиты, возможность применения таких мер до подачи административного искового заявления не предусмотрена. Действительно, в КАС РФ законодатель, принимая во внимание характер дел, рассматриваемых по правилам административного судопроизводства, не стал использовать распространенный в доктрине гражданского и арбитражного процессуального права термин «обеспечительные меры». Глава 7 КАС РФ, как уже было сказано, регулирует меры предварительной защиты. Только в данном случае они предваряют не подачу административного искового заявления, а принятие решения по административному иску. Так, ст. 86 КАС РФ закрепляет положение о том, что заявление о применении мер предварительной защиты может быть подано либо одновременно с подачей административного искового заявления (в т.ч. путем изложения соответствующего ходатайства в самом тексте административного искового заявления), либо до принятия решения или другого судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, либо до вступление его в законную силу. Следовательно, в рамках административного судопроизводства никаких мер, которые могут быть применены до обращения в суд с административным исковым заявлением, законодатель не указывает. Тем самым, участники арбитражного процесса и административного судопроизводства поставлены в неравное положение, что требует, как минимум, уточнения условий применения предварительных обеспечительных мер в делах, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений.

Таким образом, Верховный Суд РФ в Постановлении № 53, закрепив возможность применения в арбитражном процессе предварительных обеспечительных мер к неимущественным требованиям, ввел, по сути, новое правило, которое до сих пор в АПК РФ отражения не находило. Тем самым Верховный Суд РФ поставил несколько вопросов, которые в связи с этим требуют разрешения для того, чтобы цели обеспечительных мер в арбитражном процессе были достигнуты. Так, требуется уточнение правил ст. 99 АПК РФ относительно предоставления встречного обеспечения. Представляется, что для требований неимущественного характера это требование целесообразно исключить. Кроме того, представляется необходимой унификация АПК РФ и КАС РФ в части применения предварительных обеспечительных мер в делах, которые вытекают из публичных правоотношений. Если КАС РФ, принятие которого, собственно, было нацелено на регулирование этих правоотношений, никаких мер предварительной защиты до обращения в суд не предусматривает, непонятно, почему для арбитражного процесса Верховный Суд РФ решил сделать исключение. Принятие Постановления № 53, безусловно, явилось важной вехой обобщения судебной практики по гражданскому, арбитражному процессу и административному судопроизводству. Объективно потребность принятия нового постановления в этой сфере назрела давно, ведь ни в гражданском процессе, ни в административном судопроизводстве аналогичных постановлений, касающихся института обеспечительных мер и мер предварительной защиты, не принималось. Анализируемые в настоящей статье новеллы, которые закрепил Верховный Суд РФ, являются интересными с точки зрения практики и разрешают давно возникшие вопросы. Но их принятие все же требует уточнения соответствующих норм процессуальных кодексов, в первую очередь – АПК РФ, поскольку именно норме права дается приоритет в регулировании общественных отношений.

Список источников

1. Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. отчеты о деятельности арбитражных судов за 2020 – первое полугодие 2023 года // URL: http://cdep.ru/
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 "О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты" // Кон-

сультант Плюс. Раздел «Судебная практика»
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2022 № 09АП-73054/2022 по делу № А40-195438/2022 // Консультант Плюс. Раздел «Судебная практика»
4. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2022 по делу № А57-18749/2022 // Консультант Плюс. Раздел «Судебная практика»
5. Обзор судебной практики в связи с антикризисными мерами // Консультант Плюс

References

1. Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. reports on the activities of arbitration courts for 2020 - the first half of 2023. Access mode: http://cdep.ru/
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2023 No. 15 "On some issues of the courts taking measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures.". Access from the Legal Reference System "Consultant Plus". Section "Judicial Practice"
3. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated November 16, 2022 No. 09AP-73054/2022 in case No. A40-195438/2022. Access from the Legal Reference System "Consultant Plus". Section "Judicial Practice"
4. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated September 21, 2022 in case No. A57-18749/2022. Access from the Legal Reference System "Consultant Plus". Section "Judicial Practice"
5. Review of judicial practice in connection with anti-crisis measures // Consultant Plus

Информация об авторе

Кулик Т.Ю. – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Kulik T.Yu. - Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 342.61

Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации: теоретический поэлементный разбор

© М.Ю. Лицавкин, 2024

Максим Юрьевич Лицавкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. 1111583@bsu.edu.ru

Аннотация. В научной работе автор исследует конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации сквозь призму теоретических представлений, в связи с чем осуществлен обзор научной дискуссии по поводу отождествления и обособления понятий «правовой статус» и «правовое положение». На основании обзора сделан авторский вывод о взаимосвязанности данных понятий, каждое из которых имеет нюансы собственного содержания. С учетом этого осуществлен разбор конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации. В результате анализа были предложены элементы и сформулировано определение статуса Президента Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный статус, правовой статус, правовое положение личности, права, свободы, обязанности, ответственность, элементы правового статуса, статус Президента Российской Федерации

Для цитирования: Лицавкин М.Ю. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации: теоретический поэлементный разбор // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.61-66

Original article

The Constitutional-law status of the President of the Russian Federation: a theoretical element-by-element analysis

© M.Yu. Litsavkin, 2024

Maxim Yu. Litsavkin
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. 1111583@bsu.edu.ru

Abstract. In his scientific work, the author examines the constitutional-law status of the President of the Russian Federation through the prism of theoretical concepts, in connection with which a review of the scientific discussion on the identification and separation of the concepts of "legal status" and "legal status" is carried out. Based on the review, the author's conclusion is made about the interconnectedness of these concepts, each of which has nuances of its own content. With this in mind, the analysis of the constitutional-law status of the President of the Russian Federation is carried out. As a result of the analysis, the elements are proposed and the definition of the status of the President of the Russian Federation is formulated.

Keywords: constitutional status, legal status, legal status of a person, rights, freedoms, duties, responsibilities, elements of legal status, status of the President of the Russian Federation

For citation: Litsavkin M.Yu. The constitutional-law status of the President of the Russian Federation: a theoretical element-by-element analysis. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):61-66 (In Russ)

Предваряя рассмотрение конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации, принципиальные позиции которого концентрированно представлены в специальной главе четвертой Конституции нашей страны, необходимо обратить внимание на этимологическое и доктринальное значение понятий «статус», «правовой статус». Проанализировав словарные источники, отметим, все они ссылаются на латинские происхождение слова статус (status), в переводе обозначающие «положение» или «состояние». Смысловое содержание словарями определяется в качестве правового положения [1], совокупности прав и обязанностей [2], определяющих положение лица в государстве [3].

Исходя из того, что словари определяют статус в качестве положения, отметим, что в юридической науке существует дискуссия по поводу отождествления и обособления понятий «правовой статус» и «правовое положение». Среди сторонников отождествления указанных понятий выступают такие ученые как А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.М. Корнуков, В.М. Корельский, Л.А. Нудненко, В.Д. Перевалов и т.д., основываясь на этимологии, они отмечали бессмысленность, искусственность попыток разграничения этих понятий.

Матузов Н.И., например, полагал, что нет ни «теоретической, ни практической необходимости в разграничении правового положения и статуса» [4, с. 52-53]. Совместно с А.В. Малько они подчеркивали «равнозначность данных понятий, поскольку в законах, международных и национальных нормативных правовых актах они не разграничиваются» [5, с. 91].

Богданова Н.А. рассматривала эти понятия как «близкие и практически совпадающие по содержанию» [6, с. 90].

Нудненко Л.А., основываясь на этимологии правового статуса и правового положения, приходит к выводу о том, что это «идентичные понятия, синонимы» [7, с. 25]. Аналогичный подход разделяют В.М. Корельский и В.Д. Перевалов [8, с. 549].

Корнуков В.М. считал, что «разделение понятий правовой статус и правовое положение личности приведет только к большему затруднению понимания данной темы» [9, с. 16].

Однако не мало число и тех правоведов, которые склоняются к противоположной точке зрения и разделяют эти понятия на основное и производное. Среди сторонников данного подхода: В. В. Бараненкова, С.В. Бутов, Н.В. Витрук, А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, Р. А. Загидулин, В. А. Кучинский, С.Г. Лысенков, В.А. Патюлин, В.Н. Протасов, Л. П. Рассказов, Т. А. Хмелевская.

Так, Н.В. Витрук, несмотря на идентичность этимологии, разделял понятия «правовое положение» и «правовой статус», обосновывая это тем, что «правовой статус занимает центральное место в структуре правового положения личности. Является ядром правового положения личности» [10, с. 12-13]. Следовательно, правовое положение личности выступает более широким понятием, включающим в себя правовой статус. Схожее мнение ранее высказывал В.А. Патюлин, также считая правовое положение личности широким и динамичным понятием, поскольку «оно охватывает помимо общих прав граждан их дополнительные права и обязанности, которые конкретная личность приобретает, вступая в различные правоотношения» [11, с. 228].

Протасов В.Н. «разделяет исследуемые понятия на исходную (правовой статус) и комплексную категорию (правовое положение)» [12, с. 181].

Загидулин Р. А. рассматривал правовое положение личности как «более объемное понятие, соотносил правовое положение и статус личности, как общее и частное, где последнее не может выходить за рамки первого» [13, с. 85].

Вишневский А. Ф. , Н. А. Горбаток и В. А. Кучинский «дифференцировали понятия по содержанию элементов (правовой статус включает в себя базовые права, свободы, обязанности, а правовое положение – гражданство, правосубъектность, ответственность)» [14, с. 221].

Бараненкова В. В. [15, с. 22], Л. П. Рассказов [16, с. 149], Т. А. Хмелевская [17, с. 7], напротив, полагают, что правовой статус занимает ролевую позицию, является более широким понятием по отношению к правовому положению личности.

Интересной, на наш взгляд, является позиция С.В. Бутова и С.Г. Лысенкова, которые отмечают, что «правовой статус является законодательно зафиксированным начальным уровнем развития правового положения и теоретически может существовать в отрыве от последнего, в то время как правовое положение лица невозможно без определения его правового статуса» [18, с. 10].

Стоит отметить, что даже среди сторонников разграничения понятий «правовой статус личности» и «правовое положение личности» единого мнения не сложилось. Одна группа ученых рассматривает понятие «правовой статус» как ядро правового положения личности, где первое выступает как более узкое понятие по отношению ко второму. Вторая группа ученых рассматривает правовой статус как более широкое понятие.

Мы же склоняемся к позиции, что понятия правовой статус и правовое положение личности стоит разделять, учитывая, что в доктрине конституционного права именно эта идея укоренилась. Игнорирование такой позиции действительно может привести к затруднению в понимании, путанице. Также мы склонны согласиться с мнением Д.В. Тихонова о том, что эта «дискуссия должна оставаться открытой в целях приращения и выработки конституционно-правовой науки» [19, с. 17].

При этом добавим, что правовой статус и правовое положение, безусловно, являются разными, но взаимосвязанными дефинициями. Между тем, правовой статус выступает в качестве основы правового положения, включает в себя набор базовых элементов (права и свободы, обязанности, ответственность). Также правовой статус может существовать в отрыве от последнего. Если говорить о правовом положении личности, то оно пополняет правовой статус личности набором элементов, однако не может существовать без правового статуса. Так, в Конституции Российской Федерации во второй главе «Права и свободы человека и гражданина» говорится, что «положения главы второй составляют основы правового статуса личности» (ст. 64). Думается, что конституционный текст говорит нам о базисе и предполагает последующую настройку.

В связи с заявленной темой работы отметим, что сферу нашего научного интереса составляет именно статус, точнее, конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации с учетом

структуры данного статуса. Это позволит уточнить элементный состав статуса и сформулировать понятие статуса Президента Российской Федерации.

В науке конституционного права под статусом «понимается теоретическая конструкция, соединяющая нормативные характеристики, теоретические представления и практику реализации правовых установлений» [20, с. 7]. Данное понятие применимо ко всем субъектам конституционно-правовых отношений, включая и Президента. Поддерживаем такой подход, поскольку нормативный и теоретический статус не должны существовать в отрыве от реального правового положения Президента, например, в системе органов публичной власти, поскольку именно Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в систему публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации). В данном случае считаем необходимым подчеркнуть единство системы публичной власти, имеющей, по мнению М.В. Мархгейм, внятные конституционные детерминанты единения [21].

В самом общем виде статус рассматривается с точки зрения совокупности входящих в него элементов. Необходимо добавить, что «структура статуса предполагает совокупность устойчивых связей между его элементами статуса, обеспечивающих ему целостность и тождественность» [22, с. 142].

При этом элементы, входящие в правовой статус, рассматриваются каждым автором по-разному. Особенно это касается элементов статуса государственных органов, поскольку по содержанию они не совпадают с элементами правового статуса личности.

Например, Н.В. Витрук к элементам правового статуса (депутата) относит «систему юридических прав, свобод, обязанностей и законных интересов» [23, с. 11].

Червонюк В.И., определяя статус органа государственной власти, в числе элементов выделяет «совокупность прав и обязанностей органа власти, характеризующие его правовое положение в системе разделения властей» [24, с. 345].

Нудненко Л.А., рассматривая конституционно-правовой статус депутата, в числе элементов выделяет: полномочия; гарантии, ответственность [7].

Считаем, что элементы, отмеченные выше, являются базовыми, однако требуют уточнения. Что касается законных интересов, то они предшествуют правам и обязанностям, при этом их законодательное закрепление не обязательно, поскольку содержательно интересы могут быть заложены в правах и обязанностях.

Безруков А.В. и В.В. Чугаев к элементам «правового статуса главы государства относят порядок наделения полномочиями (замещения должности), функции и вытекающие из них полномочия, правосубъектность, механизм реализации полномочий, порядок прекращения полномочий, порядок привлечения к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение полномочий» [25, с. 43].

В данном случае малопонятно, почему автор отдельно выделяет правосубъектность, поскольку данное понятие чаще всего используется в отраслях частного права. Если говорить о конституционно-правовых отношениях, то в таких отношениях правосубъектность выражается посредством полномочий, которые также приводятся в числе элементов. Относительно полномочий, думаем, что они выступают центральным элементом, в связи с чем авторы отдельно выделяют механизм реализации полномочий, порядок прекращения полномочий, ненадлежащие исполнение полномочий.

Нечкин А.В. среди элементов правового статуса Президента выделяет «конституционно-правовую характеристику; срок полномочий, порядок и условия наделения полномочиями; гарантии деятельности; компетенцию и порядок ее осуществления; ответственность и досрочное прекращение полномочий; взаимодействие с иными органами государственной власти» [26, с. 54].

Анализируя данный подход, отметим, что автор, перечисляя элементы правового статуса, во-первых, разделяет полномочия и компетенцию (выделяет отдельно), во-вторых, детализирует полномочия (срок полномочий, наделение полномочиями, досрочное прекращение полномочий), в-третьих, отдельно выделяет взаимодействие с иными органами государственной власти. Однако не совсем понятно, для чего выделять взаимодействие отдельно, ведь взаимодействие относится к полномочиям Президента.

Богданова Н.А. в структуре конституционно-правового статуса субъекта права выделает следующие элементы: «место в обществе и государстве, социально политическую роль и назначение; общую правоспособность; права и обязанности или компетенцию и ответственность; гарантии правового состояния субъектов конституционного права» [20, с. 14-16].

Данная характеристика, по нашему мнению, наиболее полно отражает правовой статус в целом. Однако возникают вопросы насчет отнесения к элементам правового статуса общей правоспособности, что мы отмечали ранее.

Колобаева Н.Е. к числу элементов конституционно-правового статуса президента относит: «ценностно-функциональное предназначение (принципиальное место субъекта в системе правоотношений, роль субъекта), закрепляемое общерегулятивными правовыми средствами; его конкретные правовые возможности и долженствования (права, обязанности, полномочия); ответственность субъ-

екта; гарантии надлежащего осуществления предназначения, возможностей, долженствований субъекта» [27, с. 23-24].

Предложенный подход наиболее близок к нашему представлению о совокупности элементов, наполняющих конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации.

В данном контексте считаем целесообразным ввести дополнительные элементы статуса Президента России, к ним отнесем: правовое положение главы государства в единой системе органов публичной власти; полномочия и формы их реализации; специальные гарантии; ответственность перед обществом и государством.

Правовое положение Президента Российской Федерации в единой системе органов публичной власти обусловлено конституционным закреплением.

Во-первых, конституционная глава о Президенте Российской Федерации занимает первоочередное место относительно других конституционных глав, закрепляющих положения об иных органах публичной власти.

Во-вторых, ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации определяет ведущую роль главы государства, поскольку на него возложено обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти.

В-третьих, Президент Российской Федерации участвует в формировании органов власти: формирует Государственный Совет Российской Федерации (п. е[5] ст. 83); формирует Совет Безопасности Российской Федерации (п. ж ст. 83); назначает Председателя Правительства Российской Федерации (п. «а» ст. 83); назначает отведенную ему долю Сенаторов Российской Федерации (п. «в» ч. 2 ст. 95); Представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации (п. «е» ст. 83); и др.

В-четвертых, Президент Российской Федерации осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации (п. «б» ст. 83); совместно с Правительством обеспечивают осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации (ч. 4 ст. 78); участвует в законодательном процессе (ч. 2 ст. 107); инициирует предварительный нормоконтроль (п. «а» ч. 5[1] ст.125).

В-пятых, Президент, как это представлено в научной литературе, выступает арбитром в системе органов публичной власти. Такая функция Президента обусловлена конституционной нормой, которая предполагает использование Президентом согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 85).

Полномочия Президента Российской Федерации и формы их реализации. Под полномочиями принято понимать права и обязанности, которые не всегда взаимообусловлены, наличие одного не всегда приводит к проявлению другого. В этой связи предлагаем рассмотреть полномочия Президента Российской Федерации с позиции прерогативных, императивных, дискреционных полномочий. К прерогативным отнесем полномочия Президента как гранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80), а также полномочия Президента как Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации (ч. 1 ст. 80). К императивным полномочиям отнесем принятие/отклонение отставки Правительства Российской Федерации (ч. 1 ст. 117). К дискреционным – возможность использовать согласительные процедуры (ч. 1 ст. 85). Полномочия Президента Российской Федерации являются атрибутивной частью его статуса. Посредством полномочий определяется место главы государства в системе органов публичной власти.

Специальные гарантии. Под гарантиями деятельности Президента мы подразумеваем определенную совокупность условий, средств и способов, которые способствуют осуществлению прав и обязанностей. Гарантии являются неотъемлемой частью его правового статуса, поскольку обеспечивают выполнение полномочий независимо от каких-либо факторов, например, политических. Отмечается, что в «число специальных гарантий деятельности Президента России необходимо включать его «служебные» права (права по «службе»), определяемые в настоящее время в значительной степени им самим» [27, с. 24].

Ответственность Президента Российской Федерации перед обществом и государством необходимо рассматривать с позиции конституционно-правовой ответственности. Значимость ответственности главы государства перед обществом и государством невозможно переоценить, поскольку он является хранителем конституционного строя, носителем уникального статуса, который выражается в его особом месте среди органов публичной власти, в совокупности его полномочий и особых гарантиях. Все перечисленное может создавать угрозу для общества и государства в случае, например, превышения полномочий, узурпации власти. Важным составляющим ответственности является реальность применения конституционно-правовых норм, которые ее закрепляют. В настоящее время все чаще высказываются предложения о детальной проработке процедуры отрешения Президента от должности, лишения его неприкосновенности. Это необходимо для того, чтобы, с одной стороны, избежать

сосредоточения полномочий в одних руках, с другой – для минимизации риска необоснованных обвинений в адрес Президента.

Подытоживая, отметим, что, опираясь на представленные элементы статуса главы государства, возможно сформулировать определение его статуса. Так, статус Президента Российской Федерации представляет собой конституционно-учрежденную и законодательно конкретизированную категорию, содержание которой включает специфику правового положения главы государства в единой системе органов публичной власти, адресованные ему специальные гарантии, характерные полномочия, формы их реализации в целях ответственного обеспечения интересов личности, общества и государства.

Список источников

1. Большая советская энциклопедия // URL: https://gufo.me/search?term=%D1%81
2. Толковый словарь Кузнецова // URL: https://gufo.me/search?term=%D1%81%D1%
3. Социологический словарь Сайт. URL: https://gufo.me/dict/social/СТАТУС
4. Правовая система и личность / Матузов Н.И. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 294 с.
5. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузова, А.В. Малько. Юристъ. 2004. 245 с.
6. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. Дисс. Москва. 2001. 334 с.
7. Нудненко Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации»: Юридический центр Пресс. Санкт-Петербург. 2004. 475 с.
8. Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2001. 616 с.
9. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов. 1987. 179 с.
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук; Российская академия правосудия. М. : ИНФРА-М : НОРМА. 2018. 448 с.
11. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений. М.: Наука, 1974. 246 с.
12. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2001. 346 с.
13. Загидулин Р. А. Понятие правового положения Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы научно-практической конференции. М.: ВУ. 2009. С. 85–86.
14. Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2006. 656 с.
15. Бараненков В. В. Теоретико-правовые основы определения юридической личности военных организаций // Военное право. 2009. № 2. С. 22-40.
16. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.
17. Хмелевская Т. А. Правовое положение осужденных в России. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. 70 с.
18. Бутов С.В., Лысенков С.Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Общие вопросы теории права. История правопорядка. 2022. №4 (35) С. 6-11.
19. Тихоновым Д.В. Конституционно-правовые гарантии прав и свобод лиц со специальным статусом в России. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород. 2015. 155 с.
20. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 3-20.
21. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
22. Ливеровский А.А. Актуальные проблемы федеративного устройства России. СПб., 2002. 165 с.
23. Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. 176 с.
24. Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. 432 с.
25. Безруков А.В., Чугаев В.В. Институт главы государства в механизме укрепления государственного единства и правопорядка (теоретико-историческое и конституционно-правовое осмысление) // Правоприменение. 2018. Т.2. № 1. С. 40-53.
26. Нечкин А.В. Глава государства в странах Содружества Независимых Государств (сравнительное конституционно-правовое исследование). Дисс. Екатеринбург. 2023. 468 с.
27. Колобаева Н.Е. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации. Дисс. Москва. 2007. 224 с.

References

1. The Great Soviet Encyclopedia. URL: https://gufo.me/search?term=%D1%81%D1%82%D0%B0%
2. Kuznetsov's explanatory Dictionary. URL: https://gufo.me/search?term
3. Sociological Dictionary Website. URL: https://gufo.me/dict/social/СТАТУС
4. The legal system and personality / Matuzov N.I. Saratov: Sarat Publishing House. Unita, 1987. 294 p.
5. Theory of State and Law: Textbook / N.I. Matuzova, A.V. Malko. Lawyers. 2004. 245 p.
6. Bogdanova N.A. The system of science of constitutional law. Diss. Moscow. 2001. 334 p.
7. Nudnenko L.A. Constitutional and legal status of a deputy of the legislative body of state power in the Russian Federation": Law Center Press. St. Petersburg, 2004. 475 p.
8. Theory of State and law: studies. for universities / edited by prof. V.M. Korelsky and prof. V.D. Perevalov. 2nd ed., ed. and add. M.: NORM, 2001. 616 p
9. Kornukov V.M. Constitutional foundations of the position of the individual in criminal proceedings. Saratov. 1987. 179 p
10. Vitruk N.V. General theory of the legal status of a person / N.V. Vitruk; Russian Academy of Justice. Moscow: INFRA-M: NORM. 2018. 448 p.
11. Patyulin V. A. The state and personality in the USSR. Legal aspects of the relationship. Moscow, 1974.
12. Protasov V. N. Theory of law and the state. Problems of the theory of law and the state. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Yurait. 2001. 346 p.
13. Zagidulin R. A. The concept of the legal status of the Armed Forces of the Russian Federation // Materials of the scientific and practical conference. Moscow: VU. 2009. pp. 85-86.
14. General theory of State and law: textbook / A. F. Vishnevsky, N. A. Gorbatok, V. A. Kuchinsky; under the general editorship of prof. V. A. Kuchinsky. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2006. 656 p.
15. Baranenkov V. V. Theoretical and legal foundations for determining the legal identity of military organizations // Military law. 2009. No. 2. pp. 22-40.
16. Narratives L. P. Theory of state and law: advanced course: textbook. Moscow: RIOR : INFRA-M, 2015.
17. Khmelevskaya T. A. The legal status of convicts in Russia. Orenburg: Orenburg Institute (branch) O. E. Kutafin University (MGUA). 2018. 70 p.
18. Butov S.V., Lysenkov S.G. On the correlation of the concepts of "legal status" and "legal status" as independent legal categories // General questions of the theory of law. The history of law and order. 2022. No.4
19. Tikhonov D.V. Constitutional and legal guarantees of the rights and freedoms of persons with special status in Russia. Dis. ... cand. Jurid. sciences'. Belgorod. 2015. 155 p.
20. Bogdanova N.A. Category of status in constitutional law // Bulletin of the Moscow State University. Episode 11. Right. 1998. No. 3. pp. 3-20.
21. Markhgeym M.V. The system of public power of the Russian Federation: constitutional determinants of unity // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 8 (147). pp. 66-72.
22. Liverovsky A.A. Actual problems of the federal structure of Russia. St. Petersburg., 2002. 165 p.
23. Vitruk N. V. The legal status of personality in the USSR. M., 1985. 176 p.
24. Constitutional Law of Russia: the encyclopedic dictionary / Under the general editorship of V.I. Chervonyuk. M.: Legal lit., 2002. 432 p.
25. Bezrukov A.V., Chugaev V.V. The institute of the head of state in the mechanism of strengthening state unity and law and order (theoretical-historical and constitutional-legal understanding) // Law enforcement. 2018. Vol. 2. No. 1. pp. 40-53.
26. Nechkin A.V. The head of State in the countries of the Commonwealth of Independent States (comparative constitutional and legal research). Diss. Yekaterinburg. 2023. 468 p.
27. Kolobaeva N.E. Constitutional and legal status of the President of the Russian Federation. Moscow. 2007.

Информация об авторе

М.Ю. Лицавкин – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

M.Yu. Litsavkin – Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 342

Преемственность как логика конституционного строительства России

© М.В. Мархгейм, 2024

Марина Васильевна Мархгейм
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. Исходя из анализа научных источников и конституционных положений, касающихся интерпретации и формализации преемственности, автором представлены аргументы в пользу рассмотрения преемственности как логики конституционного строительства России. Отмечено, что преемственность в праве/правовой системе позволяет связать ее с разумным восприятием прежнего правового, прежде всего, конституционного опыта для пользы современного и будущих поколений. Такие черты преемственности как объективность данного процесса, закономерность развития, ценность в полной мере приложимы к конституционной преемственности.

Сделан вывод, что преемственность, проявляющая себя в традициях, императивах конституированных преамбул, в нормах социального и культурного свойства, в других вариантах, в силу своей неоспоримой значимости требует пристального изучения не только ее сути, содержания, признаков, индикаторов, но и раскрытия влияния на упорядочение общественных отношений, на поддержание связи поколений, на конституционное строительство в России.

Ключевые слова: конституция, конституционное строительство, преемственность, правопреемство, конституционные ценности, традиции

Для цитирования: Мархгейм М.В. Преемственность как логика конституционного строительства России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.67-72

Original article

Continuity as the logic of Russia's constitutional construction

© M.V. Markhgeym, 2024

Marina V. Markhgeym
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. markheim@bsu.edu.ru

Abstract. Based on the analysis of scientific sources and constitutional provisions concerning the interpretation and formalization of succession, the author presents arguments in favor of considering succession as the logic of constitutional construction in Russia. It is noted that continuity in the law/legal system allows it to be associated with a reasonable perception of the former legal, primarily constitutional experience for the benefit of modern and future generations. Such features of continuity as the objectivity of this process, the regularity of development, and value are fully applicable to constitutional continuity.

It is concluded that continuity, which manifests itself in traditions, imperatives of constitutional preambles, in norms of social and cultural properties, in other variants, due to its undeniable significance, requires a close study not only of its essence, content, signs, indicators, but also the disclosure of its influence on the ordering of public relations, on maintaining the connection of generations, on constitutional construction in Russia.

Keywords: constitution, constitutional construction, succession, law succession, constitutional values, traditions

For citation: Markhgeym M.V. Continuity as the logic of Russia's constitutional construction. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No4(167):67-72 (In Russ.)

Введение

Конституционное строительство России в легализованном периоде с 1918 г., когда, как известно, был принят первый Основной Закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, претерпевало разные испытания в связи с вызовами внутригосударственного и внешнего характера. Приобретенный в ходе их преодоления опыт в разной степени, но учитывался в каждой следующей Конституции страны. В самом общем виде этот проверенный жизнью опыт может быть одной из характеристик феномена преемственности.

Со словом «преемственность» сложились устойчивые выражения: «преемственность поколений», «преемственность в культуре» «преемственность в образовании/педагогике». Возможно ассоциировать преемственность, например, с наследственностью, с фамилией, с династией семейной или трудовой. В силу своей профессиональной деятельности не могу себе отказать в иллюстрации последнего словами, что «…высшая школа в лице своего «ядра» – научно-педагогической интеллигенции – ни при каких условиях не должна «поступиться принципами». Как особое сообщество интеллигенции она имеет миссию сохранения социальной памяти и традиций российского высшего образования, преемственности его развития» [1, с. 20-21].

Преемственность в словарных источниках определяется как «связь между явлениями в процессе развития в природе, об-ве и познании, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе нек-рые его элементы. В об-ве означает передачу и усвоение социальных и культурных ценностей от поколения к поколению… Обозначает также всю совокупность действия традиций» [2, с. 1054]. Словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дают трактовку преемственности как существительного от «преемственный», которое означает то, что определяется «правами преемства, наследования», то есть намечается связь с правом. В частности, в определение наследственного права включена «совокупность правовых норм, устанавливающих порядок перехода прав и обязанностей» [3, с. 398] в известных обстоятельствах.

Указывается также вариант, что преемственным именуется то, что идет «последовательно от одного к другому. … Преемственный ряд каких-нибудь явлений» [4, с. 732]. При этом толковый словарь дает дополнительный смысл слова «преемство» как «последовательное, без перерыва, замещение, смена, передача чего-н. от одного к другому…», иллюстрируя это «культурным преемством» [4, с. 732].

Пониманию сути преемственности способствует обращение к словарю синонимов, где преемственность связывается с преемственной связью, эстафетой, преемством, преемничеством [5, с. 330].

Отметим, что в правовой сфере получили развитие термины и понятия, производные от слова «преемство», в их числе правопреемство с учетом различных субъектов и объектов [6, с. 244-250]. Правопреемство истолковывается как «переход прав и обязанностей от одного лица – правопредшественника к другому лицу – правопреемнику, заменяющему его в правоотношениях» [7, с. 247].

Изложенное позволяет сделать вывод, что консенсусной чертой преемственности является последовательная связь явлений и процессов в ходе их развития. Поскольку конституционное строительство есть процесс, основанный на конституции, которая, в свою очередь, есть «рукотворное» явление, определяющие принципы организации и функционирования нашего государства на разных этапах его развития, постольку рассматривать преемственность как логику конституционного строительства России есть все основания.

Продолжим разбирать этот тезис, опираясь на мнения ученых-юристов.

Преемственность в призме научно-правовых характеристик

Преемственность является тем благодатным феноменом, который находит собственное обоснование инструментарием различных наук. Человек, являясь существом и биологическим, и социальным, сосредоточивает в себе характерные для этого виды преемственности, а именно биологическая наследственность (это пока не вполне эффективно управляемая людьми их способность передавать свои признаки и особенности развития потомству) и в широком смысле «социальная наследственность», управление которой осуществляется в том числе посредством права.

Здесь важным представляется акцентировать «преемственность духовного опыта поколений», которая определена О.В. Шевченко как «процесс передачи знаний, ценностей, норм и традиций от одного поколения к другому в рамках социокультурного контекста. Этот процесс является важным механизмом сохранения и развития культуры в различных социальных контекстах» [8, с. 84]. Есть все основания согласиться с выводом автора, что преемственность духовного опыта поколений позволяет обеспечивать «стабильность и непрерывность культурных традиций и ценностей» [8, с. 84].

Возвращаясь к правовой сфере, отметим, что разработка преемственности в праве осуществлялась историко-правовом [9], теоретико-правовом [10, 11], конституционно-правовом аспектах [12]; применительно к правовому регулированию [13], власти [14], судебной реформе [15], правовому статусу граждан [16] и гармонизации их прав и обязанностей [17].

По словам Д.В. Щербика, «Осознание преемственности процесса развития права обусловило понимание его как ценности, вызвало становление и развитие историко-правовой науки, рост исторических исследований в области права» [9, с. 104]. Характеризуя преемственность в праве, В.К. Бабаев отметил, что «это заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем» [10, с. 210].

По заслуживающему поддержки мнению А.С. Климовой, преемственность в правовой системе общества есть «юридическая закономерность, предполагающая такие связи между прошлым и настоящим состоянием права, юридической практики, правосознания конкретного общества, с помощью

которых происходит сохранение в правовой системе позитивных и ценностных явлений, накопленных в предыдущие этапы ее развития» [17, с. 97]. Преемственность логично укладывается в универсальный ценностный ряд, представленный Н.В. Витруком: «Универсальный характер приобретают такие ценности, как справедливость, свобода, равенство, права и свободы человека, конституционность, законность, правопорядок и правосудие» [18, с. 166], на что мы обращали внимание ранее [19, с. 18].

Представляя современную модель института Президента Российской Федерации, Н.М. Колосова отмечает возрастание значимости «защиты конституционной идентификации, преемственности власти, что в некоторой степени связано с человеческим фактором, персональными особенностями лиц, обладающих властными полномочиями» [14, с. 118].

Следует признать важным вывод Д.В. Щербика о том, что «… именно от государственной политики зависит насколько в праве учитываются закономерности подсистем данного общества, ценностные и правовые традиции народа, она определяет размер осознанного участия законодателя в механизме преемственности в праве. Следовательно, проблема функционирования механизма преемственности в праве тесно взаимосвязана с вопросами совершенствования права, его эффективностью. Для её обеспечения законодатель должен находить оптимальное соотношение между элементами преемственности и стремлением обеспечить посредством правового регулирования прогрессивное развитие общества и государства» [20, с. 148].

Таким образом, признавая за преемственностью в праве/правовой системе процесс восприятия/рецепции прежнего правового опыта для пользы современного развития, в работах юристов-исследователей акцентируются и иные ее характеристики – это объективный процесс, закономерность, ценность, противовес модернизации/инновациям и др.

Разумная преемственность в конституционном поправочном процессе

Поправки, внесенные в Конституцию России 2020 г. с широкого одобрения российских граждан в ходе общероссийского голосования, помимо прочего были предназначены для обеспечения разумной преемственности конституционного строительства России как державы и Отечества. Такие синонимы государства, примененные к России, подчеркивают тональность сегодняшнего дня.

Разумная преемственность предполагает опору на воспринятые обществом и государством таковыми ценности и традиции. Рассмотрим те, которые получили закрепление в тексте Конституции России в прямом или смысловом варианте.

В конституционной преамбуле, которая является средоточии базовых ценностей России, слово «преемственность» хотя и не употреблено, но содержащиеся в ней внятные смысловые акценты указывают именно на преемственность, как то: «…сохраняя исторически сложившееся государственное единство, … чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, … возрождая суверенную государственность России, … исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями».

Положение конституционной преамбулы – «утверждение … гражданского мира и согласия…» – уместно иллюстрирует одну из моделей конституционного развития, а именно консенсусную модель, которая предполагает «сохранение конституционно-правовой преемственности на основе планомерной стратегии достижения согласия политических сил о признании определенных базовых ценностей гражданского общества и перспективных целях движения» [21, с. 12-13]. Иная модель – «модель разрыва согласия общественно-политических сил представляет собою отказ от конституционно-правовой преемственности на основе раскола и противоборства общественно-политических сил» [21, с. 13]. По этому поводу приведем слова И.А. Ильина, касающиеся оценки политического наследия революции: «Первое, чем отличается государство XX века – это сознательный, планомерный и последовательный отрыв его от тех духовных корней, которыми оно доселе держалось и питалось: от религии, от нравственности и от национально-патриотического чувства» [22, с. 124]. Как представляется, именно в таких революционных/протестных ажитациях рвутся нити преемственности, а связать их не всегда возможно.

Применительно к российскому конституционализму на значимость преемственности в ее сущностном, а не терминологическом плане обратил внимание Н.С. Бондарь: «История российского конституционализма едина, что является отражением единства, цельности духовной культуры и нравственного духа нации; недопустимо вырывать из этой истории страницы ни советского, ни самодержавного (в том числе даже придворно-бюрократического), ни либерально-демократического или иного понимания отечественного конституционализма. Каждый народ имеет такую систему конституционализма, которая соответствует его национальным, историческим, социокультурным потребностям и традициям и, конечно, которой он… достоин. Судьба российского конституционализма, науки конституционного права и практики конституционного строительства отражает общую сложную и противоречивую судьбу нашего Отечества. Ее необходимо не только понимать и принимать, но и уважать, любить такой, какая она есть, а не пытаться «обосновывать» в угоду кому бы то и чему бы то ни было…» [23, с. 13]. В данной логической канве уместно связать преемственность с цельной совокупно-

стью действия традиций, чью силу переоценить невозможно. Представляя очертания будущей России и видимые наилучшие «рецепты» этого, И.А. Ильин утверждал, что «все это должно свершиться в вековечных традициях русского народа и русского государства. И притом – не в форме «реакции», а в форме творческой новизны. Это будет новый строй, новая государственная Россия» [22, с. 155].

В части смысловой связи преемственности и традиций, отметим, что в тексте действующей Конституции России традиции и производные этого слова упоминаются применительно к «традиционному образу жизни» малочисленных этнических общностей, который защищается как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «м» ч. 1 ст. 72), «традиционным семейным ценностям», сохранение которых отнесено к полномочиям Правительства Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 114), «местным традициям», которые надлежит учитывать при определении территорий муниципальных образований (ч. 1 ст. 131).

Преемственность как черта России представлена И.А. Ильиным. По его версии, «Российское Государство есть правовое единство, – священное, исторически преемственное, властное и действенные. Оно покоится на братском единении русских людей, на верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону» [22, с. 159]. Он далее подчеркнул: «Российское Государство есть единство исторически-преемственное. Оно основано нашими предками, оно утверждено всенародными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засильями» [22, с. 160].

«Непрекращаемость» Российского государства как императив включена в Конституцию России в 2020 г. через институт правопреемства. Правопреемство, понимаемое как «переход прав и обязанностей в результате смены одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории» [24, с. 354], традиционно относят к разряду международно-правовых институтов, хотя наличествуют и более широкие, скажем так, общеюридические трактовки [7, с. 247].

Конституционные позиции относительно правопреемства изложены в ч. 1 новой статьи 67^1, согласно которой Российская Федерация совершенно справедливо означена «правопреемником Союза ССР на своей территории» и «правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР». По поводу последнего позволим себе некоторое уточнение. Традиционно изложение определенного слова в скобках по типу «правопреемник (правопродолжатель)» дает основания воспринимать их в качестве синонимов. Однако в данном случае это не вполне корректно. Государству-правопреемнику (в нашем случае России) переходят права и обязанности бывшего Союза ССР, а государство-правопродолжатель указывает на непрерывность его существования как субъекта международного права» [25, с. 31-32].

Рассуждая о глобализации, В.Д. Зорькин обратил внимание на то, что «у многих представителей науки и практики, политики, всех думающих людей глобализация вызывает тревогу в части ее политэкономического, идеологического и геополитического содержания. Главным образом беспокоит посягательство на национальные традиции и национальные ценности. Кризис же национальной идентичности приводит, в свою очередь, к девальвации национальных правопорядков и национального государства … и фактическому упразднению государственного суверенитета как некоего анахронизма» [26, с. 77-78.]. Соответственно, преемственность национальных традиций и ценностей в потенциале способна противостоять посягательствам на «отмену» признанных атрибутов общества и государства.

Таким образом, несколько затерявшаяся в конституционной ценностной канве преемственность заслуживает место в первом аксиологическом ряду. Преемственность конституционных ценностей служит соединительной нитью в пользу устойчивости аксиологически воспринятых общественных отношений, выстроенных на проверенных временем традициях.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты преемственности в конституционном строительстве России, мы позволим по этому поводу себе некоторые обобщения и выводы. Так, консенсусной чертой преемственности является последовательная связь явлений и процессов в ходе их развития. Поскольку конституционное строительство есть процесс, основанный на конституции, определяющей принципы организации и функционирования нашего государства в ходе его развития, постольку есть все основания рассматривать преемственность как логику конституционного строительства России.

Исследование преемственности в праве/правовой системе, проведенное представителями юридической науки, позволяет связать ее с разумным восприятием прежнего правового, прежде всего, конституционного опыта для пользы современного и будущих поколений. Позволим себе сравнение преемственности в конституционном строительстве России с «управляемой генетикой российского общества и государства». Считаем, что выявленные правоведами черты преемственности – объектив-

ность данного процесса, закономерность развития, ценность и др. – в полной мере приложимы и к конституционной преемственности.

Преемственность, проявляющая себя в традициях, императивах конституированных преамбул, в нормах социального и культурного свойства, в других вариантах, в силу своей неоспоримой значимости требует пристального изучения не только ее сути, содержания, признаков, индикаторов, но и раскрытия влияния на упорядочение общественных отношений, на поддержание связи поколений, на конституционное строительство в России.

Исследование различных конституционно-правовых явлений, институтов и процессов с позиции преемственности позволит, как представляется, увидеть их новые смыслы, ценность, предназначение, перспективы.

Список источников

1. Меметов В.С., Будник Г.А. Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 9-22.
2. Советский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1988. 1600 с. С. 1054.
3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998.
4. Большой толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. С. 732.
5. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 10-е изд. М.: Рус. яз., 1999. 495 с. С. 330.
6. Додонов В.Н., Панов В.П., Румянцев О.Г. Международное право. Словарь-справочник. М., 1997.
7. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008.
8. Шевченко О.В. Преемственность духовного опыта поколений // Основы экономики, управления и права. 2023. № 4 (39). С. 84-87.
9. Щербик Д.В. Преемственность и инновация в праве в истории правовой мысли // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2006. № 2.
10. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2020. 582 с.
11. Сабирова Л.Л. Правовая интеграция и преемственность в праве: теоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 112-115.
12. Багян Г.А., Черпаков В.В. Преемственность в развитии Конституции Российской Федерации // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). С. 184-186.
13. Брежнев О.В. Законопроект об общих принципах организации местного самоуправления 2022 г.: новеллы и преемственность в правовом регулировании // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 2. С. 11-15.
14. Колосова Н.М. Современная модель института Президента Российской Федерации: преемственность и развитие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 116-122.
15. Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Судебная реформа в России: преемственность и модернизация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 241-252.
16. Карпович Н.А. Конституционный статус граждан Республики Беларусь: преемственность и развитие // Право.by. 2023. № 3 (83). С. 5-14.
17. Климова А.С. Правовое наследие и преемственность как закономерности гармонизации прав и юридических обязанностей // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2021. № 20 (20). С. 88-101.
18. Витрук Н.В. Право, государство и личность в конституционном измерении: (история, доктрина, практика). М.: Норма, 2012. 688 с.
19. Мархгейм М.В. Преемственность в ценностной канве конституционного строительства России // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 17 ноября 2023 г.) / под ред. проф. М.В. Мархгейм. Deutschland, Gelsenkirchen, 17. November. 2023, Henze Verlag. С. 17-21.
20. Щербик Д.В. Преемственность в праве и перспективы развития права Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. № 4. С. 148-152.
21. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. М., 2008. 27 с.
22. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М., 1993. 367 с.
23. Бондарь Н.С. Личное и публичное: в поисках баланса… Публикации разных лет. Ростов н/Д: Альтаир, 2010. 674 с.
24. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2007. 432 с.

25.Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.
26. Зорькин В.Д. Десять лекций о праве: Монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 400 с.

References

1. Memetov V.S., Budnik G.A. Higher education in Russia: traditions, continuity, development prospects // Intelligentsia and the world. 2018. No. 3. pp. 9-22.
2. Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow: "Soviet Encyclopedia", 1988. 1600 p. p. 1054.
3. Large legal dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. M.: INFRA-M, 1998. 790 p.
4. A large explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by D. N. Ushakov. Vol. 3. Soviet encyclopedia: OGIZ, 1935-1940. p. 732.
5. Alexandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide. 10th ed. Moscow: Rus. yaz., 1999. 495 p. 330.
6. Dodonov V.N., Panov V.P., Rumyantsev O.G. International law. Dictionary-reference book. M, 1997. 368
7. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Y. Explanatory dictionary of legal terms. M.: Eksmo, 2008. 448 p.
8. Shevchenko O.V. Continuity of spiritual experience of generations. *Fundamentals of economics, management and law*. 2023. No. 4 (39):84-87.
9. Shcherbik D.V. Continuity and innovation in law in the history of legal thought // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2006. No. 2. pp. 103-106.
10. Theory of state and law / edited by V. K. Babaev. M., 2020. 582 p.
11. Sabirova L.L. Legal integration and continuity in law: theoretical aspects. Law and the State: theory and practice. 2021. No. 3 (195):112-115.
12. Bagyan G.A., Cherpakov V.V. Continuity in the development of the Constitution of the Russian Federation. *Economics and society.* 2018. No. 12 (55):184-186.
13. Brezhnev O.V. Draft law on the general principles of the organization of local self-government in 2022: novelties and continuity in legal regulation. *Municipal service: legal issues*. 2022. No. 2: 11-15.
14. Kolosova N.M. Modern model of the Institute of the President of the Russian Federation: continuity and development. *Legal Bulletin of Samara University*. 2020. Vol. 6. No. 1:.116-122.
15. Markhgeym M.V., Tonkov E.E. Judicial reform in Russia: continuity and modernization. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2014. No. 16 (187):241-252.
16. Karpovich N.A. The constitutional status of citizens of the Republic of Belarus: continuity and development. *Law.by*. 2023. No. 3 (83):5-14.
17. Klimova A.S. Legal heritage and succession as patterns of harmonization of rights and legal obligations. *Actual problems of the theory and history of the legal system of society*. 2021. No. 20 (20):88-101.
18. Vitruk N. Law, state and personality in the constitutional dimension: (history, doctrine, practice). M.: Norma, 2012. 688 p.
19. Markhgeym M.V. Continuity in the value canvas of the constitutional construction of Russia. *Constitutionalism: symbiosis of science and practice*: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk (Belgorod, November 17, 2023) / under edited by Prof. M.V. Markheim. Deutschland, Gelsenkirchen, 17. November. 2023, Henze Verlag. pp. 17-21.
20. Shcherbik D.V. Continuity in law and prospects for the development of the law of the Republic of Belarus. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. 2007. No. 4: 148-152.
21. Vitruk N.V. Fidelity to the Constitution: Monograph. M., 2008. 227 p.
22. Ilyin I.A. About the coming Russia. Selected articles / Edited by N.P. Poltoratsky. M., 1993. 367 p.
23. Bondar N.S. Personal and public: in search of balance. Rostov n/D, 2010.
24. Lukashuk I.I. International law. The general part. M.: Walters Kluwer, 2007. 432 p.
25.Markheim M.V. Updating the Constitution of Russia: institutional sketch. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management.* 2020. No. 7 (122):29-32.
26. Zorkin V.D. Ten lectures on law: A monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 400 p.

Информация об авторе

М.В. Мархгейм – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института

Information about the author

M.V. Markhgeym – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 342

Органы судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации

© Ю.А. Намитоков, 2024

Юрий Азметович Намитоков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. 1685169@bsu.edu.ru

Аннотация: В статье осуществлено теоретическое обобщение и новое решение научной задачи, заключающейся в формировании целостной концепции понятия и элементного состава конституционной безопасности государства, а также характеристики конституционно-правовых основ роли и места органов судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности России. Автором сформулировано собственное определение понятия «система обеспечения конституционной безопасности» с выделением таких ее составных элементов, как судебное и судебно-конституционное обеспечение. Определено, что органы судебной власти играют роль субъектов судебного обеспечения конституционной безопасности государства, а Конституционный Суд Российской Федерации выполняет роль субъекта судебно-конституционного обеспечения (контроля) конституционной безопасности страны.

Ключевые слова: органы судебной власти, конституционная безопасность, система конституционной безопасности, система обеспечения конституционной безопасности, судебные решения

Для цитирования: Намитоков Ю.А. Органы судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.73-79

Original article

Judicial authorities in the system of ensuring constitutional security of the Russian Federation

© Yu.A. Namitokov, 2024

Yuri A. Namitokov
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. 1685169@bsu.edu.ru

Abstract: The article provides a theoretical generalization and a new solution to the scientific problem, which consists in the formation of a holistic concept of the concept and elemental composition of the constitutional security of the state, as well as the characteristics of the constitutional-law foundations of the role and place of the judiciary in the system of ensuring the constitutional security of Russia. The author has formulated his own definition of the concept of "system for ensuring constitutional security", highlighting its constituent elements such as judicial and judicial-constitutional support. It has been determined that the judicial authorities play the role of subjects of judicial support for the constitutional security of the state, and the Constitutional Court of the Russian Federation plays the role of a subject of judicial and constitutional support (control) for the constitutional security of the country.

Keywords: judicial authorities, constitutional security, system of constitutional security, system for ensuring constitutional security, court decisions

For citation: Namitokov Yu.A. Judicial authorities in the system of ensuring the constitutional security of the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2024. No4(167): 73-79 (In Russ.)

Проблематика обеспечения безопасности человека, общества и государства является краеугольным камнем благополучия человеческой цивилизации на протяжении всей истории ее существования. В современных условиях стремительных изменений и кризисных ситуаций перед Россией, как никогда, стоит важнейшая задача – обеспечить права человека и внутри государства и защитить своих граждан за рубежом. Для этого должны быть использованы все предусмотренные законодательством инструменты, предыдущий историко-правовой опыт управления на территории нашего государства и выработаны новые механизмы, которые позволили бы преодолеть проблемы, с которыми столкнулось Российское государство в третьем десятилетии XXI века. Именно поэтому актуальным представляется сосредоточение исследовательского внимания на нормах Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), законодательных актов и доктринальных положений, посвященных основам функционирования тех властных институтов, на которых возложены задачи по охране

конституционно закрепленного объема прав и свобод человека, объема правосубъектности институтов, статус которых определен в Основном Законе нашего государства, и определение их места в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации.

Исследованию основ и проблем функционирования органов власти, их роли и места в системе обеспечения безопасности государства посвящены многочисленные фундаментальные научные труды. Следует отметить, что в отечественной юридической доктрине разработки в отношении понятия «безопасность государства» проводились преимущественно в контексте выделения таких ее разновидностей, как национальная, государственная, информационная, военная, международная и др. При этом исследование такого вида безопасности государства как конституционная немногочисленны. В частности, это труды таких ученых как И.Б. Григорьев, В.Д. Зорькин, Н.С. Бондарь, Г.А. Гаджиев, И.В. Гончаров, С.А. Авакьян, С.Ю. Чапчиков, С.А. Димитрова, Т.Э. Шуберт и т.д.

При всей основательности и значимости трудов названных ученых, среди исследований категории «конституционная безопасность» практически отсутствуют работы, посвященные рассмотрению данного понятия в контексте системы обеспечения конституционной безопасности и роли органов судебной власти в такой системе.

Итак, цель настоящей статьи состоит в разработке научно обоснованной концепции конституционно-правовых основ места и роли органов судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации.

Прежде всего, констатируем, что в действующем законодательстве отсутствуют определение и закрепление термина «конституционная безопасность», а также норм, в которых конкретизировалась бы система ее обеспечения и ответственность соответствующих должностных лиц органов публичной власти за действия и решения, несущие угрозу конституционной безопасности государства. Не сформирована и современная теоретико-методологическая основа для определения места этого вида безопасности в системе национальной безопасности России, что необходимо для конституционной практики современного государства.

И.Б. Григорьев отмечает, что, несмотря на различные подходы к определению сущности и содержания категории «конституционная безопасность», а также отсутствие в законодательстве Российской Федерации дефиниций данного понятия, почти все исследователи признают, что данный термин является одним из базовых при рассмотрении вопросов обеспечения национальной безопасности [1, с. 6].

Один из ведущих российских конституционалистов Н.С. Бондарь еще в 2003 году отмечал, что «сущность конституционной безопасности заключается в сочетании политических, правовых, экономических и социально-культурных составляющих, при которых возможно развитие общества, его материального благосостояния, соблюдение исторических и культурных традиций, национальных особенностей, духовной сферы, а в конечном итоге, сохраняет главный результат – постоянное и законное соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 7].

Впервые в отечественной правовой доктрине выделила такой вид безопасности как конституционная Т.Э. Шуберт, по определению которой «конституционная безопасность – это деятельность по обеспечению и защите основ конституционного строя, которые включают в себя нормы Конституции, регламентируют главные (первоначальные) основы правовой системы, важнейшие принципы статуса и деятельности субъектов конституционно-правовых отношений, позволяющих определить и развивать институты конституционного законодательства» [3, с. 57]. В данном определении явно просматривается формальная сторона содержания понятия, без учета его функциональной составляющей. Кроме того, определение перегружено раскрытием свойств конституционных норм вместо раскрытия содержания определяемого понятия.

А.А. Фомин выделяет понятие конституционной безопасности, определяя его как «комплекс мер… органов государственной власти, … а также органов местного самоуправления по выявлению, предупреждению и противодействию всему тому, что угрожает основам конституционного строя страны» [4, с. 71]. Данное определение включает только «комплекс мер», упуская «состояние защищенности», что делает его неполным. К тому же, перечень субъектов обеспечения конституционной безопасности сводится только к органам публичной власти, что не вполне верно.

В.В. Мамонов отмечает разницу между национальной и конституционной безопасностью: если конституционная безопасность обеспечивает охрану юридической конституции, то национальная безопасность – фактической конституции страны [5, с. 17]. С таким, хотя интересным, утверждением трудно согласиться, поскольку столь узкое понимание конституционной безопасности сводит ее к понятию правовой охраны конституции. Последняя, действительно, является средством обеспечения конституционной безопасности, но только правовой охраной конституции содержание этого понятия не исчерпывается. Она включает в себя состояние защищенности конституционного строя в целом, а не только его основ, закрепленных в юридической конституции, а также весь массив средств обеспечения такой защищенности.

И.В. Гончаров под конституционной безопасностью понимает «внутреннюю безопасность государства, которая предполагает состояние защищенности основ конституционного строя страны от угроз, имеющих преимущественно внутренний характер, и при этом обеспечивает стабильное, поступательное развитие личности, общества и государства» [6, с. 108].

С.А. Димитрова определяет конституционную безопасность как одну из составляющих национальной и государственной безопасности, отмечая, что «конституционная безопасность – это обеспечение состояния защищенности основ конституционного строя от угроз разного рода, определяющего практически все социальные отношения, складывающиеся в процессе функционирования государства, общества и конкретного человека» [7, с. 6]. По мнению исследователя, конституционная безопасность имеет «внутреннюю» направленность, поскольку «особенности обеспечения национальной и государственной безопасности и осуществляемые при этом мероприятия детерминируются в большей степени угрозами внешнего характера, что является весомым критерием, который позволяет разграничивать именно вышеназванные составляющие основополагающей категории "безопасность"» [7, с. 13].

Такого же подхода придерживается Ю.Л. Шульженко, которая указывает на то, что «конституция должна определять внутреннюю безопасность, устанавливая определенный уровень степени защиты собственных положений» [8, с. 6].

С.Ю. Чапчиков характеризует конституционную безопасность с точки зрения личности как неотъемлемую составляющую правового государства и верховенства закона [9, с. 15].

Ю.Г. Федотова и А.С. Рогов утверждают, что «конституционная безопасность выступает более общим понятием для всех видов юридической безопасности, она определяет основные принципы и содержание других видов безопасности благодаря всеобъемлющему характеру конституционных норм. При этом детализация содержания других разновидностей юридической безопасности происходит на подконституционном, законодательном уровне» [10, с. 8].

Общим в вышеприведенных подходах к формулированию понятия конституционной безопасности государства является означение базисной роли самой конституции, выступающей в качестве нормативного фактора установления и поддержания правоотношений, гаранта свободы, субъективных прав и свобод человека, интересов гражданского общества. То есть конституционная безопасность направлена на поддержание таких правоотношений, защиту конституционного строя, конституции и конституционно закрепленного статуса публичных институтов, обеспечение стабильности и неприкосновенности объема конституционно гарантированных субъективных прав и свобод человека.

Вышеприведенное позволяет сформулировать собственное определение конституционной безопасности государства как состояния защищенности от прямых или потенциальных воздействий правового и неправового характера, сужающих или ликвидирующих конституционно закрепленный объем прав и свобод человека и/или объем правосубъектности других институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции).

К правовым воздействиям можно отнести коллизии, пробелы и иные несовершенства законодательства; несоответствия между естественным правом и позитивными нормами; правовой нигилизм субъектов конституционно-правовых отношений; низкий уровень их правовой культуры; злоупотребление правом тому подобное. К неправовым следует отнести совершение любого вида общественно опасного деяния.

По нашему мнению, объектом конституционной безопасности является конституционно закрепленный объем прав и свобод человека и/или объем правосубъектности институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции), а субъектами конституционной безопасности выступают публичные институты системы обеспечения конституционной безопасности.

Исследуя понятие конституционной безопасности, следует заметить такую ее сущностную характеристику как системность. В современной отечественной правовой доктрине понятие «система конституционной безопасности» исследуется редко, и, в основном, системность как характеристика применяется к понятию «национальная безопасность». При этом представители общей теории национальной безопасности, в частности А.В. Возжеников, С.А. Проскурин, А.А. Прохожев, А.А. Проханов, С.В. Смульский и др., рассматривают систему национальной безопасности сквозь призму системно-функционального анализа, отражающего процессы взаимодействия интересов и угроз [11].

Для дальнейшего исследования полагаем целесообразным исходить из общефилософского понимания системы как «определенной совокупности отдельных, относительно самостоятельных и необходимым образом взаимосвязанных элементов, материальное образование, обладающее определенной целостностью; система характеризуется не только наличием связей и отношений между элементами, образующими ее, но и неразрывным единством с окружающей средой, во взаимодействии с которой система проявляет свою цельность» [12, с. 20].

Базисное понимание системы как совокупности отдельных и взаимосвязанных элементов, а также анализ правовой литературы и национального законодательства дают возможность выделить элементы системы конституционной безопасности и предложить ее определение.

К элементам системы конституционной безопасности следует отнести:

1) безопасность конституционно закрепленного объема прав и свобод человека, как неуменьшаемость объема и неисчерпаемость перечня определенных в основном законе государства (конституции) возможностей человека;

2) безопасность конституционно закрепленного объема правосубъектности институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции), как неуменьшаемость объема прав, обязанностей и ответственности публичных институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции).

Следовательно, вышеприведенное позволяет заключить, что система конституционной безопасности – это внутренняя структура конституционной безопасности, которая состоит из совокупности отдельных по форме выражения, однако непротиворечивых и взаимосвязанных по содержанию элементов, отражающих основы конституционного строя, закрепленного основным законом государства (конституцией).

Формируя концепцию конституционной безопасности государства, полагаем, что подобно системе обеспечения национальной безопасности конституционная безопасность государства фактически обеспечивается специально образованными инструментами. Интересно то, что в правовой литературе можно найти научные разработки понятия «система конституционной безопасности», «система обеспечения национальной безопасности», в то время как практически отсутствуют определение понятия «система обеспечения конституционной безопасности».

Если рассматривать понятие «система конституционной безопасности» и «система обеспечения конституционной безопасности», то, как и при изучении национальной безопасности, очевидно, что эти понятия не являются синонимами. Вместе с тем, поскольку конституционная безопасность является видом национальной безопасности, полагаем, что система ее обеспечения является составляющей системы обеспечения национальной безопасности. Указанное позволяет сформулировать авторское определение системы обеспечения конституционной безопасности и выделить ее составляющие.

Итак, система обеспечения конституционной безопасности – это совокупность определенных законодательством полномочий соответствующих органов государственной власти, объединенных общей сферой деятельности по утверждению и обеспечению (защите) безопасности конституционно закрепленного объема прав и свобод человека и/или объема правосубъектности институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции).

Структурно данная система состоит из следующих элементов:

1) нормативно-правовое обеспечение – деятельность органов публичной власти по нормативно-правовому закреплению в конституции государства, федеральных конституционных законах, федеральных законах, подзаконных и иных нормативных актах норм специального характера, которые определяют объекты и принципы конституционной безопасности, а также функции и полномочия субъектов ее обеспечения;

2) судебное обеспечение – непосредственная деятельность органов судебной системы, связанная с утверждением и обеспечением (защитой) объектов конституционной безопасности;

3) судебно-конституционное обеспечение (контроль) – охранная, гарантирующая и защитная деятельность государственного органа, специально образованного в целях обеспечения судебного конституционного контроля, соответствия основному закону государства (конституции) всех других нормативных правовых актов.

Таким образом, судебное обеспечение конституционной безопасности представляет собой деятельность органов судебной системы по утверждению и обеспечению (защите) безопасности объектов конституционной безопасности, каковыми являются конституционно закрепленный объем прав и свобод человека и/или объем правосубъектности институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции).

Сразу следует отделить деятельность судов по защите конституции в целом от деятельности по защите объектов конституционной безопасности. Полагаем, что данные понятия соотносятся как целое и частное в силу того, что категория «защита конституции» значительно шире своим содержательным наполнением, чем категория «защита объектов конституционной безопасности». К тому же «миссию» по правовой защите конституций отдельные исследователи возлагают на все государственные структуры и всех должностных лиц. Так, по мнению Н.В. Витрука, «охранять и защищать конституцию призваны все органы публичной власти в рамках предоставленных им конституцией и законами полномочий и процедур» [13, с. 179]. Кроме того, достаточно распространенным является подход, согласно которому охрана конституции является задачей всех граждан [14, 15, 16].

Итак, ведущую роль в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации играют органы судебной власти, деятельность которых является частью созданного государством механизма обеспечения конституционных ценностей. Судебные органы Российской Федерации как

субъекты системы обеспечения конституционной безопасности России принимают участие на уровнях, соответствующие системе судоустройства.

К видам деятельности судов по обеспечению конституционной безопасности государства следует отнести следующие:

I) судебное обеспечение конституционно закрепленного объема прав и свобод человека и гражданина как объекта конституционной безопасности государства, заключающегося в деятельности специально образованных органов судебной системы Российской Федерации, направленной на охрану, защиту и восстановление гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина;

II) судебное обеспечение конституционно закрепленного объема правосубъектности публичных институтов, статус которых определен в основном законе (конституции) как объекта конституционной безопасности государства, заключающегося в деятельности специально образованных органов судебной системы Российской Федерации, направленной на охрану, защиту и восстановление гарантированных Конституцией Российской Федерации и законами прав и законных интересов юридических лиц, интересов общества и государства.

Под судебным обеспечением конституционной безопасности государства следует понимать деятельность специально образованных государственных органов судебной системы, направленная на охрану, защиту и восстановление гарантированных конституцией и законами прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц, интересов общества и государства.

Признаками судебного обеспечения конституционной безопасности государства являются следующие:

1) полиструктурность построения, то есть совокупность учреждений, объединенных единством основ организации и деятельности;

2) охранно-восстановительный характер деятельности судебных органов, который заключается в гарантированных конституцией и законами прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц, интересов общества и государства;

3) правоприменительный характер деятельности, то есть суд применяет нормы материального права к конкретному правоотношению, которое являлось предметом рассмотрения в судебном заседании и выносит на их основе мотивированное решение (приговор);

4) четкость процессуальной регламентации деятельности и наличие аппарата принуждения исполнения принятых в результате такой деятельности решений.

Отдельное место в системе обеспечения конституционной безопасности играет судебно-конституционное обеспечение (контроль), под которым мы понимаем деятельность специально образованного органа конституционной юрисдикции, направленную на охрану конституционно закрепленного объема прав и свобод человека и/или объема правосубъектности других институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции), и их восстановление в случае выявления нарушения их соответствия в принятых определенными субъектами нормативных правовых актах.

К признакам судебно-конституционного обеспечения (контроля) конституционной безопасности государства следует отнести следующие:

1) исключительность статуса, то есть наличие специализированного института обеспечения конституционного контроля;

2) охранно-защитная функция, то есть охранно-защитная деятельность специализированного судебного органа конституционного контроля;

3) императивный и повелительный характер, то есть необжалуемость и общеобязательность принимаемых решений.

Конституционный Суд Российской Федерации как одна из основных институций в системе обеспечения конституционной безопасности России осуществляет в данной системе свое охранно-гарантирующее и защитное воздействие, охраняя конституционный строй, гарантируя его неизменность и защищая безопасность конституционно установленных ценностей, среди которых, в частности, и объекты конституционной безопасности: конституционно закрепленный объем прав и свобод человека и/или объем правосубъектности институтов, статус которых определен в основном законе государства (конституции).

Обобщая результаты проведенного нами исследования, отметим, что в данной статье мы попытались проанализировать конституционно-правовые основы места и роли органов власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации, поставив ряд вопросов для последующего исследования в целях более углубленного их изучения. На наш взгляд, концептуализация места органов судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации охватывает широкую проблематику, предполагает достаточно тщательный анализ и разработку ее составляющих. В практическом плане вопрос о месте органов судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности актуален не только для ученых-конституционалистов, но

и для представителей судейского корпуса и всех, кто призван обеспечивать прямое действие Конституции Российской Федерации. Исследование проблем роли и места органов судебной власти в системе обеспечения конституционной безопасности, выявленных судебной практикой и практикой конституционного правосудия, весьма актуально в условиях проведения судебно-правовой реформы.

Список источников

1. Григорьев И.Б. «Конституционная безопасность» как категория в конституционно-правовой доктрине Российской Федерации // Правозащитник. 2014. № 4.
2. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Конституционное правосудие: Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2003. № 4 (22).
3. Шуберт Т.Э. Конституционная безопасность России // Журнал российского права. 1998. № 4/5.
4. Фомин А.А. Юридическая безопасность государства как особого субъекта российского права // Право и политика. 2005. № 3. С. 71.
5. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2004.
6. Гончаров И.В. К вопросу о понятии конституционной безопасности федеративного государства // Государство и право. 2003. № 12.
7. Димитрова С.А. Обеспечение конституционной безопасности федеративного государства в условиях современного развития Российской Федерации (конституционно-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008.
8. Шульженко Ю.Л. Самоохрана Конституции Российской Федерации. М.: ИГПАН, 1997.
9. Чапчиков С.Ю. Конституционные гарантии обеспечения безопасности общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17.
10. Федотова Ю.Г. О категориях «конституционная безопасность» и «национальная безопасность»: терминологический анализ // Государственная служба. 2014. № 3 (89).
11. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожаева. М., 2005.
12. Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6 (86).
13. Витрук Н.В. Верность Конституции. Москва: Изд-во РАП, 2008.
14. Гатауллин А. Г. Правовые средства охраны Конституции // Russian Journal of Economics and Law. 2009. № 1 (9).
15. Сергевнин С.Л. Реализация и охрана Конституции: некоторые структурно-функциональные характеристики // Управленческое консультирование. 2013. № 5 (53).
16. Сергевнин С.Л. Реализация и охрана конституции: правовые формы и субъекты // Управленческое консультирование. 2014. № 3 (63).

References

1. Grigoriev I.B. "Constitutional security" as a category in the constitutional and legal doctrine of the Russian Federation // Human Rights Defender. 2014. № 4 (In Russ.)
2. Bondar N.S. The Constitutional Court of Russia is the guarantor of the constitutional security of the individual, society, and state // Constitutional justice: Bulletin of the conference of bodies of constitutional control of countries of young democracy. 2003. № 4 (22). (In Russ.)
3. Schubert T.E. Constitutional security of Russia // Journal of Russian Law. 1998. № 4/5. (In Russ.)
4. Fomin A.A. Legal security of the state as a special subject of Russian law. *Law and Politics*. 2005. № 3.
5. Mamonov V.V. Constitutional foundations of national security: abstract. dis. ... doc. legal Sci. Saratov, 2004. (In Russ.)
6. Goncharov I.V. On the issue of the concept of constitutional security of a federal state. *State and Law.* 2003. №12. (In Russ.)
7. Dimitrova S.A. Ensuring the constitutional security of the federal state in the conditions of modern development of the Russian Federation (constitutional-law aspect): abstract of thesis. Moscow, 2008 (In Russ.)
8. Shulzhenko Yu.L. Self-protection of the Constitution of the Russian Federation. M., 1997. (In Russ.)
9. Chapchikov S.Yu. Constitutional guarantees for ensuring the security of society and the state. *Constitutional and municipal law.* 2009. № 17 (In Russ.)
10. Fedotova Yu.G. On the categories "constitutional security" and "national security": terminological analysis. *State Service*. 2014. №. 3 (89). (In Russ.)
11. General theory of national security: textbook / edited by. ed. A.A. Prokhozhaeva. (In Russ.)
12. Malakhova E.V. The concept of a system and the main paradigmatic foundations of the systems approach. *Society: philosophy, history, culture*. 2021. (In Russ.)
13. Vitruk N.V. Loyalty to the Constitution. Moscow: RAP Publishing House, 2008. (In Russ.)

14. Gataullin A.G. Legal means of protecting the Constitution. *Russian Journal of Economics and Law.* 2009. № 1 (9). (In Russ.)
15. Sergevnin S.L. Implementation and protection of the Constitution: some structural and functional characteristics // Management consulting. 2013. № 5 (53). (In Russ.)
16. Sergevnin S.L. Implementation and protection of the constitution: legal forms and subjects. *Management consulting*. 2014. № 3 (63) (In Russ.)

Информация об авторе

Ю.А. Намитоков – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

Yu.A. Namitokov – Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 342.5

Система сдержек и противовесов в срезе российских конституционных новаций

© Л.И. Никонова, 2024

Людмила Ивановна Никонова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. Nikonova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу «встроенного» в текст Конституции Российской Федерации механизма сдержек и противовесов, обусловленного принципом разделения властей. Рассматривая опыт взаимного влияния и сдерживания федеральных органов разных ветвей государственной власти в конституционной практике современной России, акцентируется внимание на конституционных поправках 2020 г., внесших ряд изменений в этот механизм. На основании конституционных положений делается теоретический вывод, что позиции федерального парламента в системе сдержек и противовесов в одних вопросах усилились, а в других – наблюдается ослабление эффекта его влияния на федеральные органы исполнительной власти.

Ключевые слова: конституция, государственная власть, принцип разделения властей, публичная власть, механизм сдержек и противовесов, глава государства, федеральный парламент

Для цитирования: Никонова Л.И. Система сдержек и противовесов в срезе российских конституционных новаций // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.79-86

Original article

The system of checks and balances in the context of Russian constitutional innovations

© L.I. Nikonova, 2024

Lyudmila I. Nikonova
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. Nikonova @bsu.edu.ru

Abstract. The article analyses the mechanism of checks and balances "embedded" in the text of the Constitution of the Russian Federation, due to the principle of separation of powers. Considering the experience of mutual influence and restraint of federal bodies of different branches of government in the constitutional practice of modern Russia, attention is focused on the constitutional amendments of 2020, which introduced a number of changes to this mechanism. Based on the constitutional provisions, a theoretical conclusion is drawn that the positions of the federal parliament in the system of checks and balances have strengthened in some issues, while in others the effect of its influence on federal executive authorities has weakened.

Keywords: constitution, state power, principle of separation of powers, public power, system of checks and balances, head of state, federal parliament

For citation: Nikonova L.I. The system of checks and balances in the context of Russian constitutional innovations. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):79-86 (In Russ.)

Одним из основополагающих принципов организации государственной власти, закреплённых практически во всех конституциях современных демократических государств, является разделение властей. Действенная и эффективная реализация этого принципа возможна лишь при условии его дополнения механизмом взаимовлияния и сдерживания различных ветвей власти при обязательном сохранении их самостоятельности, как это предусмотрено ст. 10 Конституции Российской Федерации 1993 г. Анализ конституционных поправок 2020 г., как полагаем, позволит выявить трансформации механизма сдержек и противовесов в системе взаимодействия федеральных государственных органов и определить вектор направления этих преобразований с учетом конституционных детерминант в пользу единения публичной власти [1].

Солидаризируемся с мнением Р.В. Енгибаряна, что в конституционных текстах постсоветских государств в том или ином виде (явно или скрыто) содержится система сдержек и противовесов [2, с. 241-242]. Например, ст. 6 Конституции Республики Беларусь 1994 г., закрепляя принцип разделения властей, определяет, что «государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга» [3].

Часть 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан 1995 г., устанавливая единство государственной власти и ее разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви, конкретизирует обязательное условие взаимодействия властей «между собой с использованием системы сдержек и противовесов» [4].

Конституция Российской Федерации 1993 г. такое словосочетание не содержит, но о том, что данный механизм встроен в ее текст и функционирует при взаимодействии федеральных органов государственной власти, упоминается в итоговых решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в 1996 г. Конституционный Суд предложил «доктринальное истолкование принципа разделения властей» [5], включающее «установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из ветвей, обеспечивает самостоятельное и независимое осуществление всех ветвей власти и одновременно их взаимодействие» [6]. Данная позиция высшего органа конституционного контроля, принятая в 1996 г., с одной стороны, была особенно востребована, поскольку еще не было нормы, определяющей «единство системы публичной власти» (ч. 2 ст. 80), с другой – составила основу для исследования принципа сдержек и противовесов.

О совершенствовании механизма взаимных сдержек и противовесов говорится и в Заключении Конституционного Суда при оценке Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» 2020 г. [7] «Разграничение полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, а также между органами государственной власти с тем, чтобы действовал механизм взаимных сдержек и противовесов, служит конституционному предназначению государственной власти, обеспечивает необходимую устойчивость государственно-правовых институтов и ведет к стабильности конституционного строя России как демократического правового государства» [7].

Словосочетание «сдержки и противовесы» чаще всего используется как единое понятие, но И.Г. Шаблинский предлагает их разделить. Отнеся к сдержкам конституционные нормы, обязывающие учитывать мнение другой ветви власти (предусматривающие согласование кандидатур), а противовесы – это управомочивающие нормы, допускающие различные варианты действий палат Федерального Собрания и главы государства» [8, с. 109]. Автор рассматривает этот вопрос на примере взаимоотношений российского парламента и главы государства. Полагаем, что такое разделение норм права не характерно для судебной ветви власти, т.к. итоговые решения ее высших органов обязательны для всех.

Поддерживаем точку зрения И.Г. Шаблинского, что определенный опыт применения механизма сдержек и противовесов в конституционной практике России существует [9, с. 35]. Например, норма, предусматривающая возможность отклонения Государственной Думой кандидатур, представленных Президентом России на должность Председателя Правительства Российской Федерации, применялась четыре раза в парламентской практике в 1998 г. в рамках реализации конституционных положений ч. 3-4 ст. 111. Если в отношении кандидатуры С.В. Кириенко на должность Председателя Правительства Государственная Дума в третий раз таки согласилась проголосовать за его назначение, то при

обсуждении кандидатуры В.С. Черномырдина на эту должность глава государства (тогда Б.Н. Ельцин) перед третьим «заходом» голосования предложил новую кандидатуру – Е.М. Примакова.

Уточним, что в исходной редакции ч. 4 ст. 111 Конституции России в отношении роспуска Государственной Думы главой государства при трехкратном отклонении этой палатой кандидатуры на пост Председателя Правительства носила императивный характер – «Президент … распускает Государственную Думу». Изменения 2020 г. этой конституционной нормы усилили устойчивость Государственной Думы с точки зрения позиций в системе сдержек и противовесов, установив диспозитивность в отношении роспуска Президентом этой палаты российского парламента – «Президент … вправе распустить Государственную Думу».

В рассматриваемом контексте как ослабление позиций Совета Федераций можно признать п. «з» и п. «к» ч. 1 ст. 102 Конституции России, устанавливающие проведение консультаций по предложенным Президентом кандидатурам на должности Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей, «прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Российской Федерации», а также по «кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности». В Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [10] и в Регламенте Совета Федерации от 30 января 2002 г. [11] отсутствует понятие термина «консультации» и указание на определённые правовые последствия несогласия Совета Федерации с конкретной кандидатурой. Поскольку значение термина «консультация» представляет собой «совещание специалистов по какому-либо вопросу или совет, даваемый специалистом» [12], что не требует обязательного следования этому совету, то несмотря на обсуждение сенаторами предложенных кандидатур, например, на должность силовых министров, результаты рассмотрения существенно не смогут повлиять на решение Президента России [13, с. 127].

Использование формулировки «назначение на должность и освобождение от должности», содержавшейся в п. «з» ч. 1. ст. 102 конституционного текста в редакции 2014 г., предполагало как возможность палаты дать согласие на назначение на должность или освобождение от должности Генерального прокурора и его заместителей, так и вероятность отказа Президенту. Как важный элемент системы сдержек и противовесов данное полномочие несколько раз использовалось сенаторами, но конституционные изменения 2020 г., внесенные, как представляется, с целью «защиты от кризисов», снизили влияние Совета Федерации в этом вопросе.

С точки зрения конституционной теории согласование кандидатур при назначении на высшие государственные должности является важнейшей составляющей взаимодействия органов государственной власти разных ветвей. В свете последних конституционных новаций Государственная Дума «утверждает» кандидатуры федеральных министров (кроме назначаемых главой государства самостоятельно) по представлению Председателя Правительства, обе палаты участвуют в назначении и освобождении от должности всего состава Счетной палаты по представлению Президента, Совет Федерации участвует в назначении на должность по представлению главы государства всего состава Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, что говорит о возможности федерального представительного (законодательного) органа власти сдерживать исполнительную власть и участвовать в формировании судейского корпуса.

В то же время п. «б.1» ст. 83 Конституции России, предоставляющий главе государства право утверждать структуру федеральных органов исполнительной власти, осуществляемое посредством указа Президента Российской Федерации, позволяет ему оказывать существенное влияние на всю систему исполнительной власти в целом [14, с. 51].

В качестве противовеса полномочиям главы государства выступает право палат Федерального Собрания России преодолеть вето Президента квалифицированным большинством голосов (не менее двух третей) каждой из палат парламента при повторном рассмотрении федерального закона. В апреле 1998 г. обе палаты смогли квалифицированным большинством голосов одобрить в ранее принятой редакции федеральный закон [15], который до этого был отклонен Президентом. Конституционный Суд в соответствии положениями ч. 3 ст. 107 Конституции России обязал главу государства подписать и обнародовать принятый палатами закон [16].

Отлагательное вето главы государства – это важнейший конституционный инструмент воздействия (влияния) на российский парламент, способный воспрепятствовать вступлению в силу федерального закона. И, как отмечает И.Г. Шаблинский, поскольку «отклонение федеральных законов чаще всего не имеет политических причин, то данные нормы-противовесы используются достаточно часто» [8, с. 110]. Например, Президент использовал данное право в 2003 г. отклонив внесение изменений в Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», содержавших разреше-

ние добычи драгоценных металлов и драгоценных камней физическим лицам. При повторном рассмотрении Государственная Дума согласилась с мотивационным решением Президента и сняла законопроект с рассмотрения [17]. В 2021 г. им был отклонен законопроект «О внесении изменений в ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и ст. 12 и 13 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в части уточнения порядка размещения информационной продукции. В 2023 г. Государственная Дума, учитывая рекомендации ответственного комитета, сняла его при повторном рассмотрении с обсуждения [18].

В соответствии п. «г» конституционных норм ст. 84 и ст. 134 глава государства является субъектом права законодательной инициативы и обладает полномочием по внесению предложений о поправках и пересмотре положений Конституции России, что позволяет ему оказывать значительное влияние на организацию и функционирование институтов публичной власти, правотворчество, вопросы внутренней и внешней политики государства и др. Примером могут послужить поправки 2008 г. и 2020 г. к тексту российской Конституции, которые были предложены Президентом в Послании Федеральному Собранию, а в последствии разработаны, приняты и обнародованы по соответствующей процедуре.

Сильной составляющей рассматриваемого механизма является право Государственной Думы выразить недоверие Правительству. Следует отметить, что депутаты этот способ влияния на исполнительную власть инициировали несколько раз в парламентской практике современной России (1994 г., 1995 г., 2001 г., 2003 г. и др.), но ни разу Правительство не ушло в отставку по этой причине. Так, в 1995 г. Государственная Дума большинством голосов вынесла вотум недоверия Правительству под руководством В.С. Черномырдина. Согласно ч. 3 ст. 117 Конституции России, если бы палата в течение трех месяцев проголосовала за недоверие повторно, то глава государства оказался бы перед альтернативой: объявить об отставке Правительства или распустить Государственную Думу. Компромиссным вариантом стало повторное голосование в палате, выразившееся в доверии Правительству.

Противовесом полномочиям исполнительной власти в рассматриваемом конституционном механизме следовало бы назвать полномочие Государственной Думы, закреплённое в п. «в» ч. 1 ст. 103 Конституции России. Соглашаясь с Р.М. Дзидзоевым, что «правительственные отчеты формируют режим открытого правительства, основанный на транспарентности исполнительной деятельности, допускающей ее публичный мониторинг» [19, с. 30], считаем конституционная формулировка «заслушивание ежегодных отчетов Правительства…», а также отсутствие в ч. 3 ст. 154[1] Регламента Государственной Думы от 22 января 1998 г. [20] обязательной оценки результата деятельности Правительства (в виде постановлений) не является действенной формой воздействия. Неясность политических последствий при признании этой палатой федерального парламента неудовлетворительным ежегодного отчета Правительства трансформирует их в обычные «информационные сообщения» [19, с. 30], не позволяющие депутатам конструктивно влиять на исполнительную власть.

Важную роль в механизме сдержек и противовесов играет ст. 93 Конституции России, определяющая основания и процедуру отрешения Президента от должности. Отметим, что в установленной процедуре принимают участие органы и законодательной (Государственная Дума и Совет Федерации), и судебной (Верховный и Конституционный суды) ветвей власти. Несмотря на достаточно детально прописанную процедуру отрешения от должности главы российского государства, относимую к классическому варианту [21, с. 134], она осложнена ограниченным сроком (три месяца) для вынесения решения Советом Федерации, в течение которого необходимо получить еще и заключения двух высших судов.

В современной российской истории взаимоотношений главы государства и федерального парламента в 1998 г. была предпринята попытка отрешения от должности Президента (Б.Н. Ельцина), но, несмотря на депутатскую инициативу, уже на первом этапе этой процедуры не удалось получить квалифицированного большинства голосов депутатов Государственной Думы.

Влияние судебной власти на законодательную и исполнительную связано с возможностью признать любой закон (либо отдельно его положения), а также акты исполнительной власти не соответствующими Конституции России. Так, Н.В. Витрук назвал «негативными законодательными полномочиями» полномочия Конституционного Суда по отмене закона или отдельных его положений, которые направленны на устранение ошибки в законотворчестве [22, с. 444]. Имея своей целью повлиять на законодателя, Конституционный Суд обязывает его урегулировать общественные отношения с учетом требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций самого суда. Множество конкретных итоговых решений Конституционного Суда доказывают это. Как пример приведем постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2021 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» [23]; от 21 декабря 2022 г. № 56-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах

государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А.А. Дробковой» [24]; от 27 июня 2023 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 152 Трудового кодекса РФ и абз. 2 Постановления Правительства РФ «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иваниченко» [25].

Характеризуя положение судебной власти, Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин указывает, что «задача конституционного суда в системе разделение властей затрагивает, прежде всего, проблему «конституционный суд – законодательная власть» [5]. Соглашаясь с его мнением, полагаем, проверка конституционности актов исполнительной власти также является важнейшей составляющей механизма влияния судебных органов, который императивно обязывает Правительство внеси изменения в действующее правовое регулирование общественных отношений [26].

Одним из полномочий Конституционного Суда, перечисленных в п. «а» ч. 2 ст. 125, является проверка на соответствие Конституции России нормативных актов Президента Российской Федерации. Еще до вступления в силу действующей Конституции России в практике Конституционного Суда было итоговое решения подобного рода [27], но после 1993 г. эта норма не использовалась, оставаясь предусмотренным, но пока «спящим» звеном в механизме сдержек и противовесов. При этом есть все основания поддержать вывод М.В. Мархгейм, что «построению образцового правопорядка в Российской Федерации послужит реализация конституционных норм всеми субъектами конституционно-правовых отношений» [28, с. 27].

Анализ связанных с тематикой конституционных нововведений позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, позиции федерального парламента в системе сдержек и противовесов в некоторых вопросах усилились, с другой – наблюдается ослабление эффекта его влияния на органы исполнительной власти. Вопрос о том, насколько конструктивным и результативным будет взаимодействие между ветвями власти благодаря изменениям конституционного механизма системы сдержек и противовесов, покажет время.

Список источников

1. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
2. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М, 2010.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. / Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (дата обращения: 07.02.2024)
4. Конституция Республики Казахстан 1995 г. / Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 07.02.2024)
5. Зорькин В.Д. Принцип разделения властей в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации / Выступление Председателя Конституционного Суда РФ 2008 г. URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2 (дата обращения: 07.02.2024)
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23036/ (дата обращения: 12.02.2024)
7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 12.02.2024)
8. Шаблинский И.Г. Выключенный механизм: сдержки и противовесы в российской конституционной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2(75). С. 107-115.
9. Шаблинский И.Г. Механизм сдержек и противовесов в российской конституционной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 34-42.
10. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.
11. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 г. № 33-СФ (с изм. и доп. от 28.07.2023 №548-СФ) «О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635; 2023. № 32. (часть II) Ст. 6334.
12. Толковый словарь С.И. Ожегова // URL: https://dic.academic.ru/diogegova/88066 (дата обращения: 12.02.2024)
13. Никонова Л.И. Конституционные новации: консультативные полномочия Совета Федерации Федерального Собрания России // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенден-

ции развития: Материалы международной научно-теоретической конференции – VII Международные «Мальцевские чтения». – Белгород, 2021. С. 123-129.
14. Котовой А.С. Политико-правовой статус Президента РФ в свете конституционной реформы 2020 года // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 43-55.
15. Федеральный закон от 15.04.1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 16. Ст. 1799.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998 г. № 11-П «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом РФ, между Государственной Думой и Президентом РФ об обязанности Президента РФ подписать принятый федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 16. Ст. 1879.
17. Законопроект № 122473-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/122473-3 (дата обращения: 18.02.2024)
18. Законопроект № 978471-7 «О внесении изменений в статью 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статьи 12 и 13 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // https://sozd.duma.gov.ru/bill/978471-7 (дата обращения: 18.02.2024)
19. Дзидзоев Р.М. Ежегодные отчеты Правительства Российской Федерации о результатах деятельности как форма парламентского контроля // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. Т. 3. № 2-3. С. 25-31.
20. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134 II ГД (с изм. и доп. от 14.11.2023 № 5106-8 ГД) «О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801; 2023. № 47. Ст. 8350.
21. Тязин Е.Н., Кочнев А.С. Импичмент Президента США и отрешение от должности Президента Российской Федерации: сравнительная характеристика // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 7-2(19). С. 132-137.
22. Витрук Н.В. Право демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991-2012 гг.). М.: Норма, 2012. 688 с.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 22. Ст. 3912.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2022 № 56-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А.А. Дробковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть III). Ст. 496.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 № 35-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 152 Трудового кодекса РФ и абз. 2 Постановления Правительства РФ «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А. Иваниченко»; URL: https://www.garant.ru (дата обращения 21.02.2024)
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2022 г. № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Трактородеталь Групп» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 8107.
27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1992 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» // Гарант. РУ.URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12011601/(дата обращения 21.02.2024)
28. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.

References

1. Markhgeym M.V. The system of public power of the Russian Federation: constitutional determinants of unity. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 8 (147) (In Russ.)
2. Engibaryan R.V. Constitutional development in the modern world. Main trends. – M.: Norma, 2010. 496 p.
3. Constitution of the Republic of Belarus 1994 / Official website of the President of the Republic of Belarus. URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (access date: 02/07/2024)
4. Constitution of the Republic of Kazakhstan 1995 / Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.kz/ru/official_documents/constitution (access date: 02/07/2024)
5. Zorkin V.D. The principle of separation of powers in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation / Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation 2008 URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=2 (access date: 07.02 .2024)
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 18, 1996 No. 2-P "On the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Charter (Basic Law) of the Altai Territory" // Consultant Plus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23036/ (date of access: 02/12/2024)
7. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z "On the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation "On improving the regulation of certain issues of the organization" and the functioning of public authority", as well as on the compliance of the Constitution of the Russian Federation with the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation" // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
8. Shablinsky I.G. Switched off mechanism: checks and balances in Russian constitutional practice. *Comparative constitutional review.* 2010. No. 2(75):107-115. (In Russ.)
9. Shablinsky I.G. The mechanism of checks and balances in Russian constitutional practice // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2010. No. 3: 34-42. (In Russ.)
10. Federal constitutional law of November 6, 2020 No. 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 45. Art. 7061.
11. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 30, 2002 No. 33-SF (as amended and supplemented dated July 28, 2023 No. 548-SF) "On the regulations of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collection of Russian Legislation Federation. 2002. No. 7. Art. 635; 2023. No. 32. (Part II) Art. 6334.
12. Explanatory dictionary of S.I. Ozhegova. https://dic.academic.ru/diogegova/88066
13. Nikonova L.I. Constitutional innovations: advisory powers of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia. *Law and state in the modern world: status, problems, development trends*: Materials of the international scientific and theoretical conference - VII International "Maltsev readings". Belgorod, 2021
14. Kotova A.S. Political and legal status of the President of the Russian Federation in the light of the constitutional reform of 2020. *Issues of Russian justice*. 2023. No. 26: 43-55. (In Russ.)
15. Federal Law of April 15, 1998 No. 64-FZ "On cultural values moved to the USSR as a result of the Second World War and located on the territory of the Russian Federation". *Collection of legislation of the Russian Federation.* 1998. No. 16. Art. 1799. (In Russ.)
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/06/1998 No. 11-P "In the case of resolving a dispute between the Federation Council and the President of the Russian Federation, between the State Duma and the President of the Russian Federation on the obligation of the President of the Russian Federation to sign the adopted federal law "On cultural values moved to Union of Soviet Socialist Republics as a result of the Second World War and located on the territory of the Russian Federation". *Collection of legislation of the Russian Federation.* 1998. No. 16. Art. 1879. (In Russ.)
17. Bill No. 122473-3 "On introducing amendments and additions to the Federal Law "On Precious Metals and Precious Stones" // System for supporting legislative activities; URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/122473-3
18. Bill No. 978471-7 "On amendments to Article 57 of the Law of the Russian Federation "On the Mass Media" and Articles 12 and 13 of the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" // https://sozd.duma.gov.ru/bill/978471-7 (date of access: 02/18/2024)
19. Dzidzoev R.M. Annual reports of the Government of the Russian Federation on the results of activities as a form of parliamentary control // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2016. V. 3. No. 2-3: 25-31. (In Russ.)
20. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 22, 1998 No. 2134 II GD (as amended and supplemented by No. 5106-8 GD dated November 14, 2023) "On the regu-

lations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collection of legislation Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 801; 2023. No. 47. Art. 8350.
21. Tyazin E.N., Kochnev A.S. Impeachment of the President of the United States and removal from office of the President of the Russian Federation: comparative characteristics. *Symbol of Science: international scientific journal*. 2016. No. 7-2(19):132-137. (In Russ.)
22. Vitruk N.V. Law, democracy and personality in the constitutional dimension: (history, doctrine and practice). Selected works (1991-2012). M.: Norma, 2012. 688 p.
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 17, 2021 No. 19-P "In the case of verifying the constitutionality of Part 1.1 of Art. 7 of the Federal Law "On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets" and Part 2 of Art. 20.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizen I.A. Nikiforova". *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 22. Art. 3912. (In Russ.)
24. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 21, 2022 No. 56-P "In the case of verifying the constitutionality of clause 2, part 1, art. 10 of the Federal Law "On additional measures of state support for families with children" in connection with the complaint of citizen A.A. Drobkova". *Collection of legislation of the Russian Federation.* 2023. No. 1 (part III). Art. 496. (In Russ.)
25. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2023 No. 35-P "In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 1 of Art. 152 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph. 2 of the Decree of the Government of the Russian Federation "On the minimum amount of increase in wages for work at night" in connection with the complaint of citizen S.A. Ivanichenko"; URL: https://www.garant.ru (date accessed 02/21/2024)
26. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 8, 2022 No. 47-P "In the case of verifying the constitutionality of paragraph 37 of the Rules for the collection, calculation, payment and collection of recycling fees in relation to self-propelled vehicles and (or) trailers for them, as well as the return and offset of overpaid or overcharged amounts of this fee in connection with the complaint of the limited liability company Traktorodetal Group. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 46. Art. 8107. (In Russ.)
27. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 14, 1992 No. 1-P "On the case of verifying the constitutionality of the Decree of the President of the RSFSR of December 19, 1991 "On the formation of the Ministry of Security and Internal Affairs of the RSFSR" // Garant. RU.URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12011601/(access date 02.21.2024)
28. Markhgeym M.V. Public law and order of the Russian Federation: the constitutional outline of a new landmark. *Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics*. 2022. No. 3 (103):24-31. (In Russ.)

Информация об авторе

Л.И. Никонова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института

Information about the author

L.I. Nikonova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 347.51

Доктрина снятия корпоративной вуали в гражданском праве

© Энговатова К.О., 2024

Кристина Олеговна Энговатова
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. 79885491762@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в различных правовых системах. Приведен анализ возможной имплементации указанной доктрины в российское законодательство, а также рассмотрены конкретные случаи ее использования в правоприменительной практике. Подчеркивается важность формирования нормативных положений в Гражданском кодексе Российской Федерации, которые могли бы преодолеть ограничения, связанные с принципом ограниченной ответственности, и обеспечить эффективную борьбу со злоупотреблениями в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: снятие корпоративной вуали, ограниченная ответственность, имущественная ответственность, контролирующее лицо, фактический контроль, банкротство, злоупотребление в корпоративных отношениях

Для цитирования: Энговатова К.О. Доктрина снятия корпоративной вуали в гражданском праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С.87-91

Original article

The doctrine of "piercing the corporate veil" in the civil law

Kristina O. Engovatova
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. 79885491762@ya.ru

Abstract. The article examines the issue of the formation of the doctrine of "piercing the corporate veil" in various legal systems. An analysis of the possible implementation of this doctrine in Russian legislation is carried out, and specific cases of its use in law enforcement practice are also considered. The importance of developing regulations in the Civil Code of the Russian Federation that could overcome the limitations associated with the principle of limited liability and ensure an effective fight against abuses in corporate relations is emphasized.

Keywords: piercing the corporate veil, limited liability, property liability, controlling person, actual control, bankruptcy, abuse in corporate relations

For citation: Engovatova K.O. The doctrine of "piercing the corporate veil" in the civil law. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2024. No4 (167): 87-91 (In Russ.)

Конструкция юридического лица, основанная на общих принципах ограниченной ответственности его учредителей (участников) и самостоятельной правосубъектности, небезосновательно является одним из фундаментальных достижений в области правовой науки и ключевым фактором, способствующим экономическому прогрессу. В свою очередь, в определенных обстоятельствах эта конструкция может быть использована недобросовестными участниками в качестве инструмента для обхода законодательства, уклонения от выполнения обязательств или обмана кредиторов.

Правовым инструментом противодействия потенциальным противоправным явлениям российского правопорядка, а именно, использование конструкции юридического лица исключительно с целью причинения вреда другим участникам гражданского оборота явилось научно-теоретическое осмысление, а также попытка нормативного закрепления доктрины, широко известной в зарубежных правопорядках под названием «снятие корпоративной вуали». Эта доктрина предполагает, что в определенных обстоятельствах ответственность юридического лица по его обязательствам может быть возложена на его акционеров или иных контролирующих лиц, невзирая на нормы закона об ограниченной ответственности акционеров и т. д. [1].

Существование указанной доктрины в качестве исключения из фундаментальных принципов самостоятельной правосубъектности юридического лица предполагает отождествление контролирующего лица с контролируемой им корпорацией. Следствием указанного подхода, при наличии поименованных в законодательстве оснований и условий, является привлечение контролирующих должника лиц к имущественной ответственности по обязательствам корпорации.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» – это относительно новый элемент правовой системы, в особенности для российского законодательства. Основу этой доктрины составляют отдельные научные исследования специалистов в этой области, которые основываются на анализе судебной практики и результатах зарубежного опыта.

История доктрины «снятии корпоративной вуали» начинается со знаменитого дела Salomon v A. Salomon & Co Ltd в 1897 году. В данном деле обувной мастер А. Саломон продал свои акции компании «Саломон», где он был акционером, по невероятно высокой цене для того времени. Когда компания обанкротилась и кредиторы попытались взыскать долги с А. Саломона как акционера, Совет лордов (ныне Верховный суд Англии) установил принцип автономности и независимости юридического лица как самостоятельного субъекта хозяйственного оборота. Это решение подчеркнуло важность защиты прав кредиторов от злоупотреблений со стороны акционеров и создало предпосылки для дальнейшего развития доктрины «снятия корпоративной вуали».

Началом развития и теоретического осмысления доктрины «снятия корпоративной вуали» стали решения американских и английских судов в конце XIX – начале XX веков. Название доктрины связано с американским ученым Морисом Уормсером, который в 1912 году опубликовал статью под названием «Piercing the Veil of Corporate Entity» в журнале Columbia Law Review [2]. Уормсер выступал за применение доктрины «пробивания корпоративной завесы» в ситуациях, когда юридическое лицо является «альтер эго» своих акционеров, представляя собой продолжение их личности и используется для удовлетворения личных, включая противоправные, интересов.

В отечественном законодательстве доктрина «снятия корпоративной вуали» остается не закрепленной. Однако разработчики Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 года намеревались заполнить этот законодательный пробел, предложив усилить гражданско-правовую ответственность лиц, управляющих юридическим лицом, за его обязательства, независимо от наступления несостоятельности. Это указывает на стремление сделать российское законодательство более гибким и адаптированным к современным вызовам в области корпоративного управления и защиты прав кредиторов.

В соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона №47538-6, целью которого было внесение изменений в Гражданский кодекс РФ, включая введение статей 53.3 и 53.4, определяющих понятие лиц, контролирующих юридическое лицо, а также установление солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего общества [4]. Однако изложенные в проекте статьи не вошли в текст ГК РФ, что было обусловлено как концептуальными, так и юридико-техническими недостатками предложенных норм.

В проекте Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 05.04.2018 года была предпринята попытка реанимировать идею введения универсальных норм об ответственности контролирующих лиц в отношении любых юридических лиц и их участников, предложены новые редакции статей 53.3 и 53.4 ГК РФ [5]. Тем не менее данный проект принят не был.

Судебные решения, в которых применяется доктрина «снятия корпоративной вуали», показывают несистематических характер применения. В доктрине отсутствует консенсус относительно сути концепции «снятия корпоративной вуали», что усложняет ее применение. В то же время использование этой доктрины как юридического инструмента для предотвращения злоупотребления правом на управление юридическим лицом со стороны контролирующих ее лиц требует системного подхода. Для эффективного применения доктрины «снятия корпоративной вуали» требуется глубокое теоретическое обоснование.

А. А. Иванов, бывший председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и сторонник доктрины «снятия корпоративной вуали», подчеркивал значение интеграции этой концепции в российскую арбитражную практику, утверждая, что это будет ещё одним значимым шагом на пути к повышению социальной ответственности бизнеса [1]. С другой стороны, Е. А. Суханов высказывал сомнения в необходимости массового внедрения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российскую практику, утверждая, что каждый случай её применения уникален и что в России бизнес обычно использует корпоративные щиты как средство защиты, что в конечном итоге прекратится, и, следовательно, приведет к уменьшению необходимости в применении этой доктрины [6].

В российской судебной практике доктрина «снятия корпоративной вуали» впервые была упомянута в решении Президиума Верховного Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 2012 года, в ходе рассмотрения дела № А40-21127/11-98-184 в отношении АО «Парекс банк». Суд установил, что реальная предпринимательская деятельность в России осуществляется через аффилированные лица, что подчеркнуло важность признания ответчиков, формально не связанных с должником, как основных участников в его экономической деятельности [7]. Это решение подчеркнуло актуальность доктрины и ее значение в контексте российского законодательства, подтвердив, что ответственность за обяза-

тельства юридического лица может распространяться на аффилированные лица, что соответствует принципам «срывания корпоративной вуали».

Это решение ВАС РФ отразило признание важности доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве, подтвердив применение этого принципа в решении конкретных дел. Суд также сделал ссылку на практику Суда справедливости Европейского союза, что подчеркнуло международный контекст и влияние данной доктрины на судебную практику не только в России, но и в других юрисдикциях [8].

Таким образом, решение ВАС РФ от 24 апреля 2012 года по делу № А40-21127/11-98-184 в отношении АО «Парекс банк» стало значимым шагом в признании и применении доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском судебном праве, подчеркнув ее актуальность и важность для защиты интересов кредиторов и общества в целом.

Аналогичный термин «срывание корпоративной вуали» использовался Европейским судом по правам человека ещё при рассмотрении жалоб № 11082/06 и 13772/05 по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» в 2013 г. [9]. Позднее Президиум ВАС РФ в Информационном письме от 9 июля 2013 г. № 158 подтвердил позицию, выработанную в вышеупомянутом деле, подчеркнув важность применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российской судебной практике [10].

В российском законодательстве существуют механизмы, которые условно можно было бы назвать «процедурой снятия корпоративной вуали» (глава III.2 Закона о банкротстве [11], ст. 53.1 ГК РФ [12]).

При этом ст. 53.1 ГК РФ регулирует только корпоративные отношения, возникающие между юридическим лицом, контролирующими его лицами и участниками, в случае причинения предприятию убытков.

Эта статья имеет ограниченную область применения и обеспечивает защиту от недобросовестных действий аффилированных лиц только для самого предприятия и его владельцев. Кредиторы, чьи права были нарушены этими действиями, не могут привлечь руководство компании к субсидиарной ответственности, полагаясь на нормы ст. 53.1 ГК РФ, а их требования могут быть удовлетворены только за счет имущества организации. Таким образом, концепция «снятия корпоративной вуали» в полной мере не реализована в ст. 53.1 ГК РФ.

В контексте развития доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском законодательстве особенное внимание стоит уделить главе III.2 Закона о банкротстве, согласно которой владельцы компании могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в деле о банкротства.

Этот аспект законодательства отличается от правил, установленных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ, которая регулирует корпоративные отношения в случае наступления убытков. В то время как статья 53.1 ограничивает защиту имуществом организации и ее участников, глава III.2 Закона о банкротстве расширяет сферу ответственности, включая кредиторов, что полностью соответствует духу и смыслу доктрины «снятия корпоративной вуали».

Таким образом, в российском законодательстве наблюдается постепенное расширение механизмов для защиты прав кредиторов и общества от злоупотреблений со стороны корпоративных структур, что является важным шагом в направлении усиления социальной ответственности бизнеса.

Ярким примером применения доктрины «снятия корпоративной вуали» является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 г. № 308-ЭС17-6757 (2,3) по делу № А22-941/2006. В этом решении суд расширил круг лиц, непосредственно ответственных за финансовые обязательства компании, включая бенефициаров – банк и компанию HSBC Management. Несмотря на то, что эти лица формально не были юридически связаны с должником, они предоставляли указания по перечислению денежных средств со счетов организации, что в конечном итоге привело к ее банкротству [13].

Не менее показательно определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 г. № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014. В этом определении суд признал ответственными за обязательства юридического лица лиц, не обладавших формальными признаками прямого контроля над должником, но имевших право распоряжаться основными средствами компании через свое участие в других корпоративных структурах [14].

Эти определения демонстрируют, как доктрина «снятия корпоративной вуали» может быть применена для защиты интересов кредиторов и общества в целом, даже когда субъекты, непосредственно ответственные за обязательства, скрыты за сложной корпоративной структурой.

В контексте борьбы со злоупотреблениями в корпоративных отношениях Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 16 декабря 2019 года в деле №А04-7886/2016 внесла решающее изменение, расширив возможности привлечения к ответственности наследников владельцев и руководителей предприятий. Это определение подчеркивает новый этап в применении доктрины «снятия корпоративной вуали», позволяя судам привлекать к ответственности не только лиц, непо-

средственно участвующих в управлении компанией, но и тех, кто может оказывать влияние на ее деятельность через наследственные или иные связи. Таким образом, определение расширяет спектр лиц, которые могут быть признаны ответственными за обязательства юридического лица, что способствует усилению контроля за корпоративной деятельностью и защите прав кредиторов и общества в целом [15].

Таким образом, несмотря на то что доктрина «снятия корпоративной вуали» не была четко сформулирована законодателем, она получает всё более широкое распространение и развитие, а количество дел, в которых она успешно применяется, неизменно растёт. А вследствие установления Верховным Судом РФ права привлекать к ответственности не только прямое руководство компаний, но и реальных владельцев бизнеса, прежде надёжно скрытых за той самой вуалью, увеличивается и количество дел о привлечении к ответственности конечных бенефициаров. По нашему мнению, существует необходимость в дополнении положений Гражданского кодекса Российской Федерации, который является фундаментальным документом для регулирования гражданско-правовых отношений, нормами, позволяющими преодолеть принцип ограниченной ответственности и ввести эффективные механизмы для борьбы со злоупотреблениями в корпоративных отношениях.

Список источников

1. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 80-125.
2. Wormser I. Piercing the Veil of Corporate Identity // Columbia Law Review. 1912. Vol. 12. P. 496 - 518.
3. Концепция развития гражданского законодательства в Российской Федерации от 07.10.2009 одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ, 2009. № 11.
4. Проект Федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 05.04.2018) // СПС «Консультант Плюс».
6. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
7. Постановление Президиума ВАС РФ № 16404/11 от 24.04.2012 г. по делу № А40-21127/11-98-184 // СПС «Консультант Плюс».
8. Европейский суд справедливости. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 9 December 1987. SAR Schotte GmbH v Parfums Rothschild SARL. Case 218/86 // European Court reports. 1987.
9. Постановление по делу Ходорковского и Лебедева против Российской Федерации (жалобы № 11082/06 и 13772/05) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2015. №1. С. 4-140.
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц») // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «Консультант Плюс».
12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 г. № 308-ЭС17-6757 (2,3) по делу № А22-941/2006 // СПС «Консультант Плюс».
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 г. № 307-ЭС17-11745(2) по делу № А56-83793/2014 // СПС «Консультант Плюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16.12.2019 г. №303-ЭС19-15056 по делу №А04-7886/2016 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Budylin S.L., Ivanets Yu.L. Tearing off the covers. The doctrine of piercng the corporate veil in foreign countries and in Russia. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013. No. 7: 80-125 (In Russ.)
2. Wormser I. Piercing the Veil of Corporate Identity. *Columbia Law Review*. 1912. Vol. 12: 496 - 518.

3.The concept of the development of civil legislation in the Russian Federation dated 07.10.2009 was approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009. No. 11. (In Russ.).
4. Draft Federal Law No. 47538–6 "On amendments to parts one, two and four of the Civil Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation". Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
5. Draft Federal Law "On Amendments to Chapter 4, Part One of the Civil Code of the Russian Federation (in terms of determining controlling and controlled persons and their responsibility)" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text according to as of 04/05/2018). Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
6. Sukhanov E.A. Comparative corporate law. M.: Statute, 2014. 456 p. (In Russ.)
7.Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 24.04.2012 No. 16404/11 on case No. A40–21127 // 11–98–184. Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
8. European Court of Justice. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 9 December 1987. SAR Schotte GmbH v Parfums Rothschild SARL. Case 218/86 // European Court reports. 1987. (In Russ.).
9. Resolution in the case of Khodorkovsky and Lebedev against the Russian Federation (complaints No. 11082/06 and 13772/05). *Russian Chronicle of the European Court*. Supplement to the Bulletin of the European Court of Human Rights. Special issue. 2015. No. 1. pp. 4-140 (In Russ.).
10. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 158 (together with the "Review of judicial practice on certain issues related to the consideration by arbitration courts of cases involving foreign persons"). Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
11. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on August 04, 2023). Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
12. Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. (In Russ.).
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/06/2018 No. 308-ES17-6757 (2.3) in case No. A22-941/2006. Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
14. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 7, 2019 No. 307-ES17-11745(2) in case No. A56-83793/2014. Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).
15. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 16, 2019 No. 303-ES19-15056 in case No. A04-7886/2016. Consultant Plus. Judicial practice. (In Russ.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 347.67

Правовая сущность наследования по закону

© М.А. Яглинская, Т.В. Епифанова, 2024

Яглинская Марина Александровна[1], Епифанова Татьяна Владимировна[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
[1] Extreme91.91@mail.ru
[2] rostovshell@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуется правовая сущность наследования по закону. Рассматривается категория наследования по закону с экономических и правовых позиций. Проанализированы российские правовые нормы, устанавливающие основы отечественной системы наследования по закону. Затронуты коллизионные вопросы наследования с иностранным элементом.

Ключевые слова: наследование, собственность, наследственное правопреемство, международное наследование, коллизионное регулирование

Для цитирования: Яглинская М.А., Епифанова Т.В. Правовая сущность наследования по закону // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.92-95

Original article

The legal nature of inheritance by law

© M.A. Yaglinskaya, T.V. Epifanova, 2024

Yaglinskaya Marina A.[1], Epifanova Tatiana V.[2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] Extreme91.91@mail.ru
[2] rostovshell@mail.ru

Abstract. This article examines the legal essence of inheritance by law. The category of inheritance by law is considered from an economic and legal perspective. The Russian legal norms that establish the foundations of the domestic system of inheritance by law are analyzed. The conflicting issues of inheritance with a foreign element are touched upon.

Keywords: inheritance, property, hereditary succession, international inheritance, conflict of laws regulation.

For citation: Yaglinskaya M.A., Epifanova T.V. The legal nature of inheritance by law. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2024. No4 (167):92-95 (In Russ.)

В современном мире наследование по закону выступает в качестве необходимого правового института, обусловливающего возможность при прекращении у физического лица в связи со смертью имущественных прав и обязанностей их передачу иным лицам, преимущественно состоящим в родстве с наследодателем, в порядке правопреемства. Особенное значение данный институт приобретает в связи с продолжающейся Специальной военной операцией и имеющей место в связи с этим гибелью военнослужащих и мирных жителей из новых субъектов Российской Федерации.

При этом наследование по закону выступает одним из ключевых механизмов перехода прав собственности на имущество гражданина, который умер или объявлен таковым судом, к наиболее близким наследодателю людям. Конституция РФ в ч. 4 ст. 35, посвященной праву частной собственности граждан, указывает на то, что право наследования гарантируется. В научной литературе также подчеркивается тесная взаимосвязь институтов наследования и частной собственности [1].

На протяжении всей своей богатой истории Россия находилась в неустойчивом состоянии наследственных начал, также был не определён характер наследования, имелись колебания между исконно славянскими порядками и византийскими положениями. Традиционно наследование по закону на Руси имело первостепенное значение. Русская правда (XI в.) хоть и допускала наследование по закону и завещанию, но при этом завещание служило всего лишь способом перераспределения имущества среди наследников по закону [2]. Далее в имперский период существования России законодательство о наследовании сложилось в отдельный институт, предусматривающий закон и завещание в качестве двух самостоятельных оснований наследования. Впоследствии в России сложилась отечественная система наследования, базирующаяся на приоритетном значении завещания как инструмен-

та передачи прав собственности на имущество исходя из волеизъявления наследодателя, сделанного им при жизни. Вместе с тем наследование по закону, сохранившись в нынешней системе рыночного хозяйствования, не утратило своего важного значения как один из важнейших способов передачи в порядке правопреемства права собственности, иных имущественных прав и обязанностей, создающего условия для защиты имущественных интересов семьи и иждивенцев наследодателя [3].

Итак, в целом, наследование по завещанию создает предпосылки для справедливого распределения имущественных прав и обязанностей от умершего лица к его потомкам и иным близким родственникам. Однако экономическая сущность наследования гораздо более сложна и многогранна.

Первым и наиболее очевидным экономическим аспектом наследования является передача финансовых активов. Это включает деньги, недвижимость, ценные бумаги и другую имущественную собственность, которая может обладать значительной стоимостью.

Таким образом, наследование имущества оказывает прямое воздействие на экономическое положение наследников. М.С. Абраменков пишет: «Наследственное имущество … рассматривается как совокупность всех активов и пассивов умершего. Экономический оборот требует, чтобы и после смерти должника его долговые обязательства сохранялись – по крайней мере, те из них, которые не связаны тесно с его личностью» [4]. Кроме того наследование – фактор для гражданина накапливать имущество при жизни, для того чтобы его близкие получили его в порядке наследования после его смерти. Гражданин в большей степени будет склонен к приобретению и накоплению имущества, если будет знать, что его получат наиболее близкие ему люди. Имущество завещателя может быть поделено между его наследниками в соответствии с его пожеланиями [5]. От такого усиления личной производительности выигрывает экономически все общество.

При этом повышение производительности труда особенно востребовано в ситуации естественной убыли населения, имеющей место в настоящее время в России. Прогноз по данному вопросу также негативный. Если обратиться к официальной статистике, приводимой Росстатом, даже высокий прогнозируемый вариант изменений численности населения предполагает его убыль. Так, в 2024 году естественная убыль будет составлять 499,9 тыс. человек при самом благоприятном прогнозе, при среднем - 675,1 тыс. человек, а при неблагоприятном – 719,7 тыс. человек, поскольку смертность по прогнозу Росстата будет выше рождаемости. Более того, такая ситуация будет наблюдаться в ближайшие 10 лет (Таблица 1).

Таблица 1. Изменение численности населения по результатам прогноза (тыс. чел., с учетом переписи населения 2020 г., по данным Росстата [6])

Год	Низкий вариант прогноза		Средний вариант прогноза		Высокий вариант прогноза	
	население на начало года	естественный прирост	население на начало года	естественный прирост	население на начало года	естественный прирост
2024	145996,7	-719,7	146079,7	-675,1	146284,5	-499,9
2025	145441,7	-788,8	145631,8	-693,2	146099,9	-504,9
2026	144813,9	-823,5	145159,3	-702,8	145923,2	-504,0
2027	144148,9	-847,3	144672,2	-703,0	145758,9	-492,5
2028	143458,6	-859,3	144181,3	-684,4	145616,1	-466,1
2029	142755,4	-871,9	143709,1	-666,3	145511,1	-428,5
2030	142038,8	-885,7	143255,2	-652,6	145455,3	-382,2
2031	141307,9	-894,4	142815,3	-638,4	145455,4	-341,2
2032	140567,7	-900,7	142391,5	-617,2	145506,3	-298,2
2033	139820,9	-901,2	141989,2	-583,1	145604,2	-236,4
2034	139073,3	-899,8	141621,3	-557,5	145766,4	-178,0

По данным Росстата за 2022 год в целом по Российской Федерации естественный прирост населения составил минус 594557 человек, то есть наблюдается естественная убыль населения. В таких условиях эффективно работающий институт наследования по закону приобретает особенно важное значение.

Кроме того, наследование имущества может влиять на экономическую стабильность и развитие общества в целом. Так, наследование имущества может стать фактором, влияющим на инвестиционную активность наследников. Получение наследства может позволить наследникам создать собственные бизнесы, вложить деньги в инвестиционные проекты или осуществить другие предпринимательские действия. Таким образом, наследование имущества стимулирует инвестиционную активность и способствует экономическому росту.

Важно отметить, что экономическая сущность наследования также связана с налогообложением и финансовыми потоками. Налогообложение наследования играет значительную роль в формировании бюджета государства и может оказывать влияние на распределение финансовых ресурсов. Также наследование может быть связано с появлением дополнительных расходов на наследственные транзакции, юридические услуги и другие сопутствующие процессы.

Юридически в России возможность наследовать и завещать свое имущество закреплена в ст. 18 Гражданского кодекса РФ как элемент правоспособности физического лица. Основные положения, непосредственно регулирующие наследственные правоотношения, содержатся в разделе V Гражданского кодекса РФ, где отдельная глава посвящена регламентации передачи наследственного имущества по закону.

Особое значение имеет институт международного наследования по закону с участием граждан стран СНГ. Под международным наследованием следует понимать отношения по наследственному правопреемству с участием иностранного элементом, подлежащие урегулированию нормами национального и международного права.

Соответственно, наличие в наследственном правоотношении иностранного элемента предопределяет постановку коллизионного вопроса от том, какой правопорядок будет применен к данным отношениям в конкретной ситуации и какой суд компетентен рассматривать споры, вытекающие из конкретного отношения по международному наследованию. При этом законодательства различных государств по-разному определяют порядок и основания наследования. Вместе с тем, как справедливо замечают некоторые авторы, «практически во всех странах иностранцы пользуются национальным режимом в сфере наследственных прав, хотя в некоторых случаях и некоторых странах не исключается применение принципа взаимности» [7].

Для граждан стран СНГ в ст. 44 Минской конвенции СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» был установлен национальный режим наследования: «граждане каждой из Договаривающихся Сторон могут наследовать на территориях других Договаривающихся Сторон имущество или права по закону или завещанию на равных условиях и в том же объеме, как и граждане данной Договаривающейся Стороны» [8].

Законоположения Минской Конвенции были восприняты и дополнены нормами принятой позднее Кишиневской Конвенции [9], которая в конце 2021 года ратифицирована Россией с оговорками. В ст. 37 Кишиневской Конвенции также провозглашен принцип равенства наследования: «Граждане каждой из Договаривающихся Сторон могут наследовать на территориях других Договаривающихся Сторон имущество или права по закону или по завещанию на равных условиях и в том же объеме, как и граждане данной Договаривающейся Стороны».

Таким образом, в странах СНГ действует общее правило, предоставляющее национальный режим всем гражданам СНГ при наследовании.

Обобщая вышесказанное, отметим, что экономическая сущность наследования представляет собой сложный и многогранный процесс, который влияет на финансовую, социальную и экономическую жизнь общества. Понимание этой сущности является важным фактором для разработки эффективных правовых механизмов регулирования наследственных отношений. При этом институт наследования по завещанию в современных рыночных условиях по-прежнему остается необходимым правовым средством обеспечения перехода имущества умершего к его близким. Правовые основы регулирования наследственных отношений предусмотрены как в национальном законодательстве, так и в международных актах, к которым Россия присоединилась. В частности, важнейшим источником сейчас выступает Кишиневская Конвенция стран СНГ.

Список источников

1. Скворцова Т.А., Працко Г.С. Сущность и основания наследования в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 9(160). С. 105-108.
2. Наследственное право по Русской Правде: порядок наследования по закону различными категориями населения // URL: https://webkonspect.com/?room=profile&id=5303&labelid=41878
3. Скворцова Т.А., Клименко Ю.С. Сущность наследования и наследственного правоотношения / Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина: материалы IV Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 10–11 декабря 2021 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2022. С. 99-102.
4. Абраменков М.С. Понятие и сущность наследования // Наследственное право. 2015. № 1. С. 3-6.
5. Зеленая У., Каплун И., Самарина О. С кем придется разделить наследство в 2022 году, несмотря на наличие завещания // Жилищное право. 2022. № 2. С. 41-53.
6. Федеральная служба государственной статистики // URL: https://view.officeapps.live.com/
7. Мухамедьянова Л.Р., Сулейманов Ф.М. Правовое регулирование наследственных отношений в меж-

дународном частном праве / Неделя науки и технологий: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (12-16 апреля 2021 г.), г. Сибай / Отв. ред. Я.Т. Суюндуков. Сибай: Сибайский информационный центр – филиал ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан», 2021. С. 67-68.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // URL: http://pravo.gov.ru, 27.06.2023

References

1. Skvortsova T.A., Pratsko G.S. The essence and foundations of inheritance in the Russian Federation. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2023, No. 9(160):105-108. (In Russ)
2. Inheritance law according to the Russian Truth: the order of inheritance by law by various categories of the population // URL: https://webkonspect.com/?room=profile&id=5303&labelid=41878 (In Russ)
3. Skvortsova T.A., Klimenko Y.S. The essence of inheritance and hereditary legal relations. In: The Constitution of the Russian Federation as a guarantor of human and civil rights and freedoms: materials of the IV All-Russian National Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, December 10-11, 2021. Rostov-on-Don, Rostov State University of Railway Engineering, 2022. Pp. 99-102. (In Russ)
4. Abramenkov M.S. The concept and essence of inheritance. Inheritance law. 2015. No. 1: 3-6. (In Russ)
5. Zelenaya U., Kaplun I., Samarina O. With whom you will have to share the inheritance in 2022, despite the existence of a will. *Housing law*. 2022, No. 2: 41-53. (In Russ)
6. Federal State Statistics Service. URL: https://view.officeapps.live.com/ (In Russ)
7. Mukhamedyanova L.R., Suleymanov F.M. Legal regulation of hereditary relations in private international law. *Week of Science and Technology: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation* (April 12-16, 2021), Sibai, Ed. by Ya.T. Suyundukov. Sibai, Sibai Information Center – branch of the State Unitary Enterprise RB Publishing House "Republic of Bashkortostan", 2021. Pp. 67-68. (In Russ)
8. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Concluded in Minsk on 01/22/1993) (as amended on 03/28/1997). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 17. Art. 1472. (In Russ)
9. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Concluded in Chisinau on 07.10.2002). http://pravo.gov.ru (In Russ)

Информация об авторах

М.А. Яглинская – аспирант кафедры гражданского права
Т.В. Епифанова – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

M.A. Yaglinskaya – Postgraduate Student of the Department of Civil Law
T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343

Проблемы использования информационных технологий в расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве

© Бабенко С.В., Семенцова И.А., Пухкалова М.О., 2024

Светлана Владимировна Бабенко [1], Ирина Анатольевна Семенцова [2], Марина Олеговна Пухкалова [3]
[1] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. babenkoosokina@yandex.ru
[2] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону; Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[3] Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. mop_76@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена проблемам использования информационных технологий в расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве. Рассматривается актуальность использования современных технологий для выявления, анализа и идентификации цифровых доказательств, а также возникающие при этом трудности и ограничения.

Ключевые слова: цифровое пространство, расследование преступлений, информационные технологии, уголовное право, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Бабенко С. В., Семенцова И. А., Пухкалова М. О. Проблемы использования информационных технологий в расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.96-99

Original article

Problems of using information technologies in the investigation of crimes committed in the digital space

© Babenko S.V., Sementsova I.A., Pukhalova M.O., 2024

Babenko Svetlana V.[1], Sementsova Irina A.[2], Pukhkalova Marina O.[3]
[1] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. babenkoosokina@yandex.ru
[2] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice; Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru
[3] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. mop_76@mail.ru

Abstract. This work considers the problems of using information technologies in the investigation of crimes committed in the digital space. The relevance of using modern technologies for detection, analysis and identification of digital evidence, as well as the difficulties and limitations that arise with such technologies, are studied.

Keywords: digital space, crime investigation, information technology, criminal law, criminal proceedings

For citation: Babenko S. V., Sementsova I. A., Pukhalova M. O. Problems of using information technologies in the investigation of crimes committed in the digital space. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):96-99 (In Russ.)

В общей картине расследования преступлений большое значение имеет «следственная ситуация» - первостепенное составляющее для основы расследования, на которой можно выдвигать следственные версии и строить основные направления для будущей следственной работы.

Следственные ситуации и происходящие из этого следственные версии имеют в каждом конкретном случае свои специфические черты, обусловленные предметом, методами и способами расследования, которые в том или ином случае часто имеют индивидуально-направленный характер по отношению к совершенному деянию.

Однако, несмотря на специфическую категорию преступлений, к которым можно отнести и преступления в сфере компьютерной информации, расследование важно начинать с осмотра места происшествия, что позволит собрать максимальное количество доказательств и определить широкий круг вопросов, которые определяются в самую первую очередь и в самое ближайшее время после совершения преступного посягательства.

Помимо непосредственного осмотра и изъятия следов со средств вычислительной техники, следователю также важно охватить своим вниманием и многие другие факторы, изучение которых поспособствует раскрытию преступления. В частности, если рядом с осматриваемым устройством, предположительно являющемся объектом посягательства, находятся какие-либо документы, то их необходимо изучить и при необходимости зафиксировать имеющуюся там информацию.

Помимо изучения сторонних предметов и документов следователь также обязан установить круг субъектов, имевших и имеющих доступ к необходимым для совершения преступлений устройствам. Особенное значение данный факт имеет в том случае, если установлено, что преступление совершено с конкретного компьютерного устройства или с конкретного IP-адреса.

После этого следователь опрашивает всех лиц, которые знают пароли и коды от технических устройств. Это необходимо, в первую очередь, затем чтобы уже сам следователь имел доступ к содержимому устройства, с которого было совершено криминальное вмешательство в информационную безопасность других субъектов информационного взаимодействия. Важность проведения данного опроса заключается в том, что такая беседа производится до начала производства осмотра [1, с.146].

Нередки случаи, когда потерпевший осознанно или нет своими активными или пассивными действиями препятствует расследованию. Мотивы такого поведения варьируются от нежелания доверять правоохранительным органам до банального и необоснованного опасения самому быть привлеченным к ответственности за те или иные действия, осуществляемые в сети [2, с.18].

Для достижения целей расследования считаем необходимым осуществлять повсеместное привлечение к расследованию компьютерных преступлений специалистов в данной сфере. Однако действующее отраслевое законодательство в настоящее время очень сдержанно подходит к возможности привлечения указанных специалистов, а порой даже и не предусматривает подобного участия, и осмотр места происшествия проводится без специалиста, что влечет за собой в дальнейшем очень большие пробелы в расследовании. Данное нововведение должно являться одним из существенных нововведений в уголовное процессуальное законодательство и, в частности, в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Помимо привлечения специалиста также немаловажным является и участие понятых при проведении некоторых следственных действий на месте происшествия. Уголовное судопроизводство не предъявляет каких-либо требований к понятым, за исключением того, что это должны быть вменяемые граждане, понимающие ход происходящего на месте проведения следственного действия. Однако если по объективным причинам невозможно обеспечить участие понятых (безлюдная промышленная зона, позднее время суток), то ход следственного действия в таком случае может фиксироваться с помощью технических средств (видеосъемка и аудиозапись).

Следователь также должен проводить предварительную подготовку к предстоящей работе путем наличия возможности иметь программные устройства, позволяющие считать и скопировать необходимую информацию [3, с.164].

Что касается изъятия технических устройств самого потерпевшего, в отношении которых можно четко определить, что именно с этого устройства осуществлялось преступное вмешательство, то порядок проведения такого следственного действия подотчетен, в первую очередь, лицу, владеющему (осуществляемому господство) над данной вещью. То же самое касается изъятия не только самого устройства, но и при необходимости содержащейся там информации – по общему правилу, потерпевший, являющийся законным владельцем компьютерного устройства, самостоятельно выступает с ходатайством об изъятии электронных данных.

Существуют методические рекомендации, согласно которым в случае наличия оперативной необходимости изучения дополнительных данных, содержащихся на компьютерном устройстве, и невозможности скопировать данные на месте происшествия следователь может изъять устройство для дальнейшего его отдельного изучения вместе со специалистами в области компьютерной информации.

Особое значение имеет правильная фиксация каждого этапа работы следствия по делу – протоколирование. Если в ходе проведения следственных действий происходит изъятие предметов и устройств, данные предметы и устройства должны быть надежны упакованы и не подвергаться повреждениям.

В случае если следствие по делу продвинулось с первоначальных стадий построения и проверки следственных версий и у правоохранительных (следственных) органов имеются основания подозревать лицо в причастности к совершению преступления, то может производиться законное задержание

лица. Задержание не может быть произвольным и от того беззаконным. Это означает, что лицо может быть подвергнуто задержанию только при наличии весомых оснований для подозрений, наличия выявленных мотивов и побуждающих факторов для совершения противоправного деяния и сформированной доказательственной базы.

В случаях, когда отсутствуют прямые доказательства по делу, особое значение должно уделяться тактике допроса подозреваемого, а именно, прежде чем начинать допрос, необходимо собрать максимально полные сведения о личности допрашиваемого, что будет иметь положительные последствия для раскрепощения подозреваемого, находящегося на допросе, выявления его слабых и сильных мест, что может сыграть весомую роль при проведении допроса. Также большое внимание необходимо уделять построению конкретных вопросов, выбирать наиболее удачные формулировки вопроса, не позволяющие подозреваемому односложно отвечать на поставленные перед ним вопросы, иметь возможность и даже строгую необходимость разговориться, и в процессе разговора волей или не волей выдать всю необходимую следствию информацию. В случае с компьютерными деяниями, большое значение имеет предварительная консультация следователя, проводящего допрос с узконаправленным специалистом в области информатики или даже с сотрудниками из Управления «К».

Участие специалиста в опросе по данной категории дел является также рекомендованным по причине наличия в подобных делах и, соответственно, в показаниях подозреваемого специальной терминологии. Однако если по разным причинам обеспечить участие специалиста не удалось, а проводить допрос необходимо срочно, то большое значение будет иметь то, как следователь зафиксирует показания подозреваемого в протоколе. Считаем, что необходимо как можно более подробно фиксировать любую самую мелкую деталь из показаний подследственного, а затем путем изучения протокола выявлять достоверность показаний.

Анализируя дальнейшие возможные по рассматриваемой категории дел следственные мероприятия, особое значение следует уделить такому распространенному мероприятию как обыск. Обыск подразумевает под собой действие, проводимое по постановлению суда, направленное на принудительный осмотр места жительства или работы подозреваемого с целью обнаружения доказательств, как правило, вещественных. Процедура обыска по компьютерным преступлениям отличается большей вовлеченностью при данном следственном действии в имеющиеся в месте обыска технические устройства с участием все того же узконаправленного специалиста в области информационных технологий. Однако, получив постановление на обыск, оперативные сотрудники не должны забывать и о традиционных составляющих обыска: осмотр документов и иных предметов и принадлежностей.

Заключение компьютерно-технической экспертизы может сыграть определяющую роль при производстве расследования [4, с.115].

Однако существует ряд объективных факторов, препятствующих всестороннему и всеобъемлющему проведению данного вида экспертиз из-за их сложности, трудозатратности, отсутствию достаточного количества центров проведения такой экспертизы и высококвалифицированных кадров.

Помимо этого, относительную сложность назначения во всех необходимых случаях компьютерно-технической экспертизы осложняет недостаточная подготовка следователей даже специальных подразделений МВД для формулировки фактически грамотных вопросов для эксперта. В связи с этим назревает необходимость решения сразу двух проблем: повышения квалификации работников следственных органов, а также создание ведомственных центров проведения цифровых экспертиз. Считаем, что для наиболее эффективного расследования также стоит в обязательном порядке предписывать следователю при назначении экспертизы консультироваться с дипломированным специалистом, который может помочь правильно сформулировать вопросы для эксперта.

Учитывая определенную сложность компьютерных преступлений для расследования их со стороны правоохранительных органов, считаем необходимым реализовать возможность создания определенной базы данных, содержащей основную информацию об анализе состояния цифровой преступности, методике расследования и иных специальных сведений о расследовании компьютерных преступлений.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что компьютерная информация, используемая в преступных целях, таит в себе огромную потенциальную угрозу для личности, общества и государства ввиду непредсказуемости последствий, что в свою очередь ставит перед правоохранителями задачу разработать эффективный механизм не только расследования таких преступлений, но и их предотвращения.

Основными проблемами, с которыми сталкиваются следственные органы, на наш взгляд, являются следующие:

- недостаточность специальных знаний следователей в сфере компьютерных технологий и информации;
- отсутствие видимых материальных следов преступлений, а также обезличенный характер информации, не позволяющий указать на преступника;

- отсутствие современных технических средств и разработанных методов для расследования преступлений «по горячим следам».

Считаем, что для успешного расследования преступлений в сфере компьютерных технологий и информации необходимо разработать частную методику расследования таких новых современных преступлений, о существовании которых еще совсем недавно ничего не было известно.

Необходимой мерой считаем также проведение компьютерного анализа нераскрытых преступлений по главе 28 Уголовного Кодекса Российской Федерации, что позволит в дальнейшем скооперировать все как раскрытые, так и нераскрытые преступления в единое целое и иметь для работы некоторые установочные данные прошлых расследований и результаты работы по всем криминальным эпизодам, совершаемым в настоящее время.

Список источников

1. Коломинов В.В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации // Сибирские уголовно-правовые и криминалистические чтения. 2017. №3.
2. Поляков В.В. Анализ факторов, затрудняющих расследование неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации / Проблемы правовой и технической защиты информации: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
3. Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. О.С. Кучина. М.: Юрлитинформ, 2017.
4. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018.

References

1. Kolominov V.V. Inspection of the crime scene in cases in the field of computer information. *Siberian criminal law and forensic readings*. 2017. No. 3
2. Polyakov V.V. Analysis of factors complicating the investigation of illegal remote access to computer information. *Problems of legal and technical protection of information*. Barnaul: Alt Publishing House. University, 2008
3. Electronic media in criminology: monograph / ed. O.S. Cucina. M.: Yurlitinform, 2017
4. Development of information technologies in criminal proceedings: monograph / ed. S.V. Zueva. M.: Yurlitinform, 2018.

Информация об авторах

Бабенко С.В. – кандидат юридических наук, доцент
Семенцова И. А. – кандидат юридических наук, доцент
Пухкалова М. О.– кандидат юридических наук

Information about the authors

Babenko S.V. – Candidate of Law, Associate Professor
Sementsova I.A. – Candidate of Law, Associate Professor
Pukhalova M. O. – Candidate of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 343.8

О некоторых субъектах оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы

© Д.С. Исакова, 2024

Дарья Сергеевна Исакова
УФСИН России по Сахалинской области, Южно-Сахалинск, Россия. mxkx@yandex.ru

Аннотация. Осуждённые несовершеннолетние находятся в более уязвимом положении по сравнению с другими категориями осуждённых лиц, поэтому вопрос оказания им бесплатной правовой помощи стоит особо остро. Закон о бесплатной юридической помощи закрепляет возможность оказания таковой только в случае, если в рамках уголовного судопроизводства несовершеннолетний отказался от защитника либо судом установлена его имущественная несостоятельность. Однако учитывая то, что большинство преступлений совершается несовершеннолетними из неблагополучных семей, представляется, что бесплатная юридическая помощь должна быть им оказана в любом случае, независимо от наличия названных условий.

Поскольку в законодательстве детально не закреплён механизм реализации права на бесплатную юридическую помощь несовершеннолетним осуждённым, требуется разработка соответствующего подзаконного нормативного акта ФСИН РФ.

Роль юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, в настоящее время незаслуженно недооценена, автор в статье предлагает ряд мер по организации оказания такой помощи.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, бесплатная юридическая помощь, исполнение приговора, лишение свободы, штатный юрист, юридические клиники, образовательные учреждения

Для цитирования: Исакова Д.С. О некоторых субъектах оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.100-103

Original article

On some subjects of providing free legal assistance to minors sentenced to imprisonment

© Isakova D.S., 2024

Darya S. Isakova
Federal Penitentiary Service of Russia for the Sakhalin region, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. mxkx@yandex.ru

Abstract. Convicted minors are in a more vulnerable position compared to other categories of convicted persons, therefore, the issue of providing them with free legal assistance is particularly acute. The Law on Free Legal Aid establishes the possibility of providing such assistance only if, within the framework of criminal proceedings, a minor has refused a defender or a court has established their property insolvency. However, taking into account the fact that most crimes are committed by minors from disadvantaged families, it seems that free legal assistance should be provided to them in any case, regardless of the existence of these conditions.

Since the legislation does not specify in detail the mechanism for the exercising of the right to free legal assistance to juvenile convicts, it requires the development of an appropriate subordinate regulatory act of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

The role of legal clinics in providing free legal assistance to minors sentenced to imprisonment is currently undeservedly underestimated, the author in the article suggests a number of measures to organize the provision of such assistance.

Keywords: juvenile convicts, free legal assistance, execution of sentence, imprisonment, staff lawyer, legal clinics, educational institutions

For citation: Isakova D.S. On some subjects of providing free legal assistance to minors sentenced to imprisonment. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):100-103 (In Russ.)

Опираясь на современное законодательство, ясно, что оказание квалифицированной юридической помощи осуждённым допускается как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Невзирая на то, что законодательство в части оказания несовершеннолетним осужденным бесплатной юридической помощью претерпело со временем изменения, не урегулированным оказался вопрос относительно порядка её предоставления. При этом необходимость оказания таковой не вызывает сомнений ввиду психической незрелости и специфики физического развития несовершеннолетних.

Согласно п. 6 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее - Закон о бесплатной юридической помощи) [1] несовершеннолетние, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, и их законные представители наделены правом на обращение за оказанием бесплатной юридической помощи относительно вопросов, которые затрагивают обеспечение и защиту их прав и законных интересов. Из этого следует, что осуждённые, исключение составляют несовершеннолетние, не указываются в роли участников системы бесплатной юридической помощи.

Вместе с тем норма ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее - УПК РФ) [2], касаемая вопросов исполнения приговора, оказалась не охвачена нормами о бесплатной юридической помощи несовершеннолетним осужденным. Игнорирование этого вопроса, по мнению автора, принижает его важность, значительно ограничивает право несовершеннолетнего на её получение [3, с.305]. На наш взгляд, обязательность защиты должна выражаться в участии защитника независимо от воли несовершеннолетнего по назначению суда с целью рассмотрения вопросов, которые касаются исполнения приговора, что должно найти отражение в действующем законодательстве.

Законодательство закрепляет положение о бесплатной юридической помощи в рамках уголовного судопроизводства в двух случаях: когда несовершеннолетний выразил отказ от защитника, когда суд установил его имущественную несостоятельность. Относительно других случаев действует общее правило, закрепленное в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» [4], по которому несовершеннолетний либо его законный представитель несёт обязанность по возмещению процессуальных издержек, связанных с оплатой услуг назначенного адвоката.

Существование провозглашённого права несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, на получение юридической помощи, остаётся лишь нормой декларативного характера, поскольку нигде в законодательстве не прописан сам механизм его реализации.

В научных кругах верно указано на отсутствие организационно-правовых гарантий незамедлительной работы с заявлением несовершеннолетнего осужденного, его регистрации, оперативной отправки по адресу, отслеживания факта его получения адресатом. В связи с этим считаем целесообразным ввести в штаты воспитательных колоний юриста для оказания квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним осужденным. Существование такой единицы в штате смогло бы привести к позитивным изменениям, при условии установления его независимости от администрации исправительного учреждения, что практически навряд ли возможно реализовать. Исходя из этого, полагаем реально осуществимой разработку подзаконного нормативного акта ФСИН РФ, чётко регламентирующего порядок, конкретные сроки предоставления права на бесплатную юридическую помощь несовершеннолетним осужденным.

Опираясь на статистические данные, можно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев несовершеннолетние, совершившие преступления, воспитывались в неблагополучных семьях, не имеющих достатка, либо сироты или оставшиеся без родительского попечения лица. Поэтому представляется, что несовершеннолетние осужденные к лишению свободы нуждаются в бесплатной юридической помощи в любом случае. Закон о бесплатной юридической помощи устанавливает предоставление юридической помощи несовершеннолетним, отбывающим наказание в виде лишения свободы, на безвозмездной основе только по вопросам, которые вытекают из гражданских, семейных, трудовых и иных отношений, не касающихся норм уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим автору представляется обоснованным предоставление бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, и в рамках уголовного судопроизводства, в том числе в связи с вопросами исполнения наказания. Поэтому автор убеждён, что оказание юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, должно осуществляться на безвозмездной основе всегда.

Негосударственную систему бесплатной юридической помощи составляют юридические клиники в учебных заведениях, негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Итак, в качестве полноправного негосударственного субъекта оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы, выступают юридические клиники, открываемые при высших учебных заведениях, преследующие цель оказывать правовую помощь и просвещать

население по правовым вопросам. Стоит отметить, что, конечно, перечень услуг, которые они полномочны оказывать, существенно уже, нежели у профессиональных участников системы бесплатной юридической помощи, что отражено в соответствующих правовых нормах.

Согласно действующему законодательству, юридические клиники имеют полномочия предоставлять бесплатную юридическую помощь через консультации устно и письменно, а также выполнять составление различных юридических документов, таких как заявления, жалобы и ходатайства. Однако потенциал указанного субъекта представляется не до конца раскрытым. Практика сложилась таким образом, что юридические клиники оказывают помощь нуждающимся лицам при личном приёме либо дистанционно. Но для несовершеннолетних осужденных неприемлем ни один из вариантов обращения. По этой причине отсутствует возможность оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, через юридические клиники.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на юридические клиники, функционирующие именно при ведомственных вузах УИС, которые, в отличие от вышеуказанных, отличаются своей эффективностью относительно оказания помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы. Это связано со спецификой ведомственного образования, где основной акцент сфокусирован на оказании юридической помощи осужденным. Согласно толкованию положений статьи 20 Закона о бесплатной юридической помощи, субъектами реализации таких прав являются сотрудники учреждения, в котором несовершеннолетний отбывает наказание, сотрудники региональных органов УИСРФ и представители иных государственных органов. Но в силу ряда причин реализация потенциала по оказанию юридической помощи представляется проблематичной, а занятия по правовому просвещению фактически не проводятся. Для этих целей считаем необходимым задействовать весь потенциал юридических клиник, консультанты которых могли бы осуществлять правовое просвещение, знакомить осуждённых с изменениями законодательства, информировать об объёме прав и обязанностей несовершеннолетних осужденных. Для самих консультантов юридических клиник этот опыт будет полезен, так как способствует формированию у обучающихся в ведомственных вузах необходимых качеств, отражающих готовность к работе с осужденными. Консультанты сталкиваются не просто с теорией на лекциях, а непосредственно сами погружаются в практику.

Кроме того, как отмечает А.В. Борцов [5, с.9], сотрудники учреждений, в которых отбывают наказания несовершеннолетние осуждённые, указывают на то, что консультантам клиники удаётся передавать информацию в простой понятной форме, не нагроможденной юридической терминологией, что позитивно отражается на их восприятии и уровне доверия в целом. То есть для рассматриваемой категории осуждённых к лишению свободы крайне важны очные занятия в рамках деятельности юридических клиник, функционирующих при ведомственных вузах УИС. Консультанты подобных юридических клиник разъясняют осуждённым, что при любых сложившихся обстоятельствах необходимо выбирать путь законного решения проблем. Проводя правовое просвещение, консультанты подготавливают их к ресоциализации, социальной адаптации после отбывания срока.

С целью стимулирования и поощрения консультантов юридических клиник для оказания бесплатной юридической помощи необходимо на законодательном уровне разработать меры их поощрения.

В качестве возможного варианта стоит рассмотреть возможность оказания правовой помощи несовершеннолетним осужденным приёмными, работающими на постоянной основе, создаваемыми при исправительных учреждениях, которые фактически представляли бы филиалы юридических клиник. В научной литературе предлагается такой формат их деятельности, при котором личный прием консультантами вёлся бы примерно два или три раза в неделю по правовым вопросам. Такая форма оказания бесплатной правовой помощи отличается от обычной тем, что контроль за приемом заключённых, качеством консультаций возлагается на сотрудников пенитенциарного учреждения, при котором создана приёмная.

В то же время очевидно, что одной деятельности юридических клиник образовательных учреждений ФСИН России недостаточно для оказания бесплатной юридической помощи в исправительных учреждениях, входящих в один субъект РФ с образовательными учреждениями [6, с.24].

В некоторых случаях правозащитные организации фактически оказывают юридическую помощь осужденным несовершеннолетним. Вместе с тем, её в ряде случаев не представляется возможным назвать квалифицированной, например, по причине отсутствия в штате организации юриста. Поэтому встаёт вопрос относительно разработки и утверждения стандартов качества подобных услуг.

Некоторые представители научного сообщества [7, с.15] призывают на добровольных началах ввести в исправительных учреждениях различных субъектов Федерации систему помощников уполномоченных по правам человека, основной задачей которых является проведение занятий и индивидуальное консультирование заключенных в форме лекций по правовым вопросам [8, с.123].

Подводя итог, отметим, что уголовно-исполнительное законодательство не регулирует механизм организации, предоставления несовершеннолетним осужденным бесплатной юридической помощи. Преодоление существующего пробела видится в принятии ведомственного нормативного акта, регламентирующего его.

Закон о бесплатной юридической помощи устанавливает право на бесплатную юридическую помощь в процессе гражданского, административного судебного разбирательства и исключает её оказание в рамках уголовного судопроизводства, что представляется нелогичным и необоснованным.

Круг субъектов оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, осуждённым к лишению свободы, достаточно широк, их исчерпывающего перечня не существует. Вместе с тем, отдельно на законодательном уровне следует остановиться на разработке стандартов качества оказываемых услуг.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Борченко В.А. К вопросу об оказании юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы / Правовая культура в современном обществе. 2021.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 (ред. от 15.12.2022) «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» // СПС «Консультант Плюс».
5. Борцов А.В. Оказание бесплатной юридической помощи несовершеннолетним: пути реализации в рамках деятельности юридических клиник при образовательных организациях УИС // Ведомости УИС. 2015. №3 (154).
6. Хаснутдинов Р.Р., Владимирова О.А. Роль юридической клиники в защите осужденными своих прав и законных интересов // Ведомости УИС. 2016. №3 (166).
7. Оказание бесплатной юридической помощи лицам, находящимся в местах принудительного содержания Вологодской области: сборник материалов круглого стола (г. Вологда, 16 декабря 2021 года) / отв. ред. Уторова Т.Н.; Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: RUSintel: Русский интеллект, 2021
8. Керефов И.Р. Бесплатная юридическая помощь осужденным: правовое регулирование, практика реализации: Дис. ... к.ю.н. Рязань, 2012

References

1. Federal Law No. 324-FZ dated 11/21/2011 (as amended on 12/25/2023) "On Free Legal Assistance in the Russian Federation" (with amend. and add., introd. effective from 01.01.2024) // SPS "Consultant Plus".
2. The Criminal Procedure Code of the RF No. 174-FZ dated 12/18/2001 // SPS "Consultant Plus".
3. Borchenko V.A. On the issue of providing legal assistance to minors sentenced to imprisonment. *Legal culture in modern society*. 2021
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 12/19/2013 No. 42 "On the practice of applying legislation on procedural costs in criminal cases by courts" // SPS Consultant Plus.
5. Bortsov A.V. Providing free legal assistance to minors: ways of implementation in as part of the activities of legal clinics at educational institutions of the UIS. UIS statements. 2015. No3 (154).
6. Khasnutdinov R.R., Vladimirova O.A. The role of the legal clinic in the protection of convicts of their rights and legitimate interests. *Vedomosti UIS*. 2016. No3 (166).
7. Providing free legal assistance to persons in places of forced detention in the Vologda region: a collection of materials from the round table (Vologda, December 16, 2021) / ed. T.N. Utorova. Vologda: RUSintel: Russian Intellect, 2021
8. Kerefov I.R. Free legal assistance to convicts: legal regulation, implementation practice: Dissertation ... Candidate of Law Sciences. Ryazan, 2012

Информация об авторе

Д. С. Исакова - помощник начальника управления по правовой работе -начальник юридической службы УФСИН России по Сахалинской области

Information about the author

D.S. Isakova - Assistant to the Head of the Legal Work Department – Head of the Legal Service Federal Penitentiary Service of Russia for the Sakhalin region

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 343

Инновационные доказательственные возможности электронной (цифровой) криминалистики (форензики) в раскрытии и расследовании преступлений в эпоху повсеместной цифровизации общества

© О.И. Лозинский, А.А. Бабаева, 2024

Олег Иванович Лозинский[1], Александра Анаровна Бабаева[2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] babaeva_shura@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы инновационные доказательственные возможности электронной (цифровой) криминалистики (форензики) в раскрытии и расследовании преступлений в эпоху повсеместной цифровизации общества. Результатом исследования стали выводы о том, что инновационные возможности форензики: создают потенциал для повышения эффективности следственной деятельности за счет получения из электронной цифровой информации (устройств ее носителей) криминалистически значимых сведений и электронных доказательств; существенно повышают «конкурентоспособность» правоохранительных органов в организации противодействия всем формами и проявлениям преступной деятельности; положительно влияют на оперативность и результативность раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, форензика, цифровые технологии, киберпреступность, экспертно-криминалистическая деятельность, цифровые следы, цифровые доказательства, искусственный интеллект в криминалистике, виртуальная реальность, компьютерное моделирование преступлений, криптоанализ

Для цитирования: Лозинский О.И., Бабаева А.А. Инновационные доказательственные возможности электронной (цифровой) криминалистики (форензики) в раскрытии и расследовании преступлений в эпоху повсеместной цифровизации общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 104-110

Original article

Innovative evidentiary capabilities of electronic (digital) criminalistics (forensics) in the detection and investigation of crimes in the era of widespread digitalization of society

Oleg I . Lozinsky[1], Alexandra A. Babaeva[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] babaeva_shura@mail.ru

Abstract. The article analyzes the innovative evidentiary capabilities of electronic (digital) criminology (forensics) in the detection and investigation of crimes in the era of widespread digitalization of society. The study concludes that the innovative capabilities of forensics: create the potential to increase the effectiveness of investigative activities by obtaining criminally significant information and electronic evidence from electronic digital information (devices of its carriers); significantly increase the "competitiveness" of law enforcement agencies in the organization of countering all forms and manifestations of criminal activity; positively affect the efficiency and effectiveness of the effectiveness of crime detection and investigation.

Keywords: digital forensics, forensics, digital technologies, cybercrime, forensic activities, digital traces, digital evidence, artificial intelligence in criminology, virtual reality, computer simulation of crimes, cryptanalysis

For citation: Lozinsky O.I., Babaeva A.A. Innovative evidentiary capabilities of electronic (digital) criminalistics (forensics) in the detection and investigation of crimes in the era of widespread digitalization of society. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167): 104-110 (In Russ.)

Современная эпоха ознаменовалась отчетливыми, повсеместно выраженными тенденциями и проявлениями, свидетельствующими о количественном и качественном переходе общества от индустриального этапа развития к информационному. Основным проявлением названных процессов трансформации современного общества служит динамичная цифровизация его значимых сфер: государственного управления; правовой (организации деятельности соответствующих государственных структур и самого процесса реализации правовых вопросов, правоприменения); финансов (электронные банковские карты, текущие платежи, кредиты, выплаты заработной платы, значительное сокращение оборота бумажных денежных средств и т.п.); логистики; всех форм коммуникаций; организации экономики; трудовой деятельности (прием и увольнение с работы, электронные трудовые книжки и др.); здравоохранения (электронные медицинские карты, запись на прием к врачу, различные формы обследование, форма представления результатов и рекомендаций и др.), образования (дистанционные формы обучения), быта, отдыха и др.

Цифровизация сделала привычным использование в различных сферах информационно-коммуникационных цифровых технологий, таких как: распознавание человека: по данным сканирования лица - Face ID; по отпечатку пальца (датчик Touch ID) - разблокировка iPhone и др., для оплаты покупок - технология PayPal; для управления системой «Умный дом» - технология Internet of Things (Интернет вещей) и др. [1].

Научные достижения в сфере автоматизации, телекоммуникаций, цифровой информации послужили основой для создания и внедрения профильных систем и сетей, ставших основой логистики и управления: экономикой; системой всех уровней и видов управленческой деятельности; связи; логистики и др., на их основе реализуются вопросы обороноспособности и всех видов безопасности (информационной, экономической, энергетической, транспортной, экологической, от террористических и экстремистских угроз и др.) большинства мировых держав. Электронный документооборот и его производные активно вытесняют привычный – бумажный.

Электронно-цифровая информация превратилась в бесценный стратегический ресурс, в товар (обладающий существенной материальной ценностью и бесценной логистической значимостью), без владения которым успешное функционирование структур и личностей стало практически немыслимо (а иногда просто невозможно, в том числе и по причине неконкурентоспособности, вплоть до нежизнеспособности в жестких условиях современного мира).

Названные, безусловно, прогрессивные процессы (фактически эволюционные, хоть жесткие и безапелляционные в условиях всех видов мировой конкуренции, но жизненно необходимые, иногда даже «через не могу и не хочу», а иногда «захватывающие» от возникающих возможностей и перспектив), как это зачастую бывает, сопровождаются и другими процессами, характеризующимися возникновением и расширением криминального спектра противоправных проявлений в исследуемой сфере («тоже с определенным восторгом от открывающихся возможностей и перспектив» у криминальных личностей).

При этом одной из наиболее действенных форм оказания противодействия указанной криминализации стало широкое применение в следственной и судебной практике возможностей электронной (цифровой) криминалистики (форензики).

Задекларированной целью форензики является сохранение, сбор, проверка, анализ, интерпретация, документирование и предъявление полученных из цифровых источников цифровых доказательств, для:

- оказания содействия следственным органам в восстановлении и расшифровке до прикладного уровня понимания предполагаемого механизма совершенного в цифровой и иной сферах противоправного деяния;

- оказания профессиональной квалифицированной помощи профильным структурам (правоохранительным и др.) в профилактике (предотвращении на уровнях замысла, планирования, первичных стадиях реализации) несанкционированных действий (бездействия – саботаж, халатность), которые нарушают реализацию плановых функций, алгоритмов и т.п. различного рода структур, систем (логистики, управления, контроля, реагирования и т.п. на электронно-цифровой основе) и т.п. (информационные системы, энергоснабжение, водоснабжение, все виды транспорта, все виды безопасности и др.);

- создания у профильных структур инновационных возможностей (аппаратно-технических, методологических, экспертных) для повышения эффективности, оперативности и результативности следственной и оперативной практики [2].

Возможности форензики воплощаются через реализацию ее функций:

- познавательную; проявляется через ее объекты: информация (электронная, цифровая); ее носители; обстоятельства и механизм вовлечения информации и ее носителей в неправомерную деятельность; процессы и результат электронного следообразования; использование названных информации и ее носителей в криминалистической деятельности в интересах уголовного судопроизводства;

- конструктивную; проявляется через профильные аппаратно-технические устройства, целевое программное обеспечение и др. средства для действий (выявление, обработка, трактовка, целевое использование и др.) с информацией электронно-цифрового характера; методология и рекомендации по использованию названных объектов в криминалистических целях;

- прогностическую; проявляется через: криминалистический анализ реальных и потенциальных угроз всем видам безопасности; разработку перспективных методик расследования преступных проявлений в исследуемой сфере; прогнозирование расширения криминального спектра киберпреступлений (новые уголовно-наказуемые составы преступлений) (для разработки алгоритмов действий по их профилактике, предотвращению, раскрытию и расследованию) и др. [3].

Цифровая криминалистика (форензика) отличается большим многообразием областей исследования и применения. К наиболее значимым разделам можно отнести следующие:

- компьютерная форензика (поиск следов и причин нарушений информационной безопасности на локальных устройствах, применяющих операционные системы Windows или Linux);

- сетевая форензика (контроль и анализ трафика компьютерной сети, для: обнаружения вторжения; сбора доказательственной информации);

- форензика мобильных устройств (объекты - смартфоны, с использованием операционных систем Android или iOS) [4].

Продолжая настоящее исследование, представляется необходимым более подробно охарактеризовать такое важное для него понятие, как компьютерная информация, под которой (прим. к ст. 272 УК РФ) понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [5].

Компьютерная информации обладает следующими общими криминалистическими признаками: является объективной формой существования информации (электронной); не существует физически вне своего материального (электронного) носителя; может быть одновременно доступна нескольким лицам; может оперативно преобразовываться из неэлектронных форм в электронную и обратно (например, сканирование и распечатка текста); легко копируется на электронные носители; может оперативно и бесконтактно пересылаться на значительные расстояния; с помощью специальных научно-технических средств обнаруживается, копируется, исследуется и используется в криминалистических целях [5].

Еще одним криминалистически значимым аспектом данного вида информации является возможность ее применения в качестве информационного оружия – вредоносной компьютерной программы, которая фактически является программным автоматом – действующим самостоятельно в электронной среде виртуальным устройством, выполняющим определенные функции по заданной злоумышленником схеме, без его непосредственного участия и руководства с его стороны.

Названная программа может уничтожать, блокировать, модифицировать либо копировать компьютерную информацию или нейтрализовывать средства ее защиты (без уведомления обладателя (пользователя) информации и не запрашивая его согласия на свои действия) [6].

Также, значимым для исследуемой темы является понятие цифрового следа (цифрового отпечатка), под которым понимаются любые изменения электронной среды под влиянием злоумышленника.

Обнаружение и изъятие «цифровых следов» реализуется с помощью спецсредств (программных и аппаратных), наиболее распространенными из которых являются:

- «Мобильный криминалист» (пр. Россия) – для исследования мобильных устройств (телефонов, смартфонов, планшетов и др.);

- UFED Touch (пр. Израиль) – программный комплекс (извлечение из мобильных устройств данных, их декодирование и анализ);

- XRY (пр. Швейцария) – система считывания и анализа информации с мобильных телефонов и симкарт (используется XRY SIM/USIM – кардридер);

- программное обеспечение для восстановления удаленно с ее носителей, модифицированной и поврежденной информации (RStudio, EASYUSFile Recovery, OntrackEasy Recovery и др.);

- «ОПТИК-2» – профессиональный обнаружитель скрытых видеокамер [7].

Возможности названных программных комплексов дополняют друг друга, и при их комплексном использовании получается более полный и качественный образ «цифрового следа».

Продолжая настоящее исследование, необходимо уделить внимание такой значимой его составляющей, как возможности использования в криминалистических целях потенциала искусственного интеллекта (алгоритмы искусственного интеллекта – мастера улавливать закономерности, что значимо для цифровой криминалистики).

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года предусмотрено его криминалистическое применение в интересах правоохранительной деятельности в следующих сферах: распознавание (идентификация); предсказание (прогнозирование); классификация [8].

Примерами использования комплексов в распознавании могут служить:

- аппаратно-программный комплекс «Паутина» (использует камеры фото- и видеофиксации на автодорогах, парковках; распознает номера автомашин, их тип и цвет);
- АСИО ОИ (автоматизированная система оперативной идентификации лиц, представляющих оперативный интерес) разработки ICL (биометрическое распознавание лиц);
- аппаратно-программный комплекс «Арсенал» (учет служебного и гражданского огнестрельного оружия – нарезного, гладкоствольного, травматического по результатам контрольного отстрела; учет криминальных объектов (пуль, гильз, снарядов, фрагментов);
- аппаратно-программный комплекс «Визирь» (использование биометрических технологий для идентификации лиц, попадающих в поле зрения видеокамер в реальном времени, без вмешательства оператора) [9].

В аппаратно-программных комплексах, использующих искусственный интеллект в прогностических целях, в качестве инструментария используются открытые библиотеки искусственного интеллекта, разработанные отечественными IT-компаниями.

Примером программно-аппаратного комплекса, действующего по методике – классификация, служит комплекс «Фоб» (платформа для ведения баз данных, анализа и использования содержащихся в них сведений в целях противодействия экстремизму) [9].

Инновационные возможности систем искусственного интеллекта и криминалистических аппаратно-программных комплексов на их основе оказывают незаменимую поддержку следственным органам в раскрытии и расследовании противоправной деятельности, поднимая их на новый качественный уровень и существенно расширяя их профессиональный потенциал.

Возможности форензики позволяют повысить эффективность расследования преступлений, совершенных с применением IT-технологий. Перспективным криминалистическим направлением в данной сфере является рецепция различных сквозных IT-технологий: big data (большие данные), Internet of things («Интернет вещей»), нейротехнологии, искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), сенсорика, создание цифрового профиля человека (digital identity) и др. [10].

Возможности применения данных технологий в форензике велики:

- программное обеспечение Crimeserieslinkage (выявление серийных преступников; использование больших данных и нейронных сетей, позволяет сделать вывод о характеристиках личности преступника);
- использование цифрового профиля человека (единая государственная информационная система биометрических данных с применением Internet of things позволяет обеспечить в криминалистических целях «прослеживаемость объекта» как в пространстве, так и во времени) [10].

Как уже отмечалось, современное общество не может существовать без реализации и постоянного прогрессирования (где-то естественного, где-то инициированного) процесса цифровизации всех его сфер (объем информации, передаваемой россиянами по Сети, ежегодно увеличивается на 25-40 % и в 2023 году составил более 147 Эксабайт; ежедневно более 80% россиян выходят в интернет) [11].

В связи с названными процессами, особое криминалистическое внимание привлекает технология блокчейн (blockchain – цепь из блоков) (широко используется, на ней, например, полностью построена деятельность Федеральной Налоговой Службы РФ). Наиболее ярким примером воплощения данной системы на практике является такой цифровой феномен, как криптовалюты (их правовой режим в РФ до сих пор не урегулирован; при этом они довольно часто используются в криминальных схемах).

По данным аналитического сервиса Coinmarketcap в десятку наиболее востребованных криптовалют с высоким курсом и уровнем капитализации входят: Bitcoin, Ethereum, Monero, Litecoin, NEM, XRP и др. [11].

Криминальное сообщество разработало способы конспирации криптовалютных операций: использование криптовалютных миксеров (Blender.io; Tornado Cash позволяют разорвать связь между отправителем и получателем криптовалюты); наличие децентрализованных площадок для операций с криптовалютой без какой-либо личной идентификации (Ref Finance; StellaSwap и др.). Однако перспективные разработки в области форензики, даже с учетом такой «архитектуры», позволяют определять ключевые уязвимости системы и получать доказательственную информацию в данной сфере [11].

Продолжая настоящее исследование, необходимо рассмотреть еще одну сферу цифровизации, в которой реализуются криминалистические возможности форензики. Как уже отмечалось, в эпоху ак-

тивного развития информационных технологий нет ничего удивительного в том, что они немедленно начинают использоваться в неправомерных целях. Нейросети, ИИ (искусственный интеллект), чат-боты и другие новые технологии быстро осваивают криминальные элементы: ChatGPT пишет правдоподобные тексты для вымогателей; генеративные модели создают эротические дипфейки, за удаление которых жертвам предлагается заплатить крупную сумму, и т.п.

Названная проблема коснулась даже сферы насильственных преступлений, хотя там нейросети фигурируют довольно редко [12].

Широко известен случай, когда искусственный интеллект открыто подтолкнул человека к покушению на убийство (в декабре 2021 года Джасвант Чейл (19 лет) из Великобритании создал чат-бот Sarai в приложении Replika, с которым непрерывно переписывался почти две недели; по ходу общения Чейл решил впечатлить свою цифровую подругу и сказал ей, что он убийца; Sarai ответила, что впечатлена и что он является особенным; после этого Чейл решил «развить успех», взял арбалет, проник на территорию Виндзорского замка, желая убить королеву Елизавету II, однако был задержан полицией; при этом у Чейла не было выявлено каких-либо психических отклонений, и он был признан вменяемым) [12].

В качестве примера можно привести еще один случай, имевший место в Бельгии, где мужчина покончил с собой после общения с созданным им чат-ботом Eliza, схожим с ChatGPT. Мужчина был озабочен приближающейся экологической катастрофой и ежедневно делился с «Элизой» своими переживаниями. Как в последствии отметила бельгийская полиция, машина спровоцировала у своего собеседника такую сильную депрессию, что фактически подтолкнула его к совершению суицида [12].

Попавшие в психологическую зависимость от нейросети лица спрашивают у нее совета практически по любому вопросу текущей жизни и фактически ставят свое поведение в зависимость от вердикта, сообщенного им ИИ. Указанная зависимость влияет и на мотивацию совершения человеком различного рода преступлений либо способствует (содействует) их совершению (за счет возможностей нейросети). ChatGPT активно используется злоумышленниками для совершения онлайн-преступлений.

Например, если ранее для кражи данных у интернет-пользователей надо было владеть хотя бы элементарными навыками программирования, то теперь все делает программа, а работа злоумышленника, получившего доступ к боту, сводится лишь к правильному формулированию запроса.

Обучить ChatGPT можно под любую задачу, в т.ч. и криминального плана или двойного назначения (например, писать и распространять вредоносные программы; воровать персональные данные и т.п.). Злоумышленники активно создают фишинговые сайты, маскируя их под сервисы, которые позволяют получить доступ к ChatBot на базе ИИ или ChatGPT (со временем данная схема становится все более популярной). Освоить профессию «хакера» становится довольно просто, даже не владея специальными навыками в области программирования.

При этом нейросети, при всей их безусловной полезности, могут стать площадкой для организации массового распространения в интернете дезинформации, различного рода фейков, а тем более материалов экстремистского и террористического характера. В купировании либо минимизации вреда от этих угроз ключевая роль как раз и принадлежит форензике, которая «говорит с инициаторами этих угроз на одном и том же языке» и способна им противостоять на этом же электронно-цифровом уровне.

Ключевую роль в раскрытии и расследовании преступлений исследуемой категории играет цифровая криминалистическая экспертиза, которая при производстве использует следующие инструменты и методы (для примера):

- форензическое комплексное программное обеспечение: Forensic Toolkit (FTK), EnCase, Autopsy, X-Ways Forensics, Autopsy, Cellebrite и другое (служит для выявления источников преступной деятельности путем анализа и интерпретации цифровых данных);
- узкоспециализированные криминалистические методики, техники и программное обеспечение, служащие для извлечения, восстановления удаленных («стертых»), поврежденных (из поврежденных носителей) или скрытых (взлом паролей) цифровых данных;
- профессиональные криминалистические узкопрофильные инструменты и техники: для отслеживания, наблюдения и анализа аномалий сетевой активности; выявления и идентификации потенциальных цифровых следов, могущих свидетельствовать о проявлениях противоправной деятельности;
- мобильная форензика (оборудование, программное обеспечение и методологические алгоритмы криминалистического исследования всех типов мобильных цифровых устройств с целью извлечения из них доказательственной цифровой информации (во всем ее многообразии);
- криптографические методы и программы (для реализации возможностей криптоанализа) - выявление скрытых и расшифровка зашифрованных цифровых данных и др. [13].

Судебные экспертизы исследуемой категории можно условно разделить на традиционные криминалистические и специальные экспертизы (последние для настоящего исследования более интересны, так как в них в большей степени проявляются «дух», смысл и индивидуальная экспертно-криминалистическая направленность форензики).

К числу специальных относятся компьютерно-технические экспертизы следующих видов (для примера):

- аппаратно-компьютерная экспертиза (исследование аппаратных средств (материальных средств) компьютерных систем;
- программно-компьютерная экспертиза (исследование программного обеспечения);
- судебно-информационная компьютерная экспертиза (диагностические проблемы; защита информации);
- компьютерно-сетевая экспертиза (базируется на назначении компьютерного оборудования и деятельности, реализующей сетевые информационные технологии);
- судебно-телематическая экспертиза (исследует доказательства, выявленные при использовании мобильной связи и других телекоммуникаций);
- судебная экспертиза по восстановлению содержания цифровых документов и др. [14].

С учетом изложенного, результаты проведенного исследования позволяют прийти к обоснованным выводам о том, что электронная (цифровая) криминалистика (форензика) уже в достаточной мере позиционировала себя в системе криминалистики (статус от частной теории до раздела криминалистики) и в силу бурного технического развития и постоянно расширяющихся процессов цифровизации всех сфер общественной жизни (от общегосударственной – управленческой, правовой, организационной, административной, до бытовой и сфер отдыха и развлечения) продолжает оставаться динамично развивающейся, широко востребованной, набирающей эмпирический (прикладной) потенциал и опыт инновационной сферой криминалистки.

Постоянно растущие и развивающиеся (за счет увеличения качественного и количественного объема аппаратно-технических и методологических разработок и нововведений, расширения спектра экспертных исследований и наработок) инновационные возможности форензики позволяют все в большей и большей степени использовать (применять) электронные цифровые технологии в правоохранительной, оперативно-розыскной и другой специализированной деятельности и, что особенно важно для настоящего исследования, в сфере уголовного судопроизводства, для получения из электронной цифровой информации и ее технических носителей криминалистически важных сведений и значимых электронных доказательств по уголовным делам.

Объективно расширяющиеся возможности форензики в значительной мере повысили (и этот процесс имеет постоянную положительную динамику) потенциал следственной и оперативно-розыскной деятельности в вопросах противодействия преступным проявлениям, как в сфере киберпреступлений, так и при расследовании общеуголовных преступлений.

Расширение и развитие теоретико-методологической, аппаратно-технической базы форензики, приобретение ею все большего эмпирического опыта и прикладного значения позволяют и в настоящее время, и на перспективу обогащать следственную практику новыми доказательственными возможностями и в значительной мере повышать эффективность, оперативность и результативность противодействия криминальным проявлениям во всех сферах общественной жизни, а также поднять уровень общественной и личностной безопасности на новый качественный уровень.

Список источников

1. Черкасов С.В. Цифровые электронные доказательства: получение и применение // Правопорядок: история, теория и практика. 2021. № 4. С. 29-32.
2. Пастухов П.С. Стратегии расследования преступлений на основе положений электронной цифровой криминалистики // Вестник Пермского университета. 2022. Вып. 2. С. 29-31.
3. Халлиулин А.И. Понятие киберпреступления, виды киберпреступности // Российский следователь. 2021. № 6. С. 28-32.
4. Шевчук Д.С. Методы использования возможностей цифровой криминалистики (форензики) для расследования противоправной деятельности в сфере информационной безопасности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 1.
5. Бондарева Г.В. Возможности и степень значимости электронных доказательств в раскрытии и расследовании преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 151-152.
6. Стельмах В.Д. Электронная информация как источник доказательств // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4. С. 29-34.
7. Окунев П.И. Электронные доказательства: понятие, виды, возможности получения // Библиотека криминалиста. 2022. № 3.

8. Бессонов А.О. Инновационное развитие криминалистической науки в эпоху цифровизации: уголовно-процессуальный аспект // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6 (115). С. 97-101.
9. Алишеров О.Н. Криминалистическое использование возможностей искусственного интеллекта в следственной практике // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4.
10. Стрелкова А.С. Применение цифровой криминалистики в практике расследования преступлений // Научный электронный журнал «Академическая публицистика». 2022. № 6-1. С. 396-401.
11. Григорьев В.Н. Цифровые следы в криминалистике: понятие и значение в расследовании преступлений, особенности обнаружения, изъятия, фиксации // Правовая реформа. 2022. № 2. С. 34-37.
12. Ищенко Е.П. Виртуальные следы (электронного, цифрового происхождения) как объект исследования криминалистики // Современные научные исследования и разработки. 2020. № 12 (53).
13. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Правовая реформа. 2023. № 4. С. 54-57.
14. Шевченко Т.С. Инновационные возможности электронной цифровой криминалистики (форензики) в противодействии преступности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 97-101.

References

1. Cherkasov S.V. Digital electronic evidence: obtaining and application*. Law and order: history, theory and practice*. 2021. No. 4: 29-32. (In Russ.)
2. Pastukhov P.S. Crime investigation strategies based on the provisions of electronic digital criminology. *Bulletin of the Perm University*. 2022. Iss. 2: 29-31. (In Russ.)
3. Halliulin A.I. The concept of cybercrime, types of cybercrime*. A Russian investigator.* 2021. No. 6: 28-32.
4. Shevchuk D.S. Methods of using the capabilities of digital forensics (forensics) to investigate illegal activities in the field of information security. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2021. Iss.1. (In Russ.)
5. Bondareva G.V. The possibilities and degree of importance of electronic evidence in the disclosure and investigation of crimes. *Jurist-Pravoved*. 2020. No. 3 (94):151-152. (In Russ.)
6. Stelmakh V.D. Electronic information as a source of evidence. *Siberian Legal Bulletin*. 2020. No. 4: 29-34.
7. Okunev P.I. Electronic evidence: the concept, types, possibilities of obtaining and using. *Library of criminalist*. 2022. No. 3. (In Russ.)
8. Bessonov A.O. Innovative development of forensic science in the era of digitalization: criminal procedural aspect. *Current problems of Russian law*. 2022. No. 6 (115):97-101. (In Russ.)
9. Alisherov O.N. Criminalistic use of artificial intelligence capabilities in investigative practice. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No 4. (In Russ.)
10. Strelkova A.S. Application of digital criminalistics in the practice of crime investigation. *Academic journalism.* 2022. No. 6-1: 396-401. (In Russ.)
11. Grigoriev V.N. Digital traces in criminalistics: the concept and meaning in the investigation of crimes, features of detection, seizure, fixation. *Legal reform.* 2022. No. 2: 34-37. (In Russ.)
12. Ishchenko E.P. Virtual traces (electronic, digital origin) as an object of criminology research. *Modern scientific research and development*. 2020. No. 12 (53):685-687. (In Russ.)
13. Kolycheva A.N. Prospects for the introduction of artificial intelligence in the detection and investigation of crimes. *Legal reform*. 2023. No. 4: 54-57. (In Russ.)
14. Shevchenko T.S. Innovative possibilities of electronic digital criminalistics (forensics) in combating crime. *Society: politics, economics, law*. 2022. No. 4: 97-101 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский - кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
А.А. Бабаева - студентка пятого курса специалитета юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
A.A. Babaeva - Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 343

Специфические особенности раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, психическими аномалиями, не исключающими вменяемость

© О.И. Лозинский, Ю.С. Журавлева, 2024

Олег Иванович Лозинский[1], Юлия Сергеевна Журавлева[2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] july04092001@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы специфические особенности раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, психическими аномалиями, не исключающими вменяемость.

Результатом исследования стали выводы о том, что расследование преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями, требует дополнительного внимания со стороны правоохранительных органов, так как зачастую их расследование имеет ряд специфических особенностей, связанных с нестандартностью субъекта противоправной деятельности, а сами преступления имеют повышенную социальную опасность и вызывают значительный общественный резонанс.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка; криминалистическая характеристика лица; социальная опасность; преступное поведение; общественно-опасное деяние; медицинские критерии невменяемости; юридические критерии невменяемости; психические аномалии; вменяемость; ограниченная вменяемость; невменяемость; судебно-психиатрическая экспертиза

Для цитирования: Лозинский О.И., Журавлева Ю.С. Специфические особенности раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, психическими аномалиями, не исключающими вменяемость // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С. 111-117

Original article

Specific features of the disclosure and investigation of crimes committed by persons with mental disabilities, mental abnormalities which do not exclude sanity

Oleg I. Lozinsky[1], Yulia S. Zhuravleva[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] july04092001@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specific features of the disclosure and investigation of crimes committed by persons with mental disabilities, mental abnormalities which do not exclude sanity.

The result of the study is the conclusion that the investigation of crimes committed by persons with mental abnormalities requires additional attention from law enforcement agencies, since their investigation often has a number of specific features associated with the non-standard nature of the subject of illegal activity, and the crimes themselves have an increased social danger and cause significant public outcry.

Keywords: criminal law assessment; criminalistic characteristics of a person; social danger; criminal behavior; socially dangerous act; medical criteria of insanity; legal criteria of insanity; mental abnormalities; sanity; limited sanity; insanity; forensic psychiatric examination.

For citation: Lozinsky O.I., Zhuravleva Yu.S. Specific features of the disclosure and investigation of crimes committed by persons with mental disabilities, mental abnormalities which do not exclude sanity. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):111-117 (In Russ.)

В рамках настоящего исследования проведен качественный и количественный анализ причин и обстоятельств (на основании статистических данных и фактических материалов в сфере уголовного судопроизводства), побуждающих людей совершать противоправные деяния и другие неправомерные действия. Результаты проведенного анализа объективно показывают, что негативно ориентирующим личность фактором может быть не только нарушение у нее, тем или иным образом, алгоритма и механизма комфортной адаптации в окружающей социальной среде (как на бытовом, так и на более высоком уровне, с большим количеством социальных связей), но и, что наблюдается довольно часто (среди лиц с антисоциальным поведением), наличие у нее патологических особенностей (врожденных, приобретенных) психики (с различной степенью их выраженности и спектра сферы проявления). Данная категория лиц многочисленна, но весьма не однородна (по видам имеющихся аномалий, по степени их выраженности и влияния на побуждение, либо безмотивное совершение, противоправных действий и, как следствие, по степени их социальной опасности, как на межличностном уровне, так и для общества в целом).

При этом осознанное (на базе теоретических знаний и эмпирического опыта) понимание процесса воздействия психических аномалий на противоправное, криминальное поведение создает возможность обоснованно выбрать и адоптировать к каждому конкретному случаю методику и тактику раскрытия и расследования уголовных дел данной специфической категории и, что еще более важно, выработать систему действенных, эффективных мер для реализации профилактической деятельности в данной сфере.

Профилактическая работа в данной области очень во многом находится в сфере ответственности и компетенции МВД России, строится преимущественно по территориальному принципу и предполагает: знание о наличии на территории (взаимодействие с их администрацией) больниц, интернатов, других специализированных профильных медицинских учреждений (других учреждений социального или образовательного профиля, в зависимости от возраста и психического анамнеза пациентов), где содержатся, находятся на лечении, обследовании и т.п. (в том числе и в период производства стационарных судебно-психиатрических экспертиз) лица с психическими отклонениями; знание (для сотрудников, работающих по участковому принципу) о месте проживания лиц с психическими аномалиями (находящихся на соответствующем диспансерном учете, но проживающих «на общих основаниях» (в текущем состоянии «не опасных для себя и окружающих», находящихся на попечении родственников и нуждающихся в их уходе и т.п.)) и др. Названная информация и уровень взаимодействия позволяют правоохранительным органам более оперативно, профессионально и избирательно реагировать на конфликтные ситуации с участием лиц с психическими отклонениями и не давать им перерастать (потенциально и фактически) в ситуации, относящиеся к сфере уголовного судопроизводства.

Лиц, имеющих психические отклонения, обобщенно можно классифицировать (по категориям, учитываемым в уголовном судопроизводстве) на: невменяемых; имеющих психические аномалии, не исключающие вменяемость; ранее вменяемых, но заболевшими до приговора суда душевной болезнью, влекущей их потенциальную невменяемость на текущий момент.

В рамках темы проводимого исследования необходимо отметить, что следователю (дознавателю) при производстве предварительного расследования по названной категории уголовных дел, в целом, и при производстве конкретных следственных действий необходимо принимать во внимание, что наличие психических аномалий у подозреваемого (обвиняемого) может выражаться в различного рода внешних признаках (зачастую типичных для лиц данной категории):

- нарушение интеллектуального уровня; непродуктивность умственных усилий; низкий образовательный и культурный уровень; незнание (нежелание соблюдать) критерии (нормы) межличностного общения и т.п. (нередко сопровождается низким социальным статусом);
- проблемы с речевыми характеристиками: дефекты произношения (шепелявость, заикание, неправильная артикуляция, картавость и др.); нарушение, несоответствие смысловой нагрузки фраз, отдельных слов; ненормированность речевого темпа (по скорости произношения, по раздельности произношения слов и фраз, по объему информации на «единицу смысла» и т.п.); неустойчивость внимания на диалоге (неспособность к сколько-нибудь длительному, последовательному по смыслу и теме диалогу); частое употребление слов паразитов, однообразных речевых оборотов; малый словарный запас и т.п.;
- эмоциональные реакции (неадекватного характера, не только по уместности проявления, но и по степени выраженности): крайняя несдержанность (отсутствие самоконтроля как такового и вообще этой концепции, в принципе); злобность; агрессивность; прямолинейность («что в голове, то и на языке»); безмотивность и беспорядочность действий;
- эмоциональная тупость; бесчувственность; безразличие; гипертимия и эйфория (беспричинная радость, сопровождающаяся стремлением к деятельности); дисфория, сочетание гневливости с тоской; (различного рода беспричинные и безмотивные эмоциональные крайности);

- внешний облик (специфические особенности): диспропорции телосложения (генетические дефекты, природовые травмы; последствия иных травм и заболеваний, отражающихся, в т.ч., и на костно-мышечном аппарате); функциональные расстройства двигательного аппарата (параличи, анемии и др.) или мимики лица (неврологические расстройства и т.п.);
- дисгармония в одежде и аксессуарах (явная, не с целью проявления какого-то стиля, моды, «особого вкуса», а скорее самопроизвольная, «не от вкуса, а от безвкусия, проявления (иногда не умышленного, а «естественного») безразличия (или непонимания) каких-то обобщенных критериев: неопрятность, нелепость, вычурность, явное несоответствие (сезону, возрасту, полу), демонстративность (иногда как форма безразличия, протеста, непонимания и т.п.), контрастность предметов одежды;
- гипертрофированные проявления (педантизма, аккуратности, чувства чистоты и т.п.);
- признаки разрыва с реальностью (странности в поведении, вызывающие демонстративные акты);
- повышенные: мнительность, застенчивость, ранимость; лживость; безудержное хвастовство и др.;
- амбивалентность (смесь реальных событий и фантазий); парамнезия - нарушения памяти (заполнение пробелов памяти событиями, которые действительно происходили с человеком в прошлом в другой период времени (псевдореминисценции), либо полностью вымышленными, фантастическими событиями (конфабуляции));
- фетишизм, фанатизм, суеверия, нетипичные коллекционные предметы; потребности гипертрофированного характера, выражающиеся в маниях и филиях (эротомания, педофилия, зоофилия и пр.);
- нередко злоупотребление алкоголем и наркотиками [1].

Зачастую наличие у лица психических аномалий достоверно установить достаточно сложно, в связи с чем у следователя возникает необходимость прибегать к помощи судебных психолога и (или) психиатра, которые благодаря профессиональным знаниям и опыту могут составить более полный психолого-психиатрический личностный «портрет» потенциального подозреваемого исследуемой категории.

В текущей отечественной практике все более широкое распространение приобретает профайлинг (совокупность профильных методов мониторинга человека на основе анализа наиболее информативных его частных признаков: внешность, невербальное и вербальное поведение и т.п.). Данный метод подтвердил свою эффективность при расследовании серийных преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями (серийные убийства, преступления на сексуальной почве и др.).

При этом повышенный интерес для органов расследования представляют сведения о психическом состоянии лица, полученные из объективных, официальных (профильных) источников:
- медицинские документы о нахождение лица на амбулаторном (стационарном) лечении, диспансерном учете в профильных психиатрических учреждениях;
- медицинские документы о перенесенных тяжелых инфекционных заболеваниях, черепно-мозговых травмах и т.п. (могущих повлечь возникновение психиатрической патологии (аномалии));
- документальное подтверждение информации об обучении лица в специализированном учебном учреждении (для лиц с задержкой, дефектами психического развития);
- документальная информация (свидетельские показания родственников, знакомых и др.) о наличии у лица проявлений неадекватного поведения ранее;
- собственные показания фигуранта о состоянии его психического здоровья и т.п. [1].

При этом необходимо учитывать возможную симуляцию лицом психического заболевания с целью избежать привлечения к уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ).

В целях объективности следует признать, что описание поведения человека другим лицом носит субъективный характер, однако среди проявлений наличия проблем с психическим здоровьем есть особо явные, очевидные даже не для специалиста в области судебной психиатрии: непродуктивность умственных усилий; дезадаптация в обществе (неспособность ужиться с любым окружением); паратимия (неадекватность проявляемых реакций происходящим событиям); деперсонализация (проблемы с собственной идентичностью); дереализация (разрыва связи с реальностью) и др. [2].

Текущая статистика и динамика распространения психических заболеваний довольно неутешительны (по данным Минздрава, в РФ число (учтенных) лиц, страдающих психическими аномалиями, составило: в 2021 г. - 612 045 чел.; 2022 г. - 657 911 чел.; 2023 г. - 709 429 чел. [2].

Медицинские критерии невменяемости, согласно профильным нормативным документам, формируются следующим образом:
- психические расстройства (хронические): прогрессирующие длительные расстройства психики (иногда прерываются периодами ремиссии) (например, маниакально-депрессивное расстройство, шизофрения и др.);

- психические расстройства (временные) (например, реактивные состояния, патологическое опьянение и др.);
- слабоумие: олигофрения (степени: умственная отсталость; имбецильность; идиотизм); старческое слабоумие; деменция (врожденное слабоумие (олигоспермия);
- психопаты (различают: возбудимые (характерны - неконтролируемые агрессивные реакции, вспышки насилия); расслабленные; истерические (характерно привлечение к себе внимания окружающих любой ценой); неустойчивые; параноидальные и др.;
- другие психические аномалии (бред, галлюцинации и т.п.) [3].

При этом лица с психическими аномалиями (не исключающими вменяемость) являются объектами внимания уголовного судопроизводства.

Продолжая исследование, необходимо констатировать, что понятие невменяемости характеризуется медицинским (биологическим) и юридическим критериями.

Медицинский критерий определяет психическое состояние лица в сравнении с биологической нормой (наличие психического заболевания, лишающего его возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими (т.е. далеко не всякого и не в любой стадии или степени тяжести) [3].

Юридический критерий включает два элемента: интеллектуальный - лицо должно быть не способно осознавать фактический характер и последствия своих действий (отдавать им отчет); волевой - невозможность лица руководить своими действиями и контролировать их [3].

Наряду с вышеописанными ситуациями, когда имеет место психическое заболевание или душевное расстройство (в полном понимании этого слова, с однозначным преобладанием медицинской составляющей), имеются и другие формы расстройств (без видимой медицинской составляющей как таковой), нередко приводящие к смещению приоритетов и противоправному поведению. Примером указанного является антисоциальное расстройство. Люди с данным диагнозом осознают последствия своих действий (нередко осуществляют их вполне умышленно, вплоть до того, что это становится манерой их поведения и предсказуемой реакцией на определенные ситуации и действия других лиц). Наиболее явным отличительным признаком антисоциального расстройства является презрение к общепринятым нормам и равнодушие к окружающим (при этом нередко названные нормы заменяются у лица комплексом других поведенческих критериев, принятых в преступном сообществе – «жизнь по понятиям и воровским законам», иногда встречаются и случаи полного нигилизма, когда человек отбрасывает все «моральные и социальные рамки и ограничения» и живет «одним днем»). Людей, сделавших для себя антисоциальное поведение нормой жизни (вплоть до признания этого душевным расстройством), достаточно много в криминальном сообществе, среди тех, кто длительное время (либо неоднократно) находился в местах лишения свободы (по результатам профильных исследований 27-35 %) [3].

В качестве еще одного значимого для настоящего исследования примера можно привести такую психическую аномалию как игровая зависимость. Сама по себе патология не новая (ей сотни, а может быть тысячи лет, начиная со ставок на состязания, гладиаторские бой, скачки, гонки колесниц и т.п., когда проигрывались поместья и целые состояния; далее, ближе к современности, это различного рода карточные игры с теми же результатами, вплоть до дуэлей и самоубийств и т.п.), однако наиболее широкий (действительно массовый – десятки миллионов людей) характер она приобрела начиная со второй половины 20 века в связи с развитием компьютерных технологий (за счет их повсеместности, практически неограниченной логистик, легкости и дистанционности всех процессов, сетевого характера и прочих неоспоримых достоинств в плане коммуникации).

При этом, наряду с ранее приведенными характеристиками, данная категория людей (90 % мужчины; возраст разный и определяющим критерием не является) характеризуется высокими интеллектуальными способностями, образованностью, профессиональной и социальной востребованностью в обществе (люди интеллектуального труда, управленцы, специалисты в области цифровых технологий, творческая интеллигенция и даже деятели науки и культуры) [4].

Понимание серьезности проблемы нашло свое отражение в том, что за последние годы в криминалистике сформировалось целое научное направление исследования – лудомания (от латинского ludus – игра), или игровая зависимость – патологический гэмблинг. При этом в соответствии с Международным классификатором болезней (код F63.0), лудомания признана психическим расстройством, в основе которого лежит патологическое влечение к играм. В этом смысле, лудомания – это одна из форм аддиктивного поведения (от англ. addiction – пагубная привычка, порочная склонность), то есть отклоняющегося (девиантного) поведения [4].

Различного рода психические отклонения оказывают существенное влияние на социальное поведение и образ жизни человека (в общем; в быту; в профессиональной деятельности; на противоправное поведение; на поведение в ходе предварительного расследования; в суде). При этом при производстве предварительного расследования следователю (дознавателю) необходимо учитывать, что психическими расстройствами могут страдать не только подозреваемые (обвиняемые), но и сви-

детели и потерпевшие. Одной из важнейших задач является своевременное установление этих особенностей с целью учета их при выборе тактики расследования, оценки степени достоверности показаний, принятия решения о необходимости экспертной оценки психиатрического статуса названных лиц и т.п.

Собранная информация о неадекватном психическом поведении (во всем его многообразии) может являться основанием для назначения экспертиз (судебно-психиатрической, комплексной судебной психолого-психиатрической). При этом наличие фактической подоплеки (соответствующие медицинские документы, визуальная выраженность, подозрение в совершении тяжкого преступления, особенности совершения преступления, несвойственные его обычным криминалистическим характеристикам и др.), в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, влечет обязательность назначения названных экспертиз как по фактическим обстоятельствам уголовного дела, так и для решения в дальнейшем вопроса о вменяемости (невменяемости) фигуранта.

В ходе указанного также должен быть рассмотрен вопрос о возможности симуляции обследуемым лицом наличия психиатрического заболевания, душевного расстройства (с целями заволокитить ход следствия и оказать максимальное противодействие его ходу (в форме саботажа); избежать избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и т.п., избежать осуждения и назначения уголовного наказания, в целом).

Наиболее типичными признаками данной симуляции являются:

- имитация лицом только отдельных симптомов, а не всей клинической картины заболевания (нарочитость, театральность действий);
- однообразность, заученность действий (в начале симуляции поведение может быть более разнообразным, а затем, в связи с отсутствием притока информации о необходимых для демонстрации критериях поведения, «фантазия обедняется внешними проявлениями»);
- затруднения (невозможность) в имитации лицом симптомов, связанных с высоким эмоциональным и физическим напряжением;
- отсутствие динамики заболевания (симулянт способен изобразить лишь статичный эпизод, а не развитие и прогредиентность болезни) [5].

Вопрос о наличии (отсутствии) симуляции является одним из типичных вопросов, назначаемых и разрешаемых при производстве судебно-психиатрической экспертизы.

С учетом изложенного, наличие у следователя (дознавателя) теоретических знаний по общей психопатологии способствует правильному (более обоснованному) выбору им тактических решений в ходе производства расследования (в целом и отдельных следственных действий), а применительно к экспертизе позволяет ему предоставить в распоряжение экспертов более качественный набор сопровождающих и обосновывающих необходимость проведения экспертизы документов.

При производстве судебно-психиатрической экспертизы наиболее типичными (для постановления о ее назначении) являются следующие вопросы:

- имелось ли у данного лица на момент совершения инкриминируемого противоправного деяния, имеется ли в настоящее время психическое заболевание, душевное расстройство;
- если да, то лишали (-ют) ли они его возможности осознавать фактический характер своих действий и руководить ими (на момент и в ходе совершения им противоправного деяния; в настоящее время), (прямой вопрос о вменяемости или невменяемости ставится редко, так как это не совсем правильно; данные термины содержат не только медицинскую, но и юридическую составляющую, и эксперт не компетентен отвечать на вопрос в этой постановке (вплоть до того, что может отразить это в заключении);
- имеются ли у лица психические аномалии, и если да, то поддаются ли они медицинскому диагностированию и классификации, каков их источник (врожденные, приобретенные, посттравматические и т.п.), в чем они заключаются (внешние и внутренние проявления), попадают ли они под медицинский критерий невменяемости, каков период течения психического заболевания (обострение, ремиссия);
- может ли лицо, в его состоянии психического здоровья, адекватно воспринимать обстоятельства дела и давать объективные и достоверные показания (в случае если оно изъявляет на это желание);
- нуждается ли лицо на период предварительного расследования: в психиатрическом лечении; в содержании в профильном психиатрическом учреждении (опасно ли оно для себя самого и окружающих);
- не являются ли внешние проявления психического заболевания имитацией и симуляцией душевной болезни, если да, то в чем это выражается, и др. [5].

С учетом изложенного, выводы, содержащиеся в заключение судебно-психиатрической экспертизы, играют весьма значимую роль в расследовании (как с точки зрения тактики расследования, так и в связи с их влиянием на его возможный результат).

При расследовании противоправных деяний, совершенных лицами исследуемой категории, наиболее значимыми обстоятельствами, подлежащими установлению, являются:

- обстоятельства содеянного (мотивы, механизм, характер причиненного вреда и др.);
- поведенческие характеристики лица относительно противоправного деяния (до, в процессе, после, в период расследования);
- информация о наличии и характеристиках анамнеза психического заболевания, душевного расстройства (врожденное, приобретенное, наличие подтверждающей медицинской документации, сведения о лечении в профильных учреждениях, обучении в специализированных учебных заведениях, нахождении на соответствующих учетах, о наличии подобных заболеваний у родственников и т.п.);
- вид, степень, внешние признаки, фаза (рецидив, ремиссия) расстройства психики на всех этапа относительно противоправного деяния (до, в процессе, после, в период расследования);
- вменяемость лица, привлекаемого к уголовной ответственности [6].

Наиболее характерными версиями для исследуемой категории уголовных дел являются предположения о том, что деяние совершено:

- невменяемым лицом;
- лицом с психическими аномалиями, но являющимся вменяемым относительно инкриминируемого ему деяния;
- психически здоровым лицом (имеет место симуляция признаков психического заболевания);
- лицом с психическими аномалиями, под воздействием другого лица;
- психически здоровые лица хотят приписать совершенное ими преступление лицу с психическими аномалиями [6].

Также довольно информативной является эмпирически-аналитическая составляющая проведенного исследования, согласно которой (1200 осужденных (случайная выборка)) 29,7 % из них оказались с психическими аномалиями. При этом структурное соотношение психических расстройств распределилось следующим образом: психопатия – 27,9 %; последствия черепно-мозговой травмы – 18,3 %; хронический алкоголизм (его патологические последствия) – 11,4 %; наркомания (последствия) – 10,2 %; органические поражения центральной нервной системы – 6,8 %; олигофрения (дебильность) – 5,9 %; шизофрения (в стадии ремиссии) – 4,4 %; эпилепсия (в стадии ремиссии) – 3,9 %; иные расстройства психики – 11,2 %. Кроме того, 29,7 % из числа названных лиц наряду с психическими заболеваниями и душевными расстройствами имели асоциальные расстройства личности в различной степени выраженности (преимущественно у лиц, находящихся в местах лишения свободы не впервые, либо осужденных к длительным срокам наказания) [7].

Указанные аналитическо-статистические данные могут качественно и количественно охарактеризовать общее состояние дел в данной сфере. Названые показатели обоснованно свидетельствуют о том, что более четверти осужденных имеют психические аномалии (заболевания, душевные расстройства), которые, безусловно, оказали влияние на их способность (мотивированно, безмотивно) совершить инкриминированные им преступления, на порядок и механизм их совершения, на их поведение в ходе предварительного расследования и суда, на их общее отношение к совершенному и наличие (отсутствие) потенциальной возможности их исправления в дальнейшем (более 78 % преступлений, за которые осуждены лица из приведенной выборки, связаны с применением физического насилия). Многие из этих людей после освобождения из мест лишения свободы сознательно сохраняют антисоциальный образ мышления и жизни (который для значительного их числа становится «естественным», единственно приемлемым для них), что влечет повторность совершения ими преступлений («выходя на свободу, эти люди продолжают ходить среди нас, будучи фактически непредсказуемы для окружающих, а порой, и для самих себя»). При этом психические аномалии, имеющиеся у этих людей, либо в общем, либо на протяжении определенных периодов времени (стадии ремиссии у заболеваний) не исключают их вменяемости, и они продолжают оставаться объектами уголовного судопроизводства [7].

Результаты проведенного исследования обоснованно свидетельствуют о том, что раскрытие и расследование противоправных деяний, совершенных лицами с психическими аномалиями, в силу своих специфических особенностей требует повышенного внимания со стороны правоохранительных и других профильных государственных органов (совершаемые ими преступные деяния имеют довольно широкий спектр и не ограничиваются только посягательством на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность граждан, а вполне могут иметь экстремистскую и террористическую направленность, способствовать разжиганию межнациональной розни, религиозной нетерпимости, созданию различного рода «сект» и «лжеучений» любой, в т.ч., опасной для общества и государства направленности (в мировой практике достаточно много подобных примеров)), так как зачастую их расследование имеет ряд специфических особенностей, связанных с нестандартностью субъекта противоправ-

ной деятельности, а сами преступления имеют повышенную социальную опасность и вызывают значительный общественный резонанс.

Список источников

1. Казарян М.А. Анализ насильственных преступлений, совершаемых лицами, имеющими психические аномалии // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 1.
2. Самодумов А.Ю. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, страдающих временными психическими расстройствами // Орловский областной суд. 2021. № 2 (122).
3. Шевелев Д.С. Уголовное судопроизводство в отношении лиц с психическими аномалиями: особенности; алгоритмы реализации; возможные процессуальные решения // Известия Тульского государственного университета. 2023. Вып. 3.
4. Скобеева А.В., Шохин В.А. Основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы, представляемые материалы, порядок проведения, разрешаемые вопросы, варианты выводов заключения // Судебная медицина. 2022. Т. 4. № 2.
5. Маркин С.А. Медицинские и юридические критерии невменяемости, понятия, внутреннее содержание, порядок принятия решения о признании лица невменяемым // Судебная экспертиза. 2022. № 6.
6. Войтович В.А. Наиболее типичные версии при раскрытии и расследовании противоправных деяний, совершенных лицами, страдающими психическими заболеваниями и душевными расстройствами // Закон и право. 2023. № 4.
7. Леучев С.А., Серова А.С. Тактика раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с совершением лицами, страдающими психическими расстройствами, противоправных деяний насильственного характера // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 498.

References

1. Kazaryan M.A. Analysis of violent crimes committed by persons with mental abnormalities. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 1 (In Russ.)
2. Samodumov A.Yu. Forensic psychiatric examination of persons suffering from temporary mental disorders. *Oryol regional court*. 2021. No 2 (122). (In Russ.)
3. Shevelev D.S. Criminal proceedings against persons with mental abnormalities: features; implementation algorithms; possible procedural solutions. *Proceedings of Tula State University.* 2023. Iss. 3. (In Russ.)
4. Skobeeva A.V., Shokhin V.A. Grounds for the appointment of a forensic psychiatric examination, submitted materials, procedure, resolved issues, options for conclusions. *Forensic medicine*. 2022. Vol. 4. No. 2. (In Russ.)
5. Markin S.A. Medical and legal criteria of insanity, concepts, internal content, the procedure for making a decision on recognizing a person as insane. *Forensic examination*. 2022. No. 6. (In Russ.)
6. Voitovich V.A. The most typical versions in the disclosure and investigation of illegal acts committed by persons suffering from mental illness and mental disorders. *Law and Right*. 2023. No. 4. (In Russ.)
7. Leuchev S.A., Serova A.S. Tactics of disclosure and investigation of criminal cases related to the commission of illegal acts of a violent nature by persons suffering from mental disorders. *Bulletin of Tomsk State University*. 2023. No. 498 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский - кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
Ю.С. Журавлева - студентка пятого курса специалитета юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
Yu.S. Zhuravleva - Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 343

Потенциальные информационные возможности результатов оперативно-розыскной деятельности и их значение для раскрытия и расследования преступлений на различных этапах (в различных следственных ситуациях)

© О.И. Лозинский, С.М. Ферафонтова, 2024

Олег Иванович Лозинский[1], Светлана Михайловна Ферафонтова[2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] ferafontova.s@mail.ru

Аннотация. В статье приведены нормативно-правовая и научно-аналитическая трактовки основных понятий, связанных с организацией оперативно-розыскной деятельности в РФ, раскрыто их сущностно-эмпирическое содержание, проанализированы потенциальные информационные возможности результатов оперативно-розыскной деятельности и их значение для раскрытия и расследования преступлений на различных этапах: до возбуждения уголовного; при его возбуждении (как основание для его возбуждения), в ходе предварительного расследования; в суде, а также в различных следственных ситуациях.

Итогом исследования стали выводы о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности и сами по себе имеют значимый информативный характер, а также могут послужить основанием для трансформации их в уголовно-процессуальном порядке через следственные действия в допустимые доказательства по уголовному делу. При этом они значительно облегчают версионную работу по уголовному делу и позволяют более грамотно и обоснованно вырабатывать как общую тактику предварительного расследования, так и тактику производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, процессуальное и не процессуальное, доказывание, доказательства, документирование, оперативно-розыскное обеспечение расследования

Для цитирования: Лозинский О.И., Ферафонтова С.М. Потенциальные информационные возможности результатов оперативно-розыскной деятельности и их значение для раскрытия и расследования преступлений на различных этапах (в различных следственных ситуациях) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С.118-124

Original article

Potential information capabilities of the results of operational investigative activities and their importance for the disclosure and investigation of crimes at various stages (in various investigative situations)

Oleg I. Lozinsky[1], Svetlana M. Ferafontova[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] ferafontova.s@mail.ru

Abstract. The article presents the normative-legal and scientific-analytical interpretations of the basic concepts related to the organization of operational investigative activities in the Russian Federation, reveals their essential and empirical content, analyzes the potential information possibilities of the results of operational investigative activities and their significance for the disclosure and investigation of crimes at various stages: before the initiation of criminal proceedings; when it is initiated (as the basis for its initiation), during the preliminary investigation (revision work; tactical planning in general and certain investigative actions; as a basis for the production of specific investigative actions, etc.); in court, as well as in various investigative situations.

The study concludes that the results of operational investigative activities themselves have a significant informative character, and can also serve as a basis for their transformation in criminal procedure through investigative actions into admissible evidence in a criminal case. At the same time, they greatly facil-

itate the revision work on a criminal case and allow for more competent and reasonable development of both the general tactics of the preliminary investigation and the tactics of individual investigative actions.

Keywords: results of operational investigative activities, procedural and non-procedural, proving, evidence, documentation, operational investigative support for the investigation

For citation: Lozinsky O.I., Ferafontova S.M. Potential information capabilities of the results of operational investigative activities and their importance for the disclosure and investigation of crimes at various stages (in various investigative situations). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):118-124 (In Russ.)

Длительное время, на протяжении более чем двухсот лет, оперативно-розыскная деятельность (далее - ОРД) либо ее более ранние аналоги в нашем государстве (на всех стадиях его исторических трансформаций и развития) носила преимущественно узко ведомственный характер (для нужд реализации собственной компетенции и решения ведомственных задач), традиционно связанный с полицейской (милицейской) деятельностью (с вектором на применение в сфере внутренних дел) и сферой государственной безопасности (с вектором на оказание противодействия негативному, по оценке руководства на текущий момент и в соответствии с господствующей «официальной» идеологией, влиянию извне, борьбе с приверженцами (по любой мотивации, в т.ч. и корыстной, либо «из ложно понятых интересов…, соображений мести правящим кругам и т.п.), лоббистами этого влияния).

Тем самым, ОРД довольно продолжительный период своего функционирования и развития, с уголовно-процессуальной деятельностью каких-либо эмпирически значимых широких связей не имело. Безусловно, неформальные попытки налаживания и реализации подобного взаимодействия имели место постоянно, причем по инициативе обеих сторон: сотрудники оперативных подразделений, наряду с решением информационных задач документирования (преимущественно в негласной сфере), хотели, чтобы результаты их работы «находили отражение» и в форме возбужденных уголовных дел (с обвинительными приговорами), раскрытых преступлений (т.е. имели видимые для общества и государственной власти результаты в их гласно-публичной форме); сотрудники следственных органов, напротив, «стесненные» уголовно-процессуальными нормами, этическими нормами, необходимостью решать вопросы, связанные с ограничением конституционных прав граждан, только в определенной форме - через судебное решение (влекло дополнительную административно-служебную нагрузку, необходимость составления соответствующих документов, затраты времени и сил, было связано с неоднозначностью в вопросах разглашения тайны следствия и др.), хотели иметь возможности: более «легкого», оперативного получения информации в рамках расследуемого уголовного дела (доследственной проверки); проверки каких-либо следственных версий, более локальных вопросов и предположений «в режиме реального времени» и т.п. (без уголовно-процессуальных «условностей и волокиты» и «непреодолимой» огласки).

Указанная «взаимная заинтересованность» длительное время реализовывалась в неформальном порядке (например, на уровне межличностных отношений руководителей соответствующих структур и т.п.), либо на уровне ведомственного нормативного регулирования, какая-либо действенная (реально функциональная) федеральная законодательная база для практической реализации этих процессов, позволяющая перевести взаимодействие в широкую эмпирическую сферу, а тем более в сферу «генерирующую» в процессе реализации ОРД доказательства, допустимые для уголовного судопроизводства, отсутствовала.

И без того, насущная необходимость «более значимого» нормативно-правового оформления и закрепления названного взаимодействия, еще больше усилилась в «переходный период» и далее «в бурные 90-е», обусловленные как «криминальным бумом», так и государственной политикой (на первоначальном этапе), выразившейся в значительном ослаблении всех «силовых» структур, ориентированных как на внешнюю, так и на внутреннюю безопасность (сокращение их финансирования, штатной численности, снижение уровня мотивации сотрудников и конкретности задач для самих структур и др.). Последующий выход из этой «ментально-правовой ямы», связанной с «правовым нигилизмом», «разгулом и засилием криминалитета» «слившегося» и с коммерческими структурами и нередко с отдельными представителями региональных властей и правоохранительных структур (сокращенные профессиональные сотрудники которых, зачастую, «не найдя себя на гражданке», в этот «криминальный бизнес» и уходили), не мог быть осуществлен (тем более эффективно и оперативно) только «легальными» и гласно-публичными уголовно-процессуальными мерами. При этом на государственном уровне имелось понимание того, что необходимый для «восстановления» правопорядка действенный механизм есть и надо только создать необходимую для его реализации нормативно-правовую базу на законодательном уровне. Со временем это понимание обрело законодательное воплощение, и, как показало время, данное решение было абсолютно верным и позволило в значительной мере улучшить криминогенную обстановку (по крайней мере, с различного рода формами организованной преступности, с ее массовостью и полулегальностью) и состояние общего правопорядка.

Как результат названной законодательной деятельности, ОРД в современной России регулируется целым рядом законов, основным из которых является ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД). В ходе вышеописанных процессов ОРД получила заслуженное признание в области борьбы с преступностью, что отразилось на интенсивности формирования оперативно-розыскного законодательства (на современном этапе, в той или иной мере, регулируется более чем 20 законодательными актами и большим количеством ведомственных подзаконных актов; напрямую не регулируют, но опосредовано оказывают значимое влияние на эту деятельность нормы УК РФ и УПК РФ; процесс документирования очень во многом схож с процессом доказывания, а исследуемая деятельность, хоть и имеет иную нормативную основу, созвучна с уголовно-процессуальной).

Еще одним значимым положительным моментом исследуемых процессов является то, что в силу «нашей ментальности» и «исторической памяти» маловероятно, что найдется кто-либо, кто «будучи в здравом уме и трезвом рассудке», пойдет на «разборки» в отдел ФСБ РФ по поводу проведенного в отношении него ОРМ, либо захочет установить и оказать какое-либо «давление» или иное «воздействие» на оперативных сотрудников, а тем более «конфидентов», которые это ОРМ фактически реализовывали. Сотрудники правоохранительных структур (следователи, дознаватели, прокуроры, судьи), осуществляющие свою профессиональную деятельность в более «публичной», гласной форме, гораздо меньше (чем сотрудники оперативных подразделений) защищены от какого-либо негативного воздействия, в связи с реализуемой деятельностью, на них и членов их семей (они общеизвестны, в служебное время находятся в определенном месте, установить их адрес места жительства, данные в отношении членов их семей и другие подобные факты, не представляет особого труда). Также, процесс реализации ОРД, в силу своей негласности и отсутствия общедоступной информации вообще о факте ее проведения, гораздо более уголовно-процессуальной деятельности названных должностных лиц, защищен от возможного противодействия (в любых его проявлениях) криминального сообщества.

Указанные обстоятельства также оказывают определенное влияние на мотивацию следователей (дознавателей), суда получать (перепроверять) ту или иную информацию (в определенных ситуациях и при определенных обстоятельствах) посредством возможностей ОРД.

ОРД, как и любая другая деятельность, структурно включает в себя: цель, средства и результат. При этом достижение цели ОРД (результата), обеспечивается эффективной реализацией соответствующих задач (общие, частные, ст. 2 Закона об ОРД).

К задачам общего плана относятся:

- противодействие противоправной деятельности; установление причастных к ней лиц;
- розыск лиц: скрывающихся от правосудия (следствия, дознания, суда, от исполнения наказания); без вести пропавших;
- получение информации об обстоятельствах и лицах - источниках угрозы безопасности РФ (государственной, военной, экономической, информационной, экологической, др.);
- получение сведений об имуществе, подлежащем конфискации [1].

Частные задачи, преимущественно, диктуются компетенцией и спецификой деятельности каждого отдельно ведомства, реализующего ОРД.

К органами, реализующими ОРД (ст. 13 Закона об ОРД), относятся оперативные подразделения: органов внутренних дел РФ; органов ФСБ России; федеральных органов исполнительной власти в области государственной охраны; таможенных органов РФ; Службы внешней разведки РФ; ФСИН России; внешней разведки МО РФ (в целях обеспечения собственной безопасности) [2].

Наиболее значимыми для решения тактических задач эмпирическими структурными элементами ОРД являются оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ).

В ходе ОРД реализуются следующие виды ОРМ (ст. 6 Закона об ОРД): опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации [3].

Под целью ОРМ понимается прогнозируемый результат, на достижение которого оно направлено (ее достижение реализуется в процессе решения общих и частных задач) [2].

Субъектами ОРМ являются: их организаторы (штатные сотрудники и руководители оперативных подразделений); привлекаемые к их реализации «не штатные» лица (различного рода конфиденты, специалисты и др.).

С целью повышения эффективности и результативности ОРМ сотрудники оперативных подразделений могут использовать различного рода спецсредства (ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД), перечень которых утвержден постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 (с изм. и доп.) [3].

Форма и характер результатов ОРМ (их материально-документальное отображение) во многом зависят от их эмпирических характеристик: гласные, негласные (форма проведения); разведывательные, контрразведывательные, оперативно-поисковые, вспомогательные (направленность); кратковременные, длящиеся (временные затраты); ограничивающие (неограничивающие) конституционные права и др. [3].

ОРМ с учетом субъектов санкционирования (дающих разрешение на их проведение) подразделяются на:

- не требующие санкционирования (проводятся по решению самого оперативного сотрудника) (например, опрос; наведение справок).

- требующие ведомственного санкционирования (постановление руководителя, или его резолюция об утверждении, согласовании и т.п. на документе, составленном оперативным сотрудником) (например, проверочная закупка; оперативное внедрение).

- требующие судебного разрешения (ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД) (например, негласный осмотр жилища; контроль почтовых отправлений) (ограничивают конституционные права граждан) [4].

Перечисленные виды ОРМ характеризуются: целенаправленностью, внутренней структурированностью, специфической формой реализации, легитимностью и законностью.

Документированные результаты ОРМ, не нашедшие последующую реализацию в ходе уголовного судопроизводства и не представляющие интереса для дел оперативного учета (ДОУ), хранятся один год, а затем уничтожаются установленным порядком.

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что причастные к неправомерной деятельности лица довольно часто принадлежат к различного рода формам организованной преступности, полукриминальным структурам, легальным структурам, не исключающим в своей деятельности криминальные формы и методы достижения целей, обладающим большими: людскими ресурсами (иногда в вполне легальных формах - службы безопасности коммерческих и других подобных структур, охранные агентства и т.п.); материальными и техническими возможностями. При этом «конкурирующие» с ними представители правоохранительных и других специализированных структур, даже с учетом легитимности их действий и реализации полномочий от имени государства (с учетом всех его возможностей), используя только традиционные, гласные уголовно-процессуальные возможности, далеко не всегда могут обеспечить себе равные «состязательные возможности», а довольно часто «будучи в жестких ограничительных рамках публичного правоприменения», находятся в заведомо «менее комфортных условиях», чем их «оппоненты», зачастую не связывающие себя подобными ограничениями.

В описанной ситуации роль и значение ОРД, с учетом возможностей непроцессуальной, негласной деятельности, с использованием возможностей внедренных сотрудников, конфидентов и т.п., существенно возрастают и позволяют в большинстве случаев по меньшей мере «выравнивать» ситуацию, а где-то и добиваться тактического перевеса.

Реализация возможностей ОРД положительно влияет на оперативность и эффективность раскрытия и расследования преступления (представление сведений о лицах, причастных к совершению противоправных действий; обстоятельствах преступного деяния; наличии и местонахождении вещественных доказательств, орудий преступления, материальных средствах, полученных преступным путем; способах сокрытия преступления, противодействия следствию и т.п.). Еще более значимы результаты ОРД в ходе раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности [5].

Таким образом, проблема использования результатов ОРД носит многоаспектный характер, и ее рассмотрение предлагается продолжить с учетом анализа нормативно закрепленных ключевых понятий в этой сфере.

Под результатами ОРД (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) понимаются различного рода сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД [6].

Полученные непроцессуальным путем сведения могут приобрести доказательственное значение в случаях их получения следователем (дознавателем) или судом в результате следующих предусмотренных Законом об ОРД и УПК РФ процедур: представление (оперативно-розыскным органом по своей инициативе); истребование (следователем (дознавателем), судом из оперативно-розыскного органа); производство на их основе следственных действий (после поступления значимых сведений). В ходе реализации процессов представления и истребования в оперативно-розыскном органе, наряду с процессами собственно представления сведений, решаются вопросы: возможности их представления, объема и формата представляемых сведений, их легализации, рассекречивания, сохранения конфиденциальности источников (безопасность лиц - конфидентов) их получения и т.п. [7].

Процесс представления результатов ОРД реализуется в соответствии с положениями Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, утвержденной межведомственным приказом от 27 сентября 2013 г. (далее - Инструкция) [8].

Названный процесс предусматривает представление материалов с приложением следующих сопроводительных документов: постановления о предоставлении результатов ОРД; рапорта об обнаружении признаков преступления; постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей [9].

Более простой порядок предоставления результатов ОРД предусмотрен, если ОРМ проводились по поручению (п. 11 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) следователя (дознавателя), суда (по уголовным делам, находящимся в их производстве), по указанию прокурора [9].

Материалы, полученные из органа, реализующего ОРД, при необходимости незамедлительно либо в срок не более 10 суток, изучаются и оцениваются следователем (дознавателем), прокурором, судом на предмет их обоснованности, достоверности и достаточности для принятия решения о возбуждении уголовного дела [10].

В итоге, материалы принимаются либо возвращаются отправителю (оставаясь без реализации либо для доработки) с подробным разъяснением (письменно, в виде справки) причин принятого решения (названное решение, например следователя, может быть обжаловано отправителем в письменной форме вышестоящему руководителю следственного органа, с приложением ранее представленных материалов).

Вопрос возможности использования результатов ОРД и процесс придания им доказательственного значения в уголовном процессе урегулирован Законом об ОРД (ст. 11) [11].

Результаты ОРД могут использоваться (ч. 1 и 2 ст. 11 Закона об ОРД):

- для возбуждения уголовного дела (в качестве поводов и оснований);
- для подготовки и производства следственных (судебных) действий;
- в доказывании по уголовным делам (в соответствии с УПК РФ);
- для планирования и проведения других ОРМ на их основе [12].

Возможность использования результатов ОРД для названных целей заключается в предполагаемом наличии в них сведений (п. 18 Инструкции):

- о наличии возможных источников доказательств;
- о наличии и местонахождении: лиц, располагающих важной информацией по существу уголовного дела; предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ;
- о фактах (обстоятельствах), важных для выработки общей тактики и методики расследования (круг необходимых следственных действий, последовательность и условия их проведения и т.п.);
- о фактах (обстоятельствах), позволяющих определить наличие оснований для производства, а также выработать тактику и методику производства конкретного следственного действия [12].

Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам осуществляется в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание (ст. 86), проверку (ст. 87) и оценку (ст. 88) доказательств (положения ст. 89 УПК РФ запрещают их использование в доказывании, если они не отвечают вышеуказанным требованиям) [13].

Процессы, происходящие при использовании результатов ОРД, по сути, заключаются в переносе и преобразовании фактических данных в определенную УПК РФ форму (которая в дальнейшем позволит предъявлять эти преобразованные в доказательственную форму сведения в суде или, по меньшей мере, официально ссылаться на них при принятии процессуальных решений в ходе предварительного расследования) [14].

При этом доказательства, полученные с нарушением требований ст. 75 УПК РФ, считаются недопустимыми. Решение о возможности использования результатов ОРД в рамках расследования каждого конкретного уголовного дела принимается: следователем (дознавателем), прокурором, судом (в зависимости от того, на каком этапе расследования, рассмотрения уголовного дела поступили материалы ОРД и кто на данном этапе полномочен принимать по ним решение) [16].

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо отметить, что несмотря на принимаемые меры, уровень криминогенной обстановки по-прежнему высок. При этом степень консолидации криминогенных элементов и уровень их «профессионализма» возрастает. Наличие различных форм организованной преступности, сращивание криминальных структур с коммерческими организациями, проникновение их в административно-управленческий аппарат и даже в правоохранительные органы уже ни у кого удивления не вызывают. При этом, наряду с организационным усилением в значительной степени возросли финансовые возможности и техническое оснащение криминогенных образований. В свою очередь это повлияло на расширение спектра преступной деятельности с проникновением ее во все сферы, объединенные в цифровую экосистему (коммуникация, логистика, банковская сфера, госуслуги, сферы дистанционной торговли, оказания услуг, организации отдыха, виртуального общения, компьютерных игр, форм организации досуга, рекламы и др.). Названные цифровые возможности

коммуникации и логистики в значительной степени актуализировали вопросы, связанные со всеми формами обеспечения безопасности и оказания эффективного и результативного противодействия террористической опасности и экстремизму.

В описанных условиях такой действенный и эффективный механизм как ОРД (во многом в силу его негласности, непроцессуальности; деятельности внедренных сотрудников, различного рода конфидентов и др.) сможет в значительной степени дополнить потенциальные возможности, в определенной степени компенсировать «слабости» (связанные с различного рода этическими, правовыми и процессуальными ограничениями в деятельности следственных органов) и в значительной степени повысить степень эффективности и результативности уголовно-процессуальной деятельности (профилактика, выявление, установление, раскрытие, расследование) органов предварительного расследования в борьбе с преступными проявлениями.

ОРД информативна и эффективна сама по себе в рамках документирования, однако при организации ее действенного взаимодействия с уголовно-процессуальной деятельностью следственных органов количество может быстро перерасти в качество, что положительно скажется на ОРД, в связи с повышением ее результативности, и еще в большей степени окажет благоприятное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность за счет существенного повышения ее эффективности.

Список источников

1. Цибарт Е.Э., Селефонкина К.В. Проблемы, возникающие при использовании результатов ОРД, полученных посредством проведения ОРМ // Российский следователь. 2023. Вып. 5 (61). Ч. 3. С. 190-193.
2. Зникин В.К. Системное исследование ОРД как эффективного средства обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия ТулГУ. 2021. № 4 (10). С. 33-39.
3. Ахметгалеев В.Р. О значении результатов ОРД при подготовке и принятии решений о применении мер пресечения при расследовании преступлений // Инновационная наука. 2022. № 3-1. С. 27-29.
4. Ткачук Т.А., Лакутина Е.А. Использование результатов ОРД с целью преодоления противодействия расследованию // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3. С. 135-139.
5. Коробейникова Т.С. Использование результатов ОРД для возмещения ущерба, причиненного преступлением // Вестник БЮУ МВД России. 2022.№ 2. С. 119-127.
6. Жукова Л.С. Методы ОРД, обеспечивающие раскрытие и расследование преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Вести БЮУ МВД России. 2023. № 4. С. 296-298.
7. Терентьева Е.Е. Правовой статус результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании // Законность. 2021. № 10. С. 46-49.
8. Цыденов А.З., Санташова Л.Л. Проблемы применения результатов ОРД исправительных учреждений по раскрытию и расследованию преступлений // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 4 (12). С. 92-94.
9. Холмогоров М.Ю. Проблемные вопросы трансформации результатов ОРД в доказательства по уголовному делу и пути их разрешения // Правопорядок: история, теория и практика. 2022. № 4. С. 87-91.
10. Чеботаренко С.М. Результаты ОРД и доказательства по уголовному делу, единство и противоречия процессуального и не процессуального // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 79-44.
11. Шохин М.Д. Результаты ОРД как эффективное средство раскрытия преступлений прошлых лет // Вестник Пермского университета. 2022. № 3. С. 26-31.
12. Пехов С.И. Значение результатов ОРД при принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела // Научный электронный журнал «Академическая публицистика». 2021. № 1. С. 309-312.
13. Ковалева С.Ю. Место результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. 2023. № 1. С. 106-111.
14. Алишеров Р.Н. Содержательное наполнение ОРД: соотношение ОРМ и следственных действий; документирование и доказывание // Актуальные проблемы Российского права. 2023. № 7. С. 79-84.
15. Радовская К.Н. Проблемы трансформации результатов ОРД в доказательства по уголовным делам, допустимые в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2. С. 111-114.
16. Григорьева С.М. Результаты ОРД как действенная возможность повышения эффективности и результативности предварительного расследования на всех его этапах // Правопорядок: история, теория и практика. 2023. № 3. С. 57-61.

References

1. Tsibart E.E., Selefonkina K.V. Problems arising when using the results of the ORD obtained through the ORM. *Russian investigator*. 2023. Iss. 5 (61). P. 3: 190-193. (In Russ.)
2. Znikin V.K. Systematic investigation of the HORDES as an effective means of ensuring the disclosure and investigation of crimes. *News of TulSU*. 2021. No. 4 (10):33-39. (In Russ.)

3. Akhmetgaleev V.R. On the significance of the results of the ORDO in the preparation and decision-making on the application of preventive measures in the investigation of crimes. *Innovative Science*. 2022. No. 3-1: 27-29. (In Russ.)
4. Tkachuk T.A., Lakutina E.A. The use of the results of the ORD in order to overcome the opposition to the investigation. *Siberian Legal Bulletin*. 2021. No. 3: 135-139. (In Russ.)
5. Korobeynikova T.S. Using the results of the ORDO to compensate for damage caused by a crime. *Bulletin of the BYU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022.No. 2: 119-127. (In Russ.)
6. Zhukova L.S. Methods of the ORD, ensuring the disclosure and investigation of crimes committed in conditions of non-obviousness. *To conduct the BUU of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 4: 296-298. (In Russ.)
7. Terentyeva E.E. The legal status of the results of the ORDO in criminal procedural proof. *Legality*. 2021. No. 10: 46-49. (In Russ.)
8. Tsydenov A.Z., Santashova L.L. Problems of applying the results of the hordes of correctional institutions for the disclosure and investigation of crimes. *Professional legal education and science*. 2023. No. 4 (12):92-94. (In Russ.)
9. Kholmogorov M.Y. Problematic issues of transformation of the results of the ORDO into evidence in a criminal case and ways to resolve them. *Law and order: history, theory and practice.* 2022. No. 4: 87-91. (In Russ.)
10. Chebotarenko S.M. Results of the ORDO and evidence in a criminal case, unity and contradictions of procedural and non-procedural. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them.* 2022. No. 2: 79-44. (In Russ.)
11. Shokhin M.D. The results of the ORDO as an effective means of solving crimes of the past years. *Bulletin of the Perm University*. 2022. No. 3: 26-31. (In Russ.)
12. Pekhov S.I. The significance of the results of the ORDO when making a procedural decision on initiating a criminal case. *Scientific electronic journal "Academic Journalism"*. 2021. No. 1: 309-312. (In Russ.)
13. Kovaleva S.Yu. The place of the results of the ORDO in criminal procedural evidence. *A Russian investigator*. 2023. No. 1: 106-111. (In Russ.)
14. Alisherov R.N. The content of the ORD: the ratio of ORM and investigative actions; documentation and proof. *Actual problems of Russian law*. 2023. No.:79-84. (In Russ.)
15. Radovskaya K.N. Problems of transformation of the results of the ORDO into evidence in criminal cases admissible in criminal proceedings. *Siberian Legal Bulletin.* 2023. No. 2: 111-114. (In Russ.)
16. Grigorieva S.M. The results of the ORDO as an effective opportunity to increase the efficiency and effectiveness of the preliminary investigation at all its stages. *Law and order: history, theory and practice*. 2023. No. 3: 57-61 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский - кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
С.М. Ферафонтова - студентка пятого курса специалитета юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
S.M. Ferafontova - Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Научная статья
УДК 343.81

О некоторых проблемах правовой регламентации организации и проведения воспитательной работы с осужденными в исправительных центрах

© Мирошниченко Е.А., 2024

Екатерина Александровна Мирошниченко
Главное Управление по правовой работе, ГУФСИН России по Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия. katiataranina@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день законодательно не установлена обязанность осуждённых к принудительным работам в исправительных центрах участвовать в мероприятиях воспитательного характера, в связи с чем автор предлагает внести соответствующие дополнение в ст. 60.12 УИК РФ. Кроме того, предлагается в качестве основания применения поощрений установить наряду с установленными в ст. 60.13 УИК РФ такое условие как активное участие осужденных к принудительным работам в воспитательных мероприятиях.

Ключевые слова: воспитательная работа, исправительные центры, правовое регулирование, мероприятия воспитательного характера, администрация исправительного центра, организация, спортивные мероприятия

Для цитирования: Мирошниченко Е. А. О некоторых проблемах правовой регламентации организации и проведения воспитательной работы с осужденными в исправительных центрах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.125-128

Original article

On some problems of legal regulation of the organization and conduct of educational work with convicts in correctional centers

© Miroshnichenko E.A., 2024

Miroshnichenko Ekaterina A.
the Main Directorate for Legal Work, the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Rostov region, Rostov-on-Don, Russia. katiataranina@mail.ru

Abstract. To date, the obligation of those sentenced to forced labor in correctional centers to participate in educational activities has not been legally established, in connection with which the author proposes to make appropriate additions to Article 60.12 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, it is proposed as a basis for the use of incentives to establish, along with those established in Article 60.13 of the Criminal Code of the Russian Federation, such a condition as the active participation of convicts to forced labor in educational activities.

Keywords: educational work, correctional centers, legal regulation, educational activities, administration of the correctional center, organization, sports events

For citation: Miroshnichenko E.A. On some problems of legal regulation of the organization and conduct of educational work with convicts in correctional centers. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):125-128 (In Russ.)

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [1] предполагает активное развитие исправительных центров, соответственно и возрастание количества лиц, осужденных к принудительным работам. Этот процесс подразумевает решение ряда организационных и правовых вопросов деятельности исправительных центров. Так, на сегодняшний день неразрешённой остаётся проблема организационного и законодательного закрепления воспитательной работы с лицами, которые были осуждены к принудительным работам в исправительных центрах [2, с.153].

Гуманизация уголовного закона положительным образом отражается на самих осуждённых, поскольку условия отбывания намного лояльнее, в результате чего им проще и быстрее даётся процесс возвращения к нормальным условиям жизни, налаживания связей в обществе. Согласно статистическим данным, число рецидивистов после отбывания наказания в исправительных центрах уменьшилось примерно в 4 раза относительно других видов наказания [3, с.308]. Касательно общества в целом, это позволяет решить ряд трудностей, существующих, в частности, в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

В ряде субъектов практикуется отбывание наказания осужденными, при котором они проживают в общежитиях, которые были построены конкретно для работников определённого предприятия. Такая форма видится в качестве перспективной и взаимовыгодной, так как практически отсутствуют затраты на размещение осужденных, исправительный центр здесь выполняет функцию предоставления рабочей силы и обеспечения надзора.

В последнее время наблюдается тенденция, связанная с перенасыщенностью исправительных учреждений и изолированных участков, функционирующий как исправительный центр, что осложняет вопрос организации с осужденными воспитательной работы. Непринятие во внимание положений ст. 60.12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ) [4] о воспитательной работе, ст. 60.4 УИК РФ, ст. 60.18 УИК РФ существенно повышает риск рецидива преступлений. Например, согласно статистическим данным, из лиц, которые были осуждены к отбыванию наказания в виде принудительных работ, в 2019 году 48 человек, совершили рецидив преступления, за 1 полугодие 2020 года - 30 человек, кроме того, большая часть осужденных лиц, суды которым заменили лишение свободы принудительными работами, совершили административные проступки.

Трактование ст.60.12 УИК РФ показывает, что для осуждённых в исправительных центрах не установлена обязанность участвовать в мероприятиях воспитательного характера, в то время как для администрации исправительных центрах это является обязанностью. В сложившейся ситуации видится необходимым дополнить вышеуказанную норму отдельным положением: «Распорядок дня исправительного центра может предусматривать мероприятия воспитательного характера, участие в которых обязательно для осужденных».

В соответствии с ч. 2 ст. 60.12 УИК РФ активное участие осужденных к принудительным работам в воспитательных мероприятиях поощряется. Но тем временем ст. 60.13 УИК РФ устанавливает такие условия для применения поощрений как добросовестное отношение к труду, хорошее поведение. Исходя из этого, считаем целесообразным привести вышеуказанные нормы в соответствие путём дополнения ст.60.13 УИК РФ таким условием как «активное участие в мероприятиях воспитательного характера» [5, с.23].

Опираясь на уголовно-исполнительный закон, невозможно определить, что законодатель подразумевает под воспитательной работой с осужденными к принудительным работам. Только в специальном акте Минюста России [6] указывается на проведение спортивных мероприятий с осужденными к принудительным работам. Понятно, что их проведения недостаточно для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

В п. 2 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] закреплён законодательно термин воспитание, под которым понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Соответственно, требуют нормативного закрепления других форм воспитательного характера на осуждённого, а именно правовой, нравственной, трудовой. Остаётся предполагать, что особенностью такой работы является привитие общепринятых в обществе ценностей посредством привлечения осужденных к выполнению работ на пользу общества, окружающей среды [8, с.49].

Администрацией исправительного центра, а именно сотрудниками группы организации трудовой деятельности и воспитательной работы осуществляется [9] относительно осужденных к принудительным работам воспитательная работа, которая заключается в проведении воспитательных мер в форме личной беседы с осужденными, проведения различных тематических лекций, собраний, организации спортивных турниров.

Сотрудники группы организации трудовой деятельности и воспитательной работы беседуют с осужденными, выясняя обстоятельства его жизни после освобождения (место жительство, работа, наличие родственников, его намерения). Начальник исправительного центра за 6 месяцев до освобождения информирует с помощью уведомления территориальных органов местного самоуправления, ЦЗН об освобождении осужденного, о его месте жительства, трудоспособности, специализации, применении мер наказания и поощрения.

Очевиден тот факт, что организационные моменты воспитательной работы с осужденными к принудительным работам требуют чёткого закрепления в действующем законодательстве. В настоящее время нормативно не регламентированы вопросы относительно форм и методов воспитательных мероприятий, материально-технической базы их проведения. В этой связи автор статьи разделяет позицию Е.В. Чернышенко [5, с.24], который предлагает внести соответствующее дополнение в ст.60.12 УИК РФ следующего содержания: «В исправительных центрах осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к принудительным работам. Воспитательная работа с осужденными проводится в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе

психолого-педагогических методов. Для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных центрах создается материально-техническая база в соответствии с нормами, утвержденными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Важно также отметить, что такая форма воспитательной работы как трудовая претерпевает также сложности, так как порой привлечь к труду осужденных к принудительным работам проблематично ввиду отсутствия у последних специального образования [10, с.165]. В связи с этим, полагаем целесообразным создать при исправительных центрах центры ускоренной профессиональной подготовки, преследующих цель реализовать карательно-воспитательный потенциал принудительных работ.

Подводя итог статьи, отметим, что деятельность исправительных центров нуждается в дальнейшем реформировании в части организации и проведения воспитательной работы с осужденными, особенно сейчас, когда значительно сокращается количество лиц, которые содержатся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и возрастает нагрузка на исправительные центры и изолированные участки, функционирующие как исправительный центр. Сформулированные в данной статье предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства позитивным образом способны отразиться на процессе организации и проведения воспитательной работы с осужденными в исправительных центрах.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Петряева А. Н. Основные проблемы организации исполнения наказания в виде принудительных работ // Молодой ученый. 2021. № 52 (394).
3. Афанасьев С.А. Актуальность применения принудительных работ и развитие системы исправительных центров в процессе гуманизации уголовного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Чернышенко Е.В. Правовое регулирование и особенности организации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в исправительных центрах // Ведомости УИС. 2022. №2 (237).
6. Приказ Министерства юстиции РФ от 29 декабря 2016 г. № 329 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Храброва Е.В. К вопросу о содержании воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ // МНИЖ. 2022. №12 (126).
9. Приказ Минюста России от 25.12.2019 № 307 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка исполнения администрацией исправительного центра обязанностей по ведению учета осужденных к принудительным работам, осуществлению регистрации и снятия с регистрационного учета по месту пребывания осужденных к принудительным работам граждан Российской Федерации или постановки на миграционный учет и снятия с миграционного учета по месту пребывания осужденных к принудительным работам иностранных граждан и лиц без гражданства, проведению с осужденными к принудительным работам воспитательной работы, применению к ним мер поощрения и взыскания, ведению работы по подготовке осужденных к принудительным работам к освобождению» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2020 № 57241) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Химеденова Д.Н. Назначение и исполнение наказания в виде принудительных работ: Дис. ... к.ю.н., 2022

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r (ed. dated 05/27/2023) "On the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // SPS "ConsultantPlus".
2. Petryaeva A. N. The main problems of the organization of the execution of punishment in the form of forced labor. *Young scientist*. 2021. No 52 (394) (In Russ.)
3. Afanasyev S.A. The relevance of the use of forced labor and the development of the system of correctional centers in the process of humanization of criminal legislation. *Law and the State: theory and practice*. 2023. No 6(222). (In Russ.)

4. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated 08.01.1997 (as amended on 06/24/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 11.12.2023) // SPS "ConsultantPlus".
5. Chernyshenko E.V. Legal regulation and features of the organization of educational work with convicts to forced labor in correctional centers. *Vedomosti UIS*. 2022. No2 (237). (In Russ.)
6. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 29, 2016 No. 329 "On approval of the Internal Regulations of correctional centers of the penal enforcement system" // SPS "ConsultantPlus".
7. Federal Law No. 273-FZ of 12/29/2012 (as amended on 12/25/2023) "On Education in the Russian Federation" (with amendments and additions, introduction. effective from 01.01.2024) // SPS "ConsultantPlus".
8. Khrabrova E.V. On the issue of the content of educational work with convicts serving sentences in the form of forced labor. *MNIZH*. 2022. No12 (126). (In Russ.)
9. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 12/25/2019 No. 307 (ed. dated 08/09/2023) "On Approval of the Procedure for the Execution by the administration of the correctional center of the duties of Keeping records of those sentenced to forced labor, registering and De-registering at the place of stay of citizens of the Russian Federation sentenced to forced labor or Registering and De-registering at the place of stay of foreign citizens and stateless persons sentenced to forced labor, conducting educational work with those sentenced to forced labor, applying measures of encouragement and punishment to them, conducting work on the preparation of convicts for forced labor for release" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 01/23/2020 No. 57241) // SPS "ConsultantPlus" (In Russ.)
10. Himedenova D.N. Appointment and execution of punishment in the form of forced labor: Dissertation... Candidate of Law. Kursk, 2022. (In Russ.)

Информация об авторах

Мирошниченко Е. А. – помощник начальника Главного Управления по правовой работе, начальник юридической службы

Information about the authors

Miroshnichenko E. A. – Assistant to the Head of the Main Directorate for Legal Work, Head of the Legal Service of the Main Directorate

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 343.97

Преступность мигрантов:
причины совершения и меры профилактического воздействия

© О.Н. Палиева, В.Б. Палиев, 2024

Палиева Оксана Николаевна[1], Палиев Владимир Борисович[2]
[1,2] Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[1] palievaoksana@mail.ru
[2] radanpal58@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются понятия «миграция», «криминальная миграция», причины совершения преступлений, а также рассмотрены иные особенности криминологической характеристики преступности мигрантов.

Ключевые слова: преступность, мигранты, криминальная миграция, миграционные потоки, профилактика преступлений

Для цитирования: Палиева О.Н., Палиев В.Б. Преступность мигрантов: причины совершения и меры профилактического воздействия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (151). С. 129-132

Original article

Migrant crime:
causes of commission and preventive measures

Oksana N. Palieva[1], Vladimir B. Paliev[2]
[1,2] Moscow Witte University, the Branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russian
[1] palievaoksana@mail.ru
[2] radanpal58@mail.ru

Abstract: The article analyzes the concepts of "migration", "criminal migration", the reasons for committing crimes, and also examines other features of the criminological characteristics of migrant crime.

Keywords: crime, migrants, criminal migration, migration flows, crime prevention

For citation: Palieva O.N., Paliev V.B. Migrant crime: causes of commission and preventive measures. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):129-132 (In Russ.)

В последние годы миграционные потоки в нашей стране носят достаточно напряженный характер. На активные передвижения мигрантов влияют социальные, экономические и политические факторы. К сожалению, массовый приток мигрантов привел к социальной напряженности в обществе. Осложняет ситуацию с мигрантами недостаточно отработанный механизм контроля за въезжающими в страну лицами. Достаточно большое количество мигрантов не состоят на учете и, соответственно, прибывают в стране незаконно. Бесконтрольное их нахождение в обществе ухудшает социальную и культурную обстановку, ситуацию на рынке труда и стимулирует развитие «теневой» экономики. К сожалению, такая ситуация является одной из предпосылок, способствующей росту миграционной преступности.

В 2023 г. Россию захлестнули массовые правонарушения со стороны мигрантов в различных регионах страны. Противоправные деяния выражаются как в совершении ряда жестоких преступлений в отношении отдельных граждан России, так и в открытом нападении на сотрудников правоохранительных органов [1].

Термин «мигрант» происходит от латинского слова «migratio» и означает «переселение». И.И. Гареев понимает под миграцией «вынужденное или добровольное перемещение людей в пространстве от одного места проживания (нахождения) в другой (страна, регион, город либо иной пункт пребывания), вне зависимости от пересечения внешних или внутренних границ административно-территориальных образований, вне зависимости от срока пребывания (от 1 дня до нескольких лет), путем наземного, воздушного, водного или иного транспорта, осуществляемое в различных целях» [2, с. 69].

В юридической литературе получил распространение термин «криминальная миграция». Авторы применяют его, когда затрагивают вопросы совершения преступлений мигрантами. Так, С.Е. Метелев рассматривает криминальную миграцию «как социальное, относительно массовое, общественно опас-

ное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий» [3, с. 15]. Исходя из указанного определения, можно сделать вывод, что миграция обусловлена факторами преступного характера. Цель криминальной миграции заключается в осуществлении нелегальной, незаконной или преступной деятельности. По мнению ряда ученых, «проблемы возникают и усугубляются тогда, когда миграционные процессы становятся неконтролируемыми, а сами мигранты воспринимаются как потенциальные правонарушители» [4, с.32]. Соответственно, определенная часть мигрантов требует повышенного внимания со стороны правоохранительных органов.

Прежде чем дальше рассматривать цифры официальной статистики, необходимо обратить внимание на возможности и качество учета мигрантов. Надо признать, что часть мигрантов, въезжающих в Россию, вообще не состоят на учете. Причины разные: нежелание вставать на регистрационный учет, трудности в оформлении, материальные затраты и другие. Существует и проблема в фиксации показателей учета, так как понятие «мигрант» дает разные параметры фиксации учета. Официальные данные о состоянии преступности в России имеют показатель преступности мигрантов, который обозначен как преступления, совершенные иностранными лицами и лицами без гражданства.

В 2019 г. на миграционный учет в МВД встали почти 20 млн человек. Статистика указывает, что значительная часть приезжих мигрантов – это жители СНГ из Узбекистана, Таджикистана, Украины (13 млн. чел.). Исключением является Китай: оттуда в прошлом году к нам прибыли 2,3 млн человек [5]. Данные о состоянии преступности мигрантов (в сведениях о состоянии преступности в Российской Федерации они обозначены как иностранные граждане и лица без гражданства) за 2019-2023 гг. следующие. В 2019 г. совершено 34,9 тыс. преступлений (из них граждан СНГ 31,0 тыс. преступлений), в 2020 г. - 34.4 тыс. преступлений (30.8 тыс.), в 2021 г. - 36.4 тыс. преступлений (28,5 тыс.), в 2022 г. - 40.2 тыс. преступлений (32,9 тыс.), в 2023 г. - 36,6 тыс. преступлений (30,4 тыс.). Данные 2023 г. представлены за декабрь-ноябрь [6]. Уровень латентности преступлений, совершаемых мигрантами, тоже достаточно высок.

Всплеск преступности и агрессивность мигрантов в отношении граждан России всколыхнули общество и заставили государственные органы к активному противодействию. И. Ивахнюк связывает ситуацию «мигрантского беспредела» с нахождением России в состоянии СВО и с целью провоцирования в стране внутриполитического взрыва [7].

24 октября 2023 г. состоялось специальное заседание коллегии МВД России по вопросам противодействия незаконной миграции и пресечения правонарушений. Министр МВД РФ В. Колокольцев обратил внимание «на важность превентивных мероприятий в сфере миграции и потребовал обеспечить повседневную, системную и комплексную работу с иностранными гражданами, с задействованием всех сил и средств» [8].

Преступления, совершаемые мигрантами, характерны для крупных населенных пунктов и городов, так как их сосредоточение в основном происходит в многочисленных населенных пунктах, там, где есть возможность найти работу и жилье. Наибольший их рост приходиться на города-мегаполисы г. Москва и г. Санкт-Петербург. Это свидетельствует о том, что мигранты стремятся в относительно благополучные города, где есть возможность реализовать свои возможности и желания. Анализируя преступность мигрантов, необходимо разграничивать понятия «преступления, совершаемые мигрантами» и «преступления в сфере миграции», так как они имеют различное смысловое значение.

Преступления, совершаемые мигрантами, носят преимущественно корыстно-насильственный характер (кражи, грабежи, мошенничества, разбои). Однако ими совершаются и иные виды преступлений, такие как незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и оружия, торговля людьми, преступления террористической и экстремистской направленности и другие. К преступлениям в сфере миграции относятся ст.ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Это ряд преступлений, которые расположены в гл. 32 «Преступления против порядка управления [9]. Субъектами указанных преступлений являются как граждане РФ, так и мигранты.

Несомненно, что современные миграционные процессы в Российской Федерации требуют постоянного контроля не только за режимом пребывания иностранных граждан и осуществления ими трудовой деятельности в рамках законодательства нашего государства, но и непосредственно за самой численностью въезжающих и выезжающих мигрантов.

С учетом вышеизложенного возникает необходимость в активном противодействии криминальным проявлениям миграции.

Каждое развитое государство, стремящееся к дальнейшему благополучному развитию, заинтересованно в искоренении преступности. На различных исторических этапах эта задача разрешалась по-разному. Попытки исправления и ресоциализации часто декларировались, но реально ситуацию исправить не могли. Поэтому вместо концепции возмездия и кары пришла теория предупреждения преступности. Интересную мысль по этому поводу высказывает Ю.В. Бышевский, который указал, что «теория преступности объединяет в себе с одной стороны, специфические формы обращения с пре-

ступником, с другой – формы и методы, воздействия на ту социальную среду, которая породила преступление и продолжает их порождать» [10]. С учетом сказанного теоретики и практики должны направить свои усилия на общее и специальное предупреждение преступлений мигрантов.

Думается, что необходимо выделить несколько направлений профилактического характера.

Одно из основных направлений – это постоянный контроль за въездом мигрантов и использованием их труда. Нелегальная трудовая миграция создает неблагоприятные условия как для незаконного въезда и нахождения на территории страны, так и порождает совершение преступлений, различной направленности незаконной миграции, торговли людьми, рабского труда и иных. Существует Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции. С этой целью необходимо урегулировать порядок миграционного контроля относительно въезда, пребывания, цифровое фотографирование, систему распознавания лиц, транзитного проезда и выезда, применение обязательной дактилоскопии и видеорегистрации [11, с. 82].

Между тем, есть мнение, что большинство мигрантов пересекают границы нашего государства легально, как граждане стран, которые имеют безвизовый въезд в Россию. Статус «нелегального» мигранта они приобретают тогда, когда не могут легализовать свой труд. Труд мигранта – является источником заработка огромных денежных средств [12, с. 24]. Думается, что указанный вопрос тоже необходимо привести в законодательное соответствие, так как случаи использования труда мигрантов без оформления соответствующих трудовых отношений носят системный характер.

Еще одно профилактическое направление – это социальная политика в отношении мигрантов. Необходимо проводить мероприятия, направленные на разрешение бытовых проблем, снижение конфликтности на производстве, законопослушание, возможностей законного удовлетворения их потребностей в зависимости от цели их пребывания на территории РФ. Создавать специализированные центры по социально-правовой поддержке и психолого-консультативными пунктами. Для мигрантов необходимо создать условия для реализации их прав. Однако эти мероприятия не должны затрагивать законные интересы коренного населения страны. Как нам кажется, этой проблеме уделяется недостаточно внимания со стороны государства.

Одной из главных задач системы правоохранительных органов является взаимодействие с различными подразделениями по миграции и иными структурами.

Рациональная профилактическая работа в сфере уголовной политики должна быть связанна с четко проработанной нормативной правовой базой, которая должна в полном объеме обеспечивать бесконфликтное развитие общества с учетом настоящих реалий и с учетом санкционного давления. Угроза привлечения к уголовной ответственности носит сдерживающий характер, однако она необходима и должна проводиться в государстве.

С учетом происходящего роста преступности мигрантов и растущей напряженности в обществе А. Бастрыкин дал указание на создание в регионах «межведомственных рабочих групп, которые будут специализироваться на расследовании преступлений, связанных с мигрантами» [13]. Он рекомендовал межведомственным рабочим группам осуществлять взаимодействие с местными властями и военкоматами. По мнению руководителя Следственного комитета, воинская служба – это лучший способ профилактики преступлений. В настоящее время такая работа уже ведется и достаточно активно.

В 2024 г. готовится масштабная реформа миграционного законодательства, которая ужесточит въезд и нахождение мигрантов на территории Российской Федерации. Очевидно, что только комплексный подход позволит разработать не только эффективные методы, направленные на нейтрализацию негативных факторов, являющимися как предпосылками миграционной преступности, так и последствиями таких действий, но и создать правовые, организационные, социальные факторы, позволяющие урегулировать процесс миграции в страну, создадут прозрачность учета мигрантов, дисциплинируют трудовую деятельность, как со стороны мигрантов, так и со стороны местных работодателей, создадут социальные условия, а также снизят до минимума рост преступности.

Список источников

1. URL: https://mskvremya.ru/article/2023/1598-krasnaya-ploshchad-migranty-ugrozhali-politseyskim-zaderzhany-delo (дата обращения 10.02.2024).
2. Гареев, И.И. Миграция в России: проблемы и перспективы / Материалы IX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовая система и вызовы современности» (3–7 декабря 2012 года). Уфа: Изд-во РИЦ БашГУ, 2012. Ч. 1
3. Метелев С.Е. Криминальная миграция (криминологическая характеристика и предупреждение): Автореферат дисс. … к.ю.н. М., 1996.
4. Костюк,М.Ф., Кунц Е.В. Правовые средства противодействия миграционной преступности // Миграционное право. 2022. № 3
5. Миграция в странах бывшего СССР // Вопросик. Внешняя политика. 2016. http://voprosik.net/migraciya-v-stranax-byvshego-sssr/ (дата обращения 31.01.2024).

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - март 2021 года // Материалы пресс-центра МВД РФ. URL: https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/23816756 (дата обращения 01.02.2024).
7. Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskh (дата обращения 10.02.2024).
8. ,URL:https://az.sputniknews.ru/20231024/v-mvd-rossii-proshlo-zasedanie-kollegii-posvyaschennoe-protivodeystviyu-nelegalnoy-migratsii-459912243.html (дата обращения 10.02.2024).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
10.Бышевский Ю.В. Миграция как криминологическая проблема. Ставрополь, 2007
11.Проблемы государственного и международного регулирования рынка труда и трудовой миграции. Монография / под ред. А.В. Воронина, М.В. Гогитидзе, Н.Б. Осипян [и др.]; Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, филиал Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону [Электронное издание]. Москва, 2023.
12.Абазехова,З.И. Основные направления совершенствования законодательного регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Миграционное право. 2023. № 3. С. 24.
13.Бастрыкин А. объявил войну беспределу мигрантов // URL:https://ngs.ru/text/politics/2023/11/07/72876683 (дата обращения 10.02.2024).

References

1. https://mskvremya.ru/article/2023/1598-krasnaya-ploshchad-migranty-ugrozhali-politseyskim-zaderzhany
2. Gareev, I.I. Migration in Russia: problems and prospects. *Materials of the IX International Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists "Legal System and Challenges of Our Time"* (December 3–7, 2012). Ufa, 2012. Part 1. (In Russ.).
3. Metelev S.E. Criminal migration (criminological characteristics and prevention): abstract of dis.. ... Ph.D. M., 1996 (In Russ.).
4. Kostyu, M.F., Kunz E.V. Legal means of combating migration crime. *Migration Law.* 2022. No. 3
5. Migration in the countries of the former USSR. *Question. Foreign policy*. 2016. http://voprosik.net/migraciya-v-stranax-byvshego-sssr/ (accessed 01/31/2024).
6. State of crime in the Russian Federation for January - March 2021. *Materials of the press center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/23816756
7. Ivakhnyuk I. Labor migration to Russia: a view through the prism of political, economic and demographic trends // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskh (date of access: 02/10/2024).
8.https://az.sputniknews.ru/20231024/
9. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.
10. Byshevsky Yu.V. Migration as a criminological problem. Stavropol, 2007 (In Russ.).
11. Problems of state and international regulation of the labor market and labor migration. Monograph / ed. A.V. Voronina, M.V. Gogitidze, N.B. Osipyan [etc.]; Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow branch. University named after S.Yu. Witte in Rostov-on-Don [Electronic edition]. Moscow, 2023 (In Russ.).
12. Abazekhova Z.I. Main directions for improving the legislative regulation of migration processes in the Russian Federation. *Migration Law.* 2023. No. 3 (In Russ.).
13. Bastrykin A. declared war on the lawlessness of migrants. https://ngs.ru/text/politics/

Информация об авторах

О.Н. Палиева – кандидат юридических наук, доцент
В.Б. Палиев – кандидат педагогических наук

Information about the authors

O.N. Palieva – Candidate of Law, Associate Professor
V.B. Paliev – Candidate of Pedagogical Sciences

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 343.362

Насильственная преступность в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование: современное состояние и направление исследования

© Семенцова И.А., Сазанова Е.А., 2024

Ирина Анатольевна Семенцова [1], Екатерина Алексеевна Сазанова [2]
[1] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[2] Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. sazanovaekaterina@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются различные точки зрения термина «насилие» в отношении лиц, которые осуществляют правосудие и предварительное расследование, анализируются показатели такой преступности. На основании статистических данных оценивается состояние преступности данной категории преступлений, и выявляются особенности такого вида преступности на современном этапе.

Ключевые слова: правосудие, предварительное расследование, насилие, преступления против правосудия, насилие в отношении должностных лиц

Для цитирования: Семенцова И.А., Сазанова Е.А. Насильственная преступность в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование: современное состояние и направление исследования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С.133-138

Original article

Violent crimes against persons administering justice and preliminary investigation: current state and directions of research

© Sementsova I.A., Sazanova E.A., 2024

Irina A. Sementsova [1], Ekaterina A. Sazanova [2]
[1] Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don; Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia.
irina_semen@inbox.ru
[2] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. sazanovaekaterina@gmail.com

Abstract. The paper examines various points of view of the term "violence" against persons who carry out justice and preliminary investigation, analyzes the indicators of such crime. Based on statistical data, the state of crime in this category of crimes is assessed and the features of this type of crime at the present stage are revealed.

Keywords: justice, preliminary investigation, violence, crimes against justice, violence against officials

For citation: Sementsova I.A., Sazanova E.A. Violent crimes against persons administering justice and preliminary investigation: current state and directions of research. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):133-138 (In Russ.)

Для осуществления правосудия необходимо разрешить комплекс задач. От того, насколько эффективными станут эти пути решения, зависит фактическое состояние законности, правопорядка, а также обеспечения целостности государства.

Основными задачами Российского государства является защита человека, его прав и свобод, общества и государства, а также обеспечение правопорядка. Для их претворения в жизнь необходимо наличие эффективного правосудия. Соответственно, недопустимо всяческое вмешательство в правосудие [1].

Законодатель не дает четкого легального определения правосудию. Обращаясь к толковым словарям, можно найти различные воззрения на данное понятия. Во-первых, как «право судить о праве, законности и справедливости», «юстиция, суд, органы власти и т.д.» [2].

Во-вторых, имеют место быть позиции, которые относят правосудие к форме осуществления судебной власти [3].

В-третьих, можно встретить рассуждения о том, что правосудие необходимо отнести к самостоятельному виду государственной деятельности [4], а некоторые ученые вовсе говорят о том, что правосудие – это некая «услуга» государства, при которой суды выносят справедливые решения по противоправным деяниям [5].

В целом, правосудие можно определить как государственную деятельность, заключающуюся в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел в установленном законом процессуальном порядке и завершающуюся принятием соответствующего судебного решения. Т.е. правосудие формально выражается в различных судебных актах и решениях. Более того, правосудие будет верным рассматривать и с позиций правоприменительной и правотворческой деятельности. Правосудие и судебная власть неразделимы: первое является главной функцией второго. В этой связи, правосудие – уникальный социально-правовой феномен, сущность которого в фактическом представлении собой формы осуществления судебной власти.

Применение насилия или угроза применения насилия, а также посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, образуют группу насильственных преступлений.

В толковых словарях «насилие» понимается как принудительное воздействие либо применение силы в отношении кого-либо [6].

В уголовно-правовой доктрине принято рассматривать насилие в трех аспектах: уголовно-правовом, философском, криминологическом [7].

В уголовно-правовом аспекте «насилие» принято понимать как угрозу причинения физического или психологического вреда человеку. Философский подход подразумевает верховенство одного социального класса над другим путем принуждения.

В криминологическом смысле под насилием понимается более широкий круг действий, направленных для причинения не только нравственного, психологического, физического, но и эмоционального вреда, например, когда человеку навязывают экстремистские устои.

В связи с разнообразием подходов к пониманию термина «насилие» возникает необходимость в том, чтобы законодатель закрепил его на уровне УК РФ [8].

Проанализировав различные взгляды, мы пришли к собственному пониманию «насилия» как умышленного воздействия на человека или группу людей со стороны других лиц, происходящего против воли, потерпевшего и причиняющего ему физическую или психологическую травму.

Уголовное законодательство насчитывает более ста видов преступлений с применением насилия. Из гл. 31 УК РФ особенно значимыми являются ст. 295 и ст. 296 УК РФ, поскольку объектом насильственных посягательств выступает жизнь и здоровье лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование. Оценивать состояние преступности данной категории преступлений невозможно без статистических данных, которые могут послужить наглядным показателем криминогенного состояния преступности [9].

Таблица 1

Количество и темп прироста зарегистрированных посягательств на жизнь лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, и угрозу применения насильственных действий в связи с осуществления правосудия или расследования в РФ за 2001-2022гг [10]

Год	Количество зарегистрированных посягательств на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование	Темп прироста (%)	Количество зарегистрированных угроз или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования	Темп прироста (%)
2001	7	-	91	-
2002	12	41,7	94	3,3
2003	5	-41,6	83	-11,7
2004	7	40	86	7,2
2005	8	14,2	80	-10,1
2007	3	-65,5	79	-1,25
2008	5	66,7	83	5,1
2009	4	-20,0	77	-7,2
2010	5	25,0	86	11,7
2011	6	20,0	102	18,6
2012	3	-50,0	66	-35,3
2013	12	300,0	57	-13,6

2014	16	33,3	56	-1,8
2015	18	12,5	48	-14,3
2016	13	-27,8	58	20,8
2017	17	30,8	67	15,5
2018	11	-35,3	77	14,9
2019	5	-54,4	67	-13,0
2020	2	-60,0	78	16,4
2021	4	100,0	82	5,1
2022	3	-25,0	80	-2,4

Представленные данные позволяют заметить тенденцию снижения преступных посягательств, предусмотренных ст. 295 УК РФ. Тенденция роста преступных посягательств, предусмотренных ст. 295 и 296 УК РФ, по отношению с 2001 по 2022 гг. составила (-65%), а ст. 256 УК РФ – (-12,1%).

Таблица 2

Количество и темп прироста зарегистрированных насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, в России за 2001 – 2022гг.

Год	Кол-во преступлений	Темп прироста в %
2001	98	-
2002	106	8,2
2003	88	-17,0
2004	96	9,1
2005	88	-8,3
2006	82	-6,8
2007	88	7,3
2008	81	-8,0
2009	91	12,3
2010	108	18,7
2011	69	-36,1
2012	69	-
2013	72	4,3
2014	66	-8,3
2015	71	7,5
2016	84	18,3
2017	88	4,8
2018	72	-18,2
2019	80	11,1
2020	86	7,5
2021	83	-3,5
2022	77	-7,3

Эти статистические данные таблицы № 2 позволяют заметить снижение количественных показателей совершения преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительного расследования. Однако в 2002, 2004, 2009, 2010, 2013, 2015, 2016, 2017, 2019, 2020 гг. можно заметить рост количества насильственных посягательств по данной группе рассматриваемых преступлений. Самый значительный прирост был в 2018 г. (18,7%), а самый низкий – в 2021 г. (-3,5%).

Для более наглядного обзора состояния преступности по рассматриваемой проблематике ниже приведена динамика преступлений, против правосудия, а также динамика в сравнении с преступлениями в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование [11].

Рисунок 1.

Динамика насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, и динамика преступлений против правосудия за 2003-2022гг., в России

На графике хорошо обозревается, что рост преступлений против правосудия не всегда влечет рост насильственных преступлений против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование. Соответственно, это дает нам возможность сделать вывод о том, что и в будущем возможно сохранение подобной тенденции. Данное предположение можно подтвердить благодаря корреляции Пирсона, в период с 2003 по 2022 гг. процент корреляции между статистическими данными рассматриваемых преступлений составил 0,34% [12]. Такой показатель информирует, что корреляционная связь достаточно слабая, чем и подтверждает заявленное предположение.

При анализе динамики изучаемой группы преступлений можно сделать вывод о том, что она не всегда повторяющаяся. Например, в 2004 и 2011 гг. был прирост преступлений против правосудия, а насильственные преступления против лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, ушли на спад. Подобное имело место быть в период с 2003 по 2022 гг.

Чтобы комплексно оценить состояние преступности по рассматриваемой теме и предложить эффективные меры для ее предупреждения, необходимо рассмотреть способ совершения преступления, место и даже время [13].

Так, установлено, что 91 % рассматриваемых преступлений были совершены преступником по месту постоянного проживания, зачастую в городской местности (наряду с 18 % - в сельской местности).

Также была установлена зависимость должности потерпевшего от места совершения преступления. Так, например, если потерпевший – судья, то в большинстве случаев местом совершения преступления являлся зал судебного заседания. Если потерпевший – следователь, дознаватель, руководитель следственного органа и т.п., то местом совершения преступления выступали служебный кабинет. Если потерпевший – сотрудник ФССП, то дом, придомовая территория, квартира и т.п.

Стоить отметить, что для преступлений, совершенных в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, нехарактерно их совершение группой лиц (2 % наряду с 98% в одиночку).

Говоря о способе совершения преступлений, то они могут совершаться путем действия или бездействия [14]. В случае совершения преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие, – только путем действий.

Орудием совершения преступлений по данной категории, зачастую, выступает огнестрельное оружие (90%). Например, в мае 2021 г. в г. Смоленске на территории своего дома из огнестрельного оружия был убит судья Смоленского городского суда [15].

Преступления с применением холодного оружия также встречаются в судебной практике (5,1%). Например, 15 июля 2022 г. в г. Екатеринбурге был осужден гражданин Башкирии за убийство судьи, совершенное им в состоянии алкогольного опьянения с использованием холодного оружия в виде ножа [16].

Хотелось бы отметить, что 4,9% преступлений совершаются иным путем. Так, 28 июля 2021 г. судья дополнительных заседаний Дханбад Ананд был сбит тяжелой авторикшей 28 июля прошлого года в Рандхир Верма Чоук, недалеко от окружного суда, во время утренней пробежки около 5 часов утра. Он умер в тот же день [17].

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы:

- во-первых, количество насильственных преступлений в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, за период с 2003 по 2023 гг. выросло на 21,4%, удельный вес таких преступлений составил 0,003%, общее количество всех преступлений в отношении правосудия – 0,40%;

- во-вторых, структуру насильственных преступлений в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, можно определить так: 8,6% составляют преступления по ст. 295 УК РФ; 91,4% – по ст. 296 УК РФ. Несмотря на то, что эти преступления обладают низким уровнем латентности, они являются общественно опасными, поскольку подрывают азы правосудия;

- в-третьих, основными местами совершения преступлений в отношении лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, являются зал судебного заседания, здание суда, территория при суде, служебный кабинет – 75,8%, место проживания потерпевшего – 6,1%, открытая местность – 14,5%, иная территория (место проживания обвиняемого) – 8,1%.

Мы полагаем, что дальнейшее изучение и исследование данного вида преступности, ее особенностей, детерминант и иных составляющих будут положительно отражаться на возможности разработки мер профилактического воздействия.

Список источников

1. Яшин А.В. Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2020.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006.
3. Петрухин И.Л. Судебная власть. М., 2018.
4. Груздев В.В. Проблемы судебного толкования права в России // Российский судья. 2008. № 5
5. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000.
7. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности: история, теория, методы, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 318 с.
8. Наумов А.В., Кибальник А.Г. Уголовное право: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 14.02.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Статистические данные о состоянии преступности за 2003–2022 годы // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 06.03.2024 г.).
11. Челябова З.М. Насилие в посягательствах на собственность: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
12. Статистика о состоянии преступности за 2003–2022 годы // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 06.03.2024 г.).
13. Левков Д.Ю. Потерпевший в преступлениях против правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
14. Шувалова А.М. Правосудие как объект уголовно-правовой // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1 (62).
15. В Смоленске ждут новых жертв // URL: https://smolprovince.narod.ru/smolinfsite/proh_inter.htm (дата обращения: 08.03.2024 г.).
16. Приговор Екатеринбургского межрайонного суда от 17 мая 2017 г. № 1-27/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2024 г.).
17. Убийство судьи в Дханбаде: «Таких преступников нужно держать за решеткой до конца жизни», говорит суд // URL: https://www.news18.com/news/india/dhanbad-judge-murder-such-culprits-need-to-be-kept-behind-bars-till-end-of-life-says-court-5747269.html (дата обращения: 09.03.2024 г.).

References

1. Yashin A.V. Conceptual foundations for the prevention of crimes against participants in criminal proceedings: dis. ... Dr. of Law. Saratov, 2020 (In Russ.)
2. Dal V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version. M.: Eksmo, 2006. (In Russ.)
3. Petrukhin I.L. Judicial power. M., 2018. (In Russ.)
4. Gruzdev V.V. Problems of judicial interpretation of law in Russia. Russian Judge, 2008. No5 (In Russ.)

5. Alekseev S.S. Theory of law. M. 1994. (In Russ.)
6. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Azbukovnik, 2000. (In Russ.)
7. Bakharev D.V. Spatial analysis of the causal complex of crime: history, theory, methods, practice: abstract of the dissertation of Dr. of Law. Yekaterinburg, 2021. (In Russ.)
8. Naumov A.V., Kibalnik A.G. Criminal law: textbook for academic baccalaureate. Moscow: Yurayt, 2019. (In Russ.)
9. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (ed. from 14.02.2024) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 25. (In Russ.)
10. Statistical data on the state of crime for 2003-2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (date of appeal: 06.03.2024).
11. Cheliabova Z.M. Violence in encroachments on property: concept, types, problems of legislative regulation, qualification and punishment: dis. ... cand. of Law. Saratov, 2020. (In Russ.)
12. Statistics on the state of crime for 2003-2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (date of application: 06.03.2024).
13. Levkov D.Yu. The victim of crimes against justice: dissertation ... cand. of Law. M., 2019. (In Russ.)
14. Shuvalova, A.M. Justice as an object of criminal law. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2021. No 1 (62) (In Russ.)
15. New victims are waiting in Smolensk // https://smolprovince.narod.ru/smolinfsite/proh_inter.htm (date of application: 12/17/2023).
16. Verdict of the Yekaterinburg Interdistrict Court dated May 17, 2017 No. 1-27/2017 // SPS "Consultant-Plus" (date of application: 06.03.2024).
17. The murder of a judge in Dhanbad: "Such criminals should be kept behind bars for the rest of their lives," the court says // https://www.news18.com/news/india/dhanbad-judge-murder-such-culprits-need-to-be-kept-behind-bars-till-end-of-life-says-court-5747269.html (date of application: 09.03.2024).

Информация об авторах

Семенцова И.А. – кандидат юридических наук, доцент
Сазанова Е. А. – кандидат юридических наук

Information about the authors

Sementsova I.A. – Candidate of Law, Associate Professor
Sazanova E. A. – Candidate of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024. The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024

Научная статья
УДК 343.631

Подходы к толкованию и классификации оценочных понятий уголовного закона

© Е.В. Серегина, Н.А. Мамедов, 2024

Серегина Елена Владимировна[1], Мамедов Наил Азер оглы[2]
[1,2] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия
[1] seregina51@mail.ru
[2] nail.mamedoff@yandex.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка рассмотреть доктринальные подходы к толкованию и классификации оценочных категорий, закрепленных в уголовном законодательстве. В науке уголовного права отсутствует единообразие мнений относительно понимания сущности оценочных категорий и их типологии, что, в свою очередь, отчасти обусловливает трудности их использования в правоприменительной деятельности.

Для более глубокого и объективного понимания анализируемой дефиниции авторами проведено комплексное изучение существующих в правовой доктрине подходов к пониманию сущности и значения оценочных категорий, на основании которых предпринята попытка выработать собственное определение оценочного понятия, а также проанализировать существующие классификации оценочных категорий с целью рассмотрения вопроса установления единых системных критериев оценки и конкретизации таких понятий в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: оценочное понятие, оценочные категории, признаки, толкование, уяснение нормы, уголовное законодательство, правосознание правоприменителя, диспозитивность, императивность, классификация

Для цитирования: Серегина Е. В., Мамедов Н. А. Подходы к толкованию и классификации оценочных понятий уголовного закона // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. №4(167). С.139-144

Original article

Approaches to the interpretation and classification of evaluative concepts of criminal law

© E.V. Seregina, N.A. Mamedov, 2024

Seregina Elena V.,[1] Mamedov Nail A.[2]
[1,2] Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia
[1] seregina51@mail.ru
[2] nail.mamedoff@yandex.ru

Abstract. This article attempts to consider doctrinal approaches to the interpretation and classification of evaluative categories enshrined in criminal law. In the science of criminal law, there is no uniformity of opinions regarding the understanding of the essence of evaluation categories and their typology, which, in turn, partly causes difficulties in their use in law enforcement.

For a deeper and objective understanding of the analyzed definition, the authors conduct a comprehensive study of the approaches existing in legal doctrine to understanding the essence and meaning of evaluative categories, on the basis of which an attempt is made to develop their own definition of the evaluative concept, as well as to analyze existing classifications of evaluative categories in order to consider the issue of establishing unified systemic evaluation criteria and specifying such concepts in criminal legislation.

Keywords: evaluative concept, evaluative categories, signs, interpretation, clarification of the norm, criminal law, law enforcement awareness, dispositivity, imperative, classification

For citation: Seregina E.V., Mamedov N.A. Approaches to the interpretation and classification of evaluative concepts of criminal law. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):139-144 (In Russ.)

Многоаспектность внешних обстоятельств, а также психофизиологических и эмоциональных состояний личности оправдывают правомерность и необходимость в ряде случаев обращения законодателя к оценочным понятиям как инструментарию законодателя и государства в целом, в рамках разработки и реализации, претворения в жизнь уголовной политики.

Доля использования оценочных признаков в действующем уголовном законе составляет более 70%, что с позиции рассмотрения практики использования оценочных понятий в отечественном

уголовном законодательстве на различных этапах его исторического становления является вполне естественной закономерностью. Памятники истории русского уголовного права, начиная с Судебника 1497 года, придерживались тенденции приумножения количества используемых оценочных понятий в своих текстах. Примерно 80% всех актов отечественного уголовного законодательства периода с XVIII века по начало XX века содержали оценочные категории. Например, «жестокое заключение», «телесное наказание», «до удобного времени его держать», «часто», «великой вред», «по великости нарушения», «невеликая цена» и другие. Также в законодательстве того времени можно проследить широкое использование судейского усмотрения: «по изобретению дела», «по благоразсуждению» и другие.

Впервые проблема целесообразности и возможности законодательного использования оценочных признаков была затронута при разработке и обсуждении проекта Уголовного уложения 1903 года. В тексте закона доля оценочных понятий была снижена до 45%, что свидетельствовало о понимании проблем, возникающих или способных возникнуть в связи с их применением. Однако революционный переворот и спонтанное формирование нового уголовного законодательства советского периода привели к становлению на путь широкого использования оценочных категорий [1, с. 102].

Действующий уголовный закон включает большое количество норм, содержащих оценочные категории, но не содержит дефиниции оценочного понятия, однако даже при отсутствии единообразия содержательного смысла понятия, его сущность можно раскрыть через изучение отдельных черт и признаков оценочности.

С целью анализа существующих в теории уголовного права подходов к толкованию оценочных понятий, видится необходимым отметить, что определенным образом они связаны с такими категориями как «свобода», «диспозитивность», «вариативность». Интересной с позиции анализа понятия «свобода» является точка зрения С.Д. Шапченко. Упоминаемый автор настаивает на том, что формально-неопределенный подход к обозначению и установлению оценочных понятий и категорий дает широкие возможности субъекту правоприменения действовать свободно, по своему усмотрению в ходе определения смысла оценочного понятия и его относимости к конкретной правовой ситуации [2, с. 83].

А.И. Рарог придерживается позиции, что отождествлять уяснение правоприменителя на этапе использования уголовно-правовой нормы и оценку фактических обстоятельств совершенного преступного деяния в процессе доказывания неверно. Ученый высказывает точку зрения, согласно которой в применении любой нормы уголовного закона, а уж тем более содержащей оценочные понятия, в установлении признаков состава преступления, должна быть доля правоприменительного усмотрения и конкретизации смысла и воли законодательной мысли, что, по сути, и является в определенном смысле свободой и автономией, хоть и очерченной определенными границами [3, с. 703].

Напротив, некоторые ученые склонны считать, что следует более категорично подходить к разрешению соответствующего вопроса – закон не предоставляет правоприменителю права выбора и вариации оценочного понятия, в силу чего все оценочные категории должны быть абсолютно верны и истинны, на этапе правоприменения не могут подвергаться конкретизации и уяснению, иначе будет нарушена иерархичность построения отрасли и подходов к ее реализации [4, с. 63].

В анализе данной проблематики, на наш взгляд, определенную роль играет и тот фактор, что отсутствует истинное осознание того, что следует понимать под уяснением. С одной стороны, юридическая техника и казуистика, прибегающая к «уяснению», может возлагать на данное понятие смысловую нагрузку права, а не обязанность суда по конкретизации и определении сущностных признаков и характеристик некоторых явлений и процессов. И данный подход не всегда уместен и эффективен, так как существует группа объективных ситуаций правоприменения, в которых возникает обязанность давать уголовно-правовую оценку определенных фактов.

Однако при всем плюрализме мнений относительно правильного уяснения сущности оценочных категорий уголовного закона, исходя из основ и принципов построения уголовного права как отрасли права, только государство как главный политический институт имеет особые прерогативы создавать общеобязательные социальные нормы – нормы права – и обеспечивать их исполнение исключительным правом на легальное насилие.

Конечно, наличие оценочных категорий в уголовном законе не делает отрасль диспозитивной. Закрепленные законодателем принципы отраслевого построения прочно и незыблемо сохраняют императивность уголовного права. Поэтому когда в доктринальных просторах встречается позиция такого толкования оценочных понятий как структурных элементов, расширяющих границы диспозитивности, следует вносить большие коррективы в данное правопонимание – элементы свободы уяснения и оценки сущностного содержания оценочного понятия имеют отношение лишь к субъекту правоприменения, который по логике вещей обладает должным уровнем правовой культуры

и правосознания, компетенции, профессионализма, знаний, умений и навыков для корректного уточнения смысла оценочного признака [5, с. 128]. Следовательно, диспозитивные элементы уголовного закона ни коим образом не действуют в отношении субъекта преступного деяния, которому органы и должностные лица на этапе правоприменения инкриминируют деяние, содержащее в своем нормативном закреплении оценочные понятия и категории.

Нельзя говорить о полной неопределенности нормотворческой мысли в ходе издания закона, содержащего оценочные понятия в своей структуре и составе, так как иначе вовсе бы не возникало юридической ответственности, не произошла бы криминализация уголовно наказуемых деяний. Лицом, имеющим компетенции и полномочия формулировать и устанавливать признаки преступного деяния, является лишь законодатель, а не правоприменитель. Последний в свою очередь действует уже именно локально, точечно конкретизируя и уточняя. Подтверждается данная мысль и соответствующим законодательным положением – преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ; применение уголовного закона по аналогии не допускается [6, с. 190].

Необходимо указать на такой способ толкования оценочных категорий уголовно-правовой мысли как социологический метод. Авторами такого подхода являются В. Б. Гончаров и В. В. Кожевников [7, с. 54]. В рамках данного подхода происходит перенос специальных социальных знаний общественной жизни в плоскость права, отражение экзистенциальных потребностей общества, становление единого понимания именно под влиянием конкретного социального уклада.

Существует и такой способ интерпретации и толкования оценочных понятий уголовного закона как историко-политический или исторический. Данный доктринальный подход заключается в изучении сущности оценочного понятия в корреляции и сравнении с конкретным историческим этапом, эпохой, переживаемой обществом в данный момент своего развития [8, с. 22]. Н. С. Таганцев справедливо отмечал, что такой подход является одним из важных направлений определения и объяснения некоторых тенденций в уголовном законодательстве [9, с. 187]. По сути историко-политический подход основывается на ретроспективных элементах анализа норм права в сопоставлении с тремя возможными составляющими: корреспондирующей нормой права в прошлом и нашедшей схожее отражение в действующем уголовном законодательстве; текущей социально-политической обстановкой в государстве и обществе; нормой права, в нашем случае оценочным понятием, которое было признано утратившим юридическую силу [10, с. 147].

Среди ученых возникают споры относительно того, что может являться средством и объектом в рамках семантического уяснения смыслового значения оценочной категории. Безусловно, недопустимо пренебрежение принципами уголовно-правового построения, один из которых гласит о запрете применения аналогии в силу императивности отрасли и строгости правовых последствий уголовной ответственности. Поэтому, раскрывая сущность оценочной категории, корректно рассуждать о наличии дефиниций, требующих ограниченного уточнения с опорой на конкретные условия правоотношений и уровень правовой культуры и правосознания субъекта правоприменения [11, с. 77].

В оценочных понятиях их смысловое содержание подразделяется на долю, постулированную законодателем, и долю, уясняемую и конкретизируемую субъектом правоприменения притом, что круг звеньев правоприменения куда шире, нежели субъект этапа законотворчества. В связи с чем при определении правовой природы оценочных понятий необходимо уделить внимание такой категории как «правосознание правоприменителя».

Правосознание как компонент правовой системы включает в себя совокупность чувств, представлений, идеалов, убеждений человека о правовом устройстве государства, то есть выступает одной из форм общественного и индивидуального сознания. На этапе уточнения и конкретизации очень важно уделять внимание рассмотрению когнитивных функциональных возможностей правоприменителя, его профессиональных способностей, уровня общей и правовой культуры.

Правосознание, как и общая культура, мировоззренческие ценности, убеждения, идеалы и принципы каждой личности аутентичны, уникальны и своеобразны. Даже при наличии примерно схожих, общих тенденциозностях отражения менталитета широких масс населения, уровень профессионального правосознания каждого правоприменителя неповторим, многогранен и специфичен по своему компонентному набору правовых ценностей, знаний законодательных основ и юридическим убеждениям, и идеям построения правовой системы.

Правосознание ключевым образом сказывается на терминологическом трактовании оценочных понятий и категорий в ходе оперирования ими, при этом правоприменитель, прибегая к оценочным механизмам в рамках разрешения конкретной правовой ситуации, не определяет оценочное понятие, а лишь конкретизирует его.

Подходы к классификации оценочных понятий, которыми оперирует законодатель, крайне вариативны и дифференцированы, так как не установлены на законодательном уровне.

В зависимости от элемента структуры нормы права, в котором расположено используемое оценочное понятие, можно назвать: оценочные понятия, содержащиеся в гипотезе; оценочные понятия, расположенные в диспозиции правовой нормы; локализованные в санкции оценочные категории [12, с. 16]. Рассматривая удельный вес каждой из указанных групп видовых категорий оценочных понятий, стоит отметить превалирование оценочных понятий, содержащихся в диспозиции уголовно-правовой нормы [13, с. 211].

В зависимости от сущности и характера общих свойств, которые рамочно устанавливает оценочное понятие, Т. В. Кашанина выделяет качественные и количественные оценочные понятия [14, с. 54].

С точки зрения степени конкретизации А. А. Малиновский называет интерпретированные (определенные), частично интерпретированные, не интерпретированные оценочные понятия [15, с. 272].

Д. Р. Касимов предлагает в зависимости от такого классификационного основания как степень кринимообразующих свойств состава преступления указать на несколько групп оценочных понятий – абсолютно-конститутивные, альтернативно-конститутивные, полуконститутивные и смешанные (альтернативно-абсолютные) оценочные понятия [16, с. 450].

В целом, говоря о конститутивных оценочных категориях уголовного закона вне относимости к конкретной группе, следует отметить, что, являясь лексическим компонентом элементов структуры нормы права, они устанавливают совокупность наиболее общих, устойчивых и типичных характеристик, необходимых в рамках инкриминирования деяния лицам, совершившим преступное деяние [17, с. 82]. При этом, во-первых, все конститутивные оценочные понятия обладают нормативно-контекстной экзистенциальностью, то есть интерпретация оценочной категории, ее оценка возможна только в конкретных условиях, применительно к отдельным группам преступлений или вовсе только в рамках единичного состава противоправного виновного деяния.

Во-вторых, конститутивные оценочные понятия должны обязательно быть функционально, казуистически или семантически вплетены в общелогическую смысловую конструкцию нормы уголовного закона.

В-третьих, конститутивные оценочные понятия детерминированы генезисом и правовой природой Особенной части УК РФ, а соответственно, имеют локализацию именно в ее нормах, позволяя вариативно подходить к правопониманию конструкций составов отдельных преступлений, их криминализации, а в дальнейшем на этапе правоприменения уяснять сущность оценочных понятий и корректно инкриминировать лицам соответствующие составы преступлений, квалифицируя поведенческие деяния по статьям Особенной части УК РФ.

В альтернативно-конститутивных оценочных понятиях, напротив, установлена ситуационная вариативность – то есть предложено несколько оценочных понятий, причем, как правило, они не иерархичны, а равносильны друг другу. Соответственно, исходя из совокупности всех фактических обстоятельств дела на этапе правоприменения будет решен вопрос об относимости объективной стороны преступного деяния под критерии и признаки хотя бы одного оценочного признака. Так, ст. 155 УК РФ содержит оценочное понятие «корыстные побуждения» и другое, альтернативное и равнозначное ему оценочное понятие «иные низменные побуждения».

Смешанные (альтернативно-абсолютные) конститутивные оценочные понятия характеризуются тем, что одновременно включают в свою структуру как элемент абсолютной конструкции, так и элемент ситуативной поливариантности, то есть альтернативной конструкции.

Полуконститутивные оценочные понятия имеют факультативную функциональную направленность, обладают сопутствующим характером по отношению к основным конститутивным характеристикам [16, с. 452-453].

Рассмотренные позиции позволили прийти к выводу о том, что научное сообщество все еще активно развивает теоретическую базу в отношении определения правой природы оценочных понятий.

Имеющаяся дискуссия относительно толкования оценочных понятий, используемых в уголовном законодательстве, а также выделение их видов, с одной стороны, подтверждает значимость рассматриваемой дефиниции со стороны законодателя и теории, с другой стороны, показывает сложность в уяснении правовой природы оценочных категорий, так как специфика данной категории обуславливается целым комплексом факторов, в том числе динамичностью и изменчивостью общественных отношений.

На основании анализа приведенных точек зрения и уяснения системы признаков оценочного понятия считаем целесообразным предложить следующее определение, которое может быть использовано в процессе дальнейших научных исследований, законотворческой деятельности и в процессе правоприменения: оценочное понятие уголовного закона – это понятие, закрепленное в уголовно-правовой норме, содержание которого не определено в уголовном законе с достаточной степенью для понимания и конкретизируемое правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы уголовного закона.

Необходимо отметить, что на юридическую сущность оценочных понятий влияют не только присущие ему внутренние свойства и признаки, но и внешние условия его нормативного употребления в рамках конкретной уголовно-правовой нормы.

Вышеприведенный анализ существующих в доктринальных исследованиях видов оценочных понятий в уголовном законодательстве наглядно свидетельствует о том, что существующая система классификации на сегодняшний день весьма разнообразна. Изложенный выше перечень, тем не менее, не является закрытым и исчерпывающим. Практическая значимость классификации оценочных понятий заключается в стимулировании познания и объяснения новых явлений, критериев, признаков и процессов в оценочно-понятийной проблематике. При этом сформировать исчерпывающую классификацию не представляется возможным ввиду того, что оценочные понятия обладают содержательной разнородностью и характеризуются сущностным доктринально-правовым плюрализмом, подразумевающим отсутствие какого-либо единого понимания природы оценочных понятий.

Список источников

1. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. Глава II. О нарушении ограждающих веру постановлений (с изменениями по закону 14 марта 1906 г. (Собр. узак., ст. 461)). С.-Петербург: Феникс, 1906 // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: дис… к. ю. н. Киев, 1988. 223 с.
3. Рарог А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 992 с.
4. Енина А. С. Оценочные понятия в уголовном законодательстве России: проблемы определения и квалификации / Научный поиск курсантов. Сборник материалов Международной научной конференции. Могилев, 2022. С. 62-63.
5. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: Проблемы теории и практики: дис. … к. ю. н. Тамбов, 2009. 230 с.
6. Шумилина О. С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: дис. … к.ю.н. М., 2002. 296 с.
7. Гончаров В. Б., Кожевников В. В. Проблема усмотрения правопринимающего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 3. С. 52-56.
8. Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права. Тольятти, 2002. 182 с.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. М.: Юрайт, 2024. 414 с.
10. Соловьева Н. А. Значение дифференциации оценочного терминологического аппарата для модернизации уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 2 (19). С. 143-149.
11. Питецкий В.В. Применение оценочных признаков уголовного закона: (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве): учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1995. 88 с.
12. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. 2018. № 9. С. 14-23
13. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: Проблемы теории и практики: дис. … к.ю.н. Тамбов, 2009. 230 с.
14. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. … к.ю.н. Свердловск, 1974. 185 с.
15. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве / Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 268-272.
16. Касимов Д. Р. Конститутивные оценочные понятия в уголовном праве: понятие, виды, функции, сущностные особенности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Т. 31. 2021. № 3. С. 450-458.
17. Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики: дис. … к.ю.н. Белгород, 2019. 182 с.

References

1. Tagantsev N. S. Criminal Code of March 22, 1903. Chapter II. On violation of resolutions protecting faith (as amended by law on March 14, 1906 (Sobr. uzak., Art. 461)). St. Petersburg: Phoenix, 1906 // Reference and legal system «Garant».(In Russ.)
2. Shapchenko S. D. Evaluative signs in the composition of specific crimes: dis... candidate of Law. Kiev, 1988. 223 p. (In Russ.)
3. Rarog A. I. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / A. I. Rarog. M.: Prospect, 2021. 992 p. (In Russ.)

4. Enina A. S. Evaluative concepts in the criminal legislation of Russia: problems of definition and qualification / Scientific search for cadets. Collection of materials of the International Scientific Conference. Mogilev, 2022. pp. 62-63. (In Russ.)
5. Fetisov O. E. Evaluative concepts in law: Problems of theory and practice: dis. ... candidate of Law. Tambov, 2009. 230 p. (In Russ.)
6. Shumilina O. S. Evaluative concepts in the Criminal Code of the Russian Federation and their use in law enforcement: dis. ... candidate of Law. M., 2002. 296 p. (In Russ.)
7. Goncharov V. B., Kozhevnikov V. V. The problem of discretion of a law-enforcement entity in the law enforcement sphere. *State and law*. 2001. No. 3: 52-56. (In Russ.)
8. Vashchenko Y. S. Philological interpretation of the norms of law. Tolyatti, 2002. 182 p (In Russ.)
9. Tagantsev N. S. Russian criminal law in 2 hours Part1. M.: Yurayt, 2024. 414 p. (In Russ.)
10. Solovyova N. A. The importance of differentiation of the evaluative terminological apparatus for the modernization of criminal procedural activity. *Bulletin of the Volgograd State University.* 2013. No. 2 (19):143-149. (In Russ.)
11. Pitetsky V.V. Application of evaluative features of the criminal law: (essence, functions, prospects of use in legislation): studies. the manual / V.V. Pitetsky. Krasnoyarsk: Krasnoyar Publishing House. unita, 1995. 88 p. (In Russ.)12. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Uncertainty of criminal law: content, risks, development strategy. *Russian justice*. 2018. No. 9: 14-23(In Russ.)
13. Fetisov O. E. Evaluative concepts in law: Problems of theory and practice: dis. ... candidate of Law. Tambov, 2009. 230 p. (In Russ.)
14. Kashanina T. V. Evaluative concepts in Soviet law: dis. for the degree of Candidate of Law. Sverdlovsk, 1974. 185 p. (In Russ.)
15. Malinovsky A. A. Evaluative concepts in legislation*. Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement.* Vol. 1. Nizhny Novgorod, 2001. pp. 268-272. (In Russ.)
16. Kasimov D. R. Constitutive evaluative concepts in criminal law: concept, types, functions, essential features. *Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series.* Vol. 31. 2021. No. 3. pp. 450-458. (In Russ.)
17. Belousova K. A. Evaluative categories in law: issues of theory and practice: dis. ... candidate of Law. Belgorod, 2019. 182 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Серегина – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Н. А. Мамедов – магистрант

Information about the authors

E. V. Seregina – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law
N. A. Mamedov – Master Degree Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 26.03.2024

Политические институты, процессы, технологии

Научная статья
УДК 323

Прокси-войны: история и современность

© Хагуш С.Л., 2024

Саида Львовна Хагуш
Абхазский государственный университет, г Сухум, Республика Абхазия, saidakhagush@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформационным процессам, которые происходят в последние тридцать лет на постсоветском пространстве и в мире. На трансформацию прежних территориально-административных советских структур, ставших независимыми государствами, оказывают влияние внешние геополитические игроки, используя методы ведения прокси-войн как войн чужими руками и на чужой территории. Целью статьи является анализ угроз прокси-войн современным государствам на постсоветском пространстве, обоснована необходимость парирования таких угроз для сохранения суверенитета новых государств

Ключевые слова: прокси-война, постсоветское пространство, трансформация, информационная война, экономическая блокада

Для цитирования: Хагуш С.Л. Прокси-войны: история и современность // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4 (167). С.145-148

Original article

Proxy wars: history and modernity

Saida L. Hagush
Abkhaz State University, Sukhum, Republic of Abkhazia. saidakhagush@mail.ru

Abstract. The article studies the transformation processes that have been taking place for the last thirty years in the post-Soviet space and in the world. The transformation of the former territorial-administrative Soviet structures which became independent states is influenced by external geopolitical players, using methods of waging proxy wars as wars by proxy and on foreign territory. The purpose of the article is to analyze the threats of proxy wars to modern states in the post-Soviet space, to substantiate the need to fend off such threats in order to preserve the sovereignty of new states

Keywords: proxy war, post-Soviet space, transformation, information war, economic blockade

For citation: Hagush S.L. Proxy wars: history and modernity. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2024. No.4 (167):145-148 (In Russ.)

Продолжающаяся трансформация мирового, в том числе постсоветского, пространства является актуальной проблемой для исследования до настоящего времени по причине того, что стремящиеся к стабильности и развитию новые государства пытаются снизить социально-политическую напряженность внутри страны до допустимого уровня. Но во внешнем окружении каждого государства существуют сильные государства и соседи, от которых зависит уровень международной напряженности [1].

Одним из внешних факторов, влияющих на внутреннюю социально-политическую обстановку и на баланс сил внутри государства, являются прокси-войны (англ. *proxy war* – опосредованная война, война по доверенности, война чужими руками). Существуют и другие определения прокси-войны.

Так, К. Дойч, американский социолог и политолог, еще в 1964 году определял прокси-войну как «…международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [Цит по: 2]

Э. Мамфорд расширил определение К. Дойча, уточнив, что:

– обязательным элементом прокси-войны является непрямое вмешательство внешней силы;

– в местном конфликте внешняя сила может поддерживать только одну из сторон (как в Афганистане оппозицию тайно поддерживали США);

– поддержка внешней силы никогда не называется ею «прокси-войной», а камуфлируется под названиями типа «проекция силы», «иностранная помощь» и т.п.;

– такая война рассматривается как «прокси» только другими, не вовлеченными в конфликт, государствами;

– отличие прокси-войны от военных союзов в том, что союзники готовы проливать кровь в общих целях, а в случае прокси-войны проливается чужая кровь, а не внешней силы;

– в прокси-войны могут быть вовлечены негосударственные участники, например, частные военные компании (далее – ЧВК) [3].

Российский аналитик В. Микрюков определил прокси-войны как «…конфликты, в которых в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической или иной поддержкой» [2].

Наряду с ЧВК все более значимо проявляется новый феномен – участие в прокси-войнах транснациональных компаний (далее – ТНК), которое придает этому виду войн характер двойных. ТНК вступают в прокси-войну, потому что имеют большой коммерческий интерес в стране конфликта. Современные ТНК содержат собственные военные формирования под видом охранных структур, ЧВК, и воюют как бы за свой частный интерес, но за которым более тщательно скрывается участие государства. Государства начинают утрачивать контроль над деятельностью ТНК, а международные механизмы такого контроля еще не существуют.

Более того, ТНК увеличивают свое влияние на политику, вплоть до кадровых назначений «удобных» членов истеблишмента, имея для этого большие финансовые возможности [4]. Примером могут стать бомбардировки США и союзниками богатого нефтью Ирака в 2003 году, борьба за раздел месторождений которого между нефтяными ТНК ведется до сих пор.

Уже ставшие классическими примеры прокси-войн приводят Г. Фуллер и Э. Мамфорд. Первый считал, что вооруженный конфликт между Израилем и шиитской группировкой «Хезболла» (запрещенная в ряде стран террористическая группировка) в июле-августе 2006 года являлся прокси-войной, в которой за Израилем стояли США, а за Хезболлой – Иран [5].

Второй исследователь настаивал, что прокси-войной являлась также гражданская война в Ливии в 2011 году. Повстанцев против режима М. Каддафи поддерживали страны НАТО, которые выделили оппозиции миллиард долларов на покупку оружия. Результатом такой опосредованной войны стало разрушенное государство Ливия [3].

История знает много примеров ведения прокси-войн, одним из ярких является прокси-война международных сил с молодой советской властью после победы большевиков в 1917 году. На территории распавшейся Российской империи появилось множество анархических, националистических, монархических (белогвардейских) отрядов, взаимодействовавших с военным силами четырнадцати государств, которые, в свою очередь, имели целью возврат потерянных финансовых и производственных активов, национализированных советской властью. Стратегической же целью стран Антанты был раздел территории России – согласно соглашению между ними, заключенному в Париже 23 декабря 1917 года [5]. Великобритания претендовала на Кавказ, донскую и кубанскую области, населенные казачеством; Франция объявляла своей зоной влияния (колонией) Бессарабию, Украину и Крым; Сибирь и Дальний Восток отдавался США и Японии. Что также означало иностранный контроль над российскими энергоресурсами, портами и морскими путями. Стремление националистов в Украине, Прибалтике, Польше и Финляндии к суверенитету решено было поддерживать, но не признавать. В свою очередь, белогвардейцы использовали интервентов как прокси-силу [2].

В прокси-войнах используются даже террористические формирования. Например, в Сирии против правительственных войск воюют запрещенные во многих странах террористические организации ИГИЛ и Аль-Каида (запрещенные в России террористические организации), спонсируемые западными странами и США; в 70-80-е годы XX века в Афганистане велась прокси-операция США и Пакистана против СССР [7].

Подрыв суверенитета государств через прокси-конфликты сочетается с другими методами: информационными войнами, экономической блокадой, работой экологических движений, некоммерческих «правозащитных» организаций, чья «гуманитарная» работа является прикрытием других, враждебных целей. Глубоко скрытой под лозунгами «защиты прав человека», «народно-освободительной борьбы», «цветных революций» является экономическая цель колонизации новых территорий [8].

В качестве важной прокси-силы выступает молодежь страны-жертвы, своего рода «горючий» расходный материал, особенно в организации и проведении «цветных революций». Опорой закулисных игроков являются также фундаменталистские религиозные организации, право- и леворадикальные националистические движения, оппозиция, борющаяся за власть. Информационный век предоставил широкую интернет-площадку для распространения террористической и экстремистской пропаганды среди населения, особенно молодого, в социальных и международных сетях. Интернет-сети используются внешними силами через международные фонды и гранты для проработки сценариев прокси-конфликтов, революций, экономических и информационных диверсий [9].

После распада Советского Союза в кавказском регионе образовались новые независимые государства, обозначившие свои национальные интересы и внешнеполитические приоритеты. И если раньше Кавказ считался периферией геополитики, то после трансформации постсоветского пространства кавказский регион стал ареной для игр влиятельных международных сил. Кавказ с 1991 года находится в сфере борьбы за влияние региональных и мировых держав на кавказские народы, государства, непризнанные или частично признанные республики.

Кавказский регион стал самой нестабильной в политическом плане территорией на пространстве бывшего СССР. С момента его распада произошло восемь межэтнических и гражданских конфликтов, и шесть из них – на территории Кавказа: армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии, осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты (последние два на территории Российской Федерации). И до сих пор они до конца не урегулированы [10].

В начале 1990-х Россия рассматривалась участниками конфликтов в регионе как главный участник мирного урегулирования споров. И так и было: именно Россия сыграла решающую роль в остановке кровопролития в Южной Осетии (1992), Абхазии (1993-1994), Нагорном Карабахе (1994), прекращении внутригрузинской гражданской войны (1993). Тогда же сложились политико-правовые формы мирного урегулирования Южного Кавказа (Дагомысские соглашения по Южной Осетии 1992 г. и Московские соглашения по Абхазии 1994 г., Соглашение о прекращении огня в зоне армяно-азербайджанского конфликта 1994 г.).

Но позже, начиная с конца 1990-х годов ситуация изменилась. США включили Кавказ в зону своих стратегических интересов. Американский политик А. Коэн заявлял: «…четыре века русской экспансии на юг закончились. <…> впервые в истории США и их союзники имеют доступ к евразийским внутренним пространствам и находящимся там обильным экономическим ресурсам» [11]. Активизация американской политики в кавказском регионе, в непосредственной близости от российских границ, не может не вызывать тревогу у российских властей. О повышении же активности западных стран говорят такие факты: подписанная Хартия США и Грузии о стратегическом партнерстве (2009 г.); финансовое спонсирование США Армении почти так же велико, как и американские вливания в Израиль; совместная разработка нефтедобычи в Азербайджане (трубопровод «Баку-Тбилиси-Джейхан») и другие.

Активизацию политики США в кавказском регионе можно расценивать как прокси-войну экономического и политического характера, пока без масштабного применения военных средств. При этом у США далеко идущие планы по созданию «Большого Ближнего Востока», объединив под своим управлением Египет, Израиль, арабские страны Ближнего Востока, Турцию, Южный Кавказ и Центральную Азию, Иран, Афганистан и Пакистан. Но в такую политику вмешиваются и другие игроки – Европейский Союз, Иран.

На постсоветском пространстве существуют «горячие» или «замороженные» конфликты. Каждый случай уникален и во многом может быть объяснен, в том числе, субъективными факторами – особенностями национальных элит. Так, «замороженный» конфликт в Приднестровье можно назвать вялотекущей прокси-войной между местными элитами и прозападной властью в Молдове.

То, что в Крыму и Донбассе может что-то произойти, было ясно еще в 1991 году, когда украинские националисты заявляли, что «Крым будет украинским или безлюдным» [12]. Конфликтная ситуация в регионе стремительно развивалась и переросла в «горячую» фазу прокси-войны «до последнего украинца», когда силам российской специальной военной операции (СВО) противостоят США и страны западного мира, которые участвуют в противостоянии на чужой (украинской) территории, снабжая украинские войска оружием.

Таким образом, в мире оформляется новый геополитический порядок. Старые политико-правовые форматы мирного урегулирования уже не работают, эффективных мирных разрешений «замороженных» конфликтов не предложено ни одними, ни другими конфликтующими сторонами, ни третьими силами. Кроме того, на постсоветском пространстве уже имеются прецеденты пересмотра границ между бывшими союзными республиками. Геополитические игроки меняются, инициируются различные проекты передела постсоветского пространства, что создает новые угрозы мировой безопасности.

Угрозам национальным интересам государств и безопасности в мире в прокси-войнах, развязываемых геополитическими противниками против добрососедской политики бывших советских республик, когда «под каток идут – политика, религия, историческая память народов и государств» [13], необходимо противостоять, организуя и развивая «информационную гигиену», учить молодежь и новую элиту работать с пропагандистской информацией геополитических конкурентов, уметь анализировать ее.

Список источников

1. Капицын В.М., Смирнова А.М., Столетов О.В. и др. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2019. №4. С. 117-139.
2. Микрюков В.Ю. Прокси-война // URL: http://nic-pnb.ru/analytics/proksi-vojna/ (дата обращения 29.02.2024)
3. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013. 141 p.
4. Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Ч. II. Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Синергия, 2013. 976 с.

5. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921 / Под ред. А. С. Бубнова и др. СПб.: Полигон, 2002. 672 с.
6. Graham E. Fuller. The Hizballah-Iran Connection: Model for Sunni Resistance // The Washington Quarterly, Volume 30, Number 1, Winter 2006-07. P. 139-150.
7. Dormandy X. Afghanistan's Proxy War // URL: https://www.belfercenter.org/publication/afghanistans-proxy-war (дата обращения 03.03.2024)
8. Раткин Л.С. Отказоустойчивость энергетики и «откатоустойчивость» экономики: как противостоять прокси-войнам? // Инвестиции в России. 2018. № 12(287). С. 43-46.
9. Кузина С.И., Хагуш С.Л. Новые виды войн в процессах глобальной конкуренции государств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3 С. 160-164.
10.Маркедонов С.М. Кавказский регион: от периферии к эпицентру мировой политики // АПЕ. 2010. №3. С. 101-122.
11.Cohen A. US policy in the Caucasus and Central Asia: Building a New «Silk Road» to economic prosperity // Backgrounder. Wash., D.C: The Heritage foundation, 1997. N 1132, 24 July.
12.Плотников Д. Украинское общество готово к драке. Почему в республиках бывшего СССР не прекращаются войны и цветные революции? // URL: https://lenta.ru/news/2022/01/27/medvedev_nato/
13.Бахтияров Р. Как Запад развязывает прокси-войны на постсоветском пространстве // URL: https://uz.sputniknews.ru/20231122/zapad-proksi-voyny-postsovetskoye-prostranstvo-41172315.html (дата обращения 03.03.2024)

References

1. Kapitsyn V.M., Smirnova A.M., Stoletov O.V. and others. Proxy wars and the consistency of states in the modern world. *Social and humanitarian knowledge*. 2019. No. 4: 117-139. (In Russ.)
2. Mikryukov V.Yu. Proxy war // URL: http://nic-pnb.ru/analytics/proksi-vojna/ (accessed 02/29/2024) (In Russ.)
3. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013. 141 p. (In Russ.)
4. Vladimirov A.I. Fundamentals of the general theory of war. Part II. Theory of national strategy: foundations of the theory, practice and art of government. M.: Synergy, 2013. 976 p. (In Russ.)
5. Kakurin N. E., Vatsetis I. I. Civil War. 1918–1921 / Ed. A. S. Bubnova and others. St. Petersburg: Polygon, 2002. 672 p. (In Russ.)
6. Graham E. Fuller. The Hizballah-Iran Connection: Model for Sunny Re-sistance. *The Washington Quarterly*, Vol, 30, No 1, Winter 2006-07: 139-150. (In Russ.)
7. Dormandy X. Afghanistan's Proxy War // URL: https://www.belfercenter.org/publication/afghanistans-proxy-war (accessed 03/03/2024) (In Russ.)
8. Ratkin L.S. Failure-tolerance of the energy sector and "rollback-tolerance" of the economy: how to resist proxy wars? *Investments in Russia*. 2018. No. 12(287):43-46. (In Russ.)
9. Kuzina S.I., Khagush S.L. New types of wars in the processes of global competition of states. *State and municipal management. Scientific notes of SKAGS*. 2017. No. 3:160-164. (In Russ.)
10. Markedonov S.M. Caucasian region: from the periphery to the epicenter of world politics. *APE*. 2010. No. 3: 101-122. (In Russ.)
11. Cohen A. US policy in the Caucasus and Central Asia: Building a New "Silk Road" to economic prosperity. *Backgrounder*. Wash., D.C: The Heritage foundation, 1997. No 1132, 24 July. (In Russ.)
12. Plotnikov D. Ukrainian society is ready for a fight. Why do wars and color revolutions not stop in the republics of the former USSR? // URL: https://lenta.ru/news/2022/01/27/medvedev_nato/ (In Russ.)
13. Bakhtiyarov R. How the West unleashes proxy wars in the post-Soviet space // URL: https://uz.sputniknews.ru/20231122/zapad-proksi-voyny-postsovetskoye-prostranstvo-41172315.html (date accessed 03/03/2024) (In Russ.)

Информация об авторе

Хагуш С. Л. - преподаватель

Information about the author

Khagush S. L. - Lecture

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 26.03.2024. The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 26.03.2024